

СЕРИЯ
—БИБЛИОТЕКА—
BYZANTINOTAURICA

Серия основана в 2022 году

BYZANTINOTaurica — VII

ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет
Научно-образовательный центр «Археологические исследования»
Научно-исследовательская лаборатория
«Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях

Э.Е.Кравченко

ЦАРИНО ГОРОДИЩЕ

Формирование поселенческой структуры

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда
підготував

Симферополь
2024

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 72

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, доцент С.Г.Бочаров

Издание подготовлено в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Государственного задания «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям» (FEFM-2024-0014)

Рекомендовано к печати

*Ученым советом Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета*

Рецензенты:

Мыц Виктор Леонидович — доктор исторических наук. Государственный Эрмитаж.
Ситдиков Айрат Габитович — доктор исторических наук, профессор, академик АН РТ. Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ.

Кравченко Э.Е.

К 72 **Царино городище. Формирование поселенческой структуры:**
монография / Отв. ред. С.Г.Бочаров [Byzantinotaurica – VII]. — Симферополь: Н.Оріанда, 2024. — 208 с.

ISBN 978-5-6053335-5-5

Работа посвящена общей систематизации материалов, полученных в процессе изучения Царинского археологического комплекса (археологический комплекс у с. Маяки Славянского района ДНР). Указанный памятник является одним из крупнейших средневековых поселений в среднем течении р. Северский Донец. Он функционировал в течение всей эпохи Средневековья, его материалы отражают тысячелетнюю историю оседлой жизни на территории Доно-Донецкого региона. В отдельные периоды Царино городище играло видную роль в жизни населения среднего течения Северского Донца и сопредельных с ним степных территорий.

Для специалистов и студентов, интересующихся вопросами археологии и истории степей Северного Причерноморья эпохи Древности и Средневековья.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-6053335-5-5

© Э.Е.Кравченко, текст,
илюстрации, 2024
© «Н.Оріанда», макет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
----------------	---

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

1.1. Памятники округи Царинского археологического комплекса.....	13
1.2. Царинский археологический комплекс	
1.2.1. Описание памятника	15
1.2.2. История изучения памятника	19

ГЛАВА 2

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПАМЯТНИКА ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. Фортификация и поселенческая структуре городища	30
2.2. Поселенческая структура селища 2	39
2.3. Поселенческая структура селища 1	49
2.4. Поселенческая структура селища 3	56

ГЛАВА 3

НЕКРОПОЛИ ЦАРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

3.1. Могильники хазарского времени	75
3.2. Некрополи постхазарского периода.....	97
3.3. Могильники золотоординского времени	100

ГЛАВА 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЦАРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

4.1. Ранние поселения на территории памятника	102
4.2. Поселение пеньковской археологической культуры.....	105
4.3. Царинский археологический комплекс в хазарское время.....	108
4.4. Памятник постсалтовского времени (Х–ХIII вв.)	118
4.5. Золотоординское время (ХIII–XIV вв.)	122

Литература и источники	129
Иллюстрации.....	139

ВВЕДЕНИЕ

Село Маяки¹ на живописном правом берегу Северского Донца является одним из старейших населенных пунктов Донбасса. Крутые меловые склоны холмов в его окрестностях прорезаны многочисленными глубокими ярами. Наличие их и присутствие ограниченных ярами ровных площадок способствовало строительству здесь укрепленных поселений. Издревле указанная местность была стратегически важным участком в связи с тем, что неподалеку пролегал крупный путь, известный в документах XVII в. как Изюмская дорога (КБЧ, с. 66–69). Ее ответвление — Новая Посольская дорога — пересекала Северский Донец, проходя близ устья реки Оскол, где в 1599 г. возник город Царёв-Борисов. Для переправы на левый берег использовались броды, среди которых были переправы у нынешних сел Маяки и Бого-родичное Славянского района (рис. 1). Характер расположения памятников археологии в регионе свидетельствует, что указанные дороги использовались не только в Новое время, но и в эпоху Средневековья (Кравченко, 2019 а, с. 683–685).

История села Маяки тесно связана с процессом заселения среднего течения Северского Донца, видную роль в котором сыграло освоение природных богатств Донецкого края (Пирко, Чепига, 1999). В XVII в. на Торских озерах (у нынешнего города Славянск) началась активная выварка соли. Промыслы регулярно подвергались набегам татар, нападениям воровских черкас и прочих степных разбойников. Чтобы воспрепятствовать этому, в 1663 г. русское правительство отдало распоряжение о строительстве Маяцкого городка на стратегически важном участке, контролирующем как сам путь, так и находящуюся при нем переправу. В документе сообщается, что городок был построен «...на Мояцком городище, на реке Донце...» (Пирко, 1988, с. 16; Пирко, 2001, с. 7–8). Этому городищу и посвящена настоящая работа.

Городище у села Маяки входит в число четырех крупнейших средневековых памятников Донецкого региона и является од-

¹ Местное население всегда ставит ударение в названии села на второй слог.

ним из самых интересных археологических объектов в среднем течении Северского Донца (рис. 2–7). В научной литературе оно фигурирует под несколькими названиями: *Маяцкое городище, археологический комплекс у села Маяки, поселение у села Маяки, Царино городище*. Автор предлагает для рассматриваемого археологического объекта название *Царино городище*, точнее *Царинский археологический комплекс*, чтобы не путать этот памятник с известным Маяцким археологическим комплексом, расположенным на реке Тихая Сосна в Воронежской области.

По своей известности и количеству разнообразного археологического материала Царинский археологический комплекс заслуженно занимает первое место среди памятников этой территории. Вероятно, нет ни одной работы, посвященной средневековым поселениям среднего течения Северского Донца, в которой не говорилось бы о Маяках (Шрамко, 1962; Михеев, 1985; Копыл, Татаринов, 1990; Бубенок, 1997; Аксенов, Тортика, 2001; Швецов, 2012; 2018 а–в; Кравченко, 2004 а–б; 2005; 2015; 2019 а–б; 2020 б, Кравченко, Шамрай, 2014 и другие). Ряд работ посвящен собственно этому памятнику либо происходящим от него отдельным категориям археологического материала (Копыл, Татаринов, 1990; Кравченко, 2000; 2009 а; 2015; 2019 а–б; Аксенов, 2003; Швецов, 2012; 2018 а–в; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012; Матеріальна та духовна культура, 2017, и другие). Исследователи неоднократно подчеркивали значение Царина городища для изучения и понимания археологических памятников рассматриваемого региона. Так, В.К.Михеев писал, что по своему научному значению Маяки не уступают «известным поселениям у хуторов Средний и Карнаухово на Дону» (Михеев, 1985, с. 12). По мнению С.А.Плетневой, этот памятник стоял на «оживленных торговых путях — водном и сухопутном, играя видную роль в экономике Средне-Донецкого региона» (Плетнева, 2000, с. 70).

С момента обнаружения памятника А.И.Абрамовым (первая четверть XX в.) Царинский археологический комплекс неизменно привлекал внимание исследователей (Кравченко, 2020 а, с. 11). На нем неоднократно производились археологические раскопки. В пределах территории городища и прилегающих к нему селищ и могильников вскрыли значительную площадь и получили многочисленные яркие археологические материа-

лы. С.А.Плетнева характеризовала этот памятник как «*самый крупный и полнее других городищ этого типа на Среднем Донце исследованный памятник*» (Плетнева, 2000, с. 72).

Тем не менее объективный взгляд показывает, что степень изученности Царина городища оставляет желать лучшего. Как указывалось, выше памятник попадал в поле зрения многих исследователей. При этом у каждого из них была своя нумерация раскопов. Многие отчеты не сохранились, а добывшиеся при исследованиях материалы не были опубликованы. Так, о раскопках 20–30 гг. информации крайне мало. Многолетние исследования В.К.Михеева нашли отражение в нескольких статьях (Михеев, 1968 б; Михеев, 1973; Михеев, Степанська, Фомін, 1973; Михеев, 1980). Наиболее существенной является общая информация, приведенная в его монографии (Михеев, 1985, с. 12–18), но и она при всей своей ценности и качественности представляется краткой и неполной. Изучение некрополей памятника, проводившееся Артемовской археологической экспедицией, отражено в нескольких коротких работах (Копыл, Драголюбов, Татаринов, 1976; Копыл, Шамрай, Татаринов, 1978; Копыл, Татаринов, 1979; Копыл, Татаринов, 1990) и краеведческом издании (Дадашов, Татаринов, 2009²). Авторы даже не попытались объединить планы своих раскопов с раскопами В.К.Михеева, к которым они привились. Результатом стала путаница в количестве некрополей, располагавшихся на раскопанных площадях, и ошибочная датировка большинства выявленных комплексов (Кравченко, 2005). Добытый М.Л.Швецовым и автором в процессе исследований 1988–1991 гг. многочисленный материал был частично опубликован много лет спустя, а сами публикации также имеют серьезные недостатки. Так, много неточностей, а иногда и откровенных ошибок содержат публикации материалов раскопок некрополей, и селища 1, которые производились в 1988–1989 гг. (Швецов, 2012; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012). Результаты раскопок 2005 и 2008 гг., проводившихся на археологическом комплексе автором настоящей работы, также были изданы фрагментарно³. При наличии качественного плана па-

² При всем том, что издание является краеведческим и фактически цитирует прошлые публикации автора, в нем содержатся данные об исследованиях на памятнике, отсутствующие в других работах (а иногда и в отчетах).

³ Разбор всех этих данных будет произведен в соответствующих разделах.

мятника, снятого В.К.Михеевым в 1968 г., отсутствует общий план раскопов, заложенных как до, так и после его исследований. Попытки нанесения отдельных раскопов на план местности иногда очень неточны. Ярким примером являются планы в работах М.Л.Швецова (Швецов, 2012; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012).

Отдельным вопросом стоит наличие на памятнике многочисленных малых раскопов. Часть их представляет собой следы деятельности грабителей. Часть же была заложена краеведами из Славянска, руководил которыми А.В.Шамрай, имевший в прошлом значительный опыт полевых археологических исследований (Матеріальна та духовна культура, 2017, с. 17). После его смерти в 2018 г. группа продолжила деятельность, которая в то время мало отличалась от грабительских раскопок. Полевая документация этих исследований отсутствует, вследствие чего общее количество шурфов и раскопов не поддается определению, а места их расположения точной фиксации. Сбор подъемного материала, производимый на памятнике Славянским музеем и местными любителями древностей, до 2012 г. хоть и недостаточно, но контролировался. В более позднее время, особенно после 2014 г., в условиях анархии, вызванной войной и политической неопределенностью, контроль за работами был утрачен. Появились фальсификации, когда материалы иных памятников выдавались за находки с Царина городища⁴.

Цель настоящей работы — анализ и обобщение имеющихся в распоряжении (как публиковавшихся, так и неопубликованных) данных о Царинском археологическом комплексе. Предполагается таким образом устраниТЬ многочисленные погрешности и фальсификации, накопившиеся за время изучения рассматриваемого археологического объекта, который является одним из двух ключевых памятников в рассматриваемом регионе. Изучению второго памятника — Сидоровского археологического комплекса была посвящена отдельная работа (Кравченко, 2020 а). Указанные памятники представляют собой самые крупные и наи-

⁴ Учитывая их наличие, требуется крайне осторожный подход к работе с происходящим подъемным материалом с территории памятника. Сомнений не вызывают большинство собранных до 2010 г. предметов, а также предметы, обнаруженные во время археологических исследований (пример — комплекс 2012 г.) (рис. 36–37).

более изученные археологические объекты, в материалах которых отражена вся средневековая история Донецкого региона и прилегающих к нему территорий. Без изучения и осмысливания материалов этих двух крупных поселенческих объектов понимание археологической и исторической ситуации в среднем течении Северского Донца невозможно.

Поставленная цель многопланова и масштабна. В связи с этим предполагается разделить настоящую работу на несколько частей. Первая из них посвящена общему обзору и систематизации данных археологических исследований, которые производились в прошлые годы. В ней делается попытка нанести на местность раскопы, заложенные различными исследователями. Разумеется, те, местонахождение которых можно установить. Кроме того, уделяется внимание объектам разных эпох, находящихся на территории Царина городища, и дается самый общий анализ комплексов, полученных в процессе его раскопок. При необходимости привлекаются данные из собранного на территории памятника подъемного материала, который был частично опубликован разными авторами (Кравченко, 2015; Матеріальна та духовна культура, 2017, и др.). Общий анализ этих материалов требует отдельной крупной публикации.

Идея написания этой работы возникла давно. Царино городище было знакомо автору с юности. Здесь произошло первое знакомство со средневековыми материалами региона. В дальнейшем на этом памятнике велся регулярный сбор подъемного материала. Указанные находки были переданы в музей Славянска и Святогорского историко-архитектурного заповедника, которые формировались в этот период. Ряд находок был передан в собрание Донецкого областного краеведческого музея (ДОКМ, ныне ДРКМ). Далее были исследования в составе экспедиции М.Л.Швецова, инициатором появления которой на Царинском археологическом комплексе был автор настоящей работы, затем — собственной экспедиции.

Большую роль сыграло знакомство автора с В.К.Михеевым — человеком, положившим начало серьезному изучению городищ Донецкой группы. Основным памятником, который изучался им в среднем течении Северского Донца, было городище у села Маяки. В беседе поднимался вопрос о необходимости системати-

А.И.Абрамов со студентами Славянского пединститута.
Фото из личного архива краеведа из Славянска В.В.Давыденко

А.И.Абрамов с учащимися одной из школ Славянска на экскурсии.
Фото из личного архива краеведа из Славянска В.В.Давыденко

зации материалов исследований этого памятника, высказывались предложения по структуре работы. В.К.Михеев передал автору сохранившиеся полевые чертежи, часть рисунков и отчеты.

Начав работать с материалами Маяков, автор столкнулся с рядом проблем. Среди них были издержки методики полевых исследований 60–70-х гг. XX в. (о чем, собственно, предупреждал В.К.Михеев). Не хватало данных для понимания ситуации на некоторых участках археологического комплекса. Кроме того, у автора в это время, вероятно, в полной мере еще не было внутренней готовности к работе с материалами такого крупного и сложного археологического объекта, каким являлся Царинский археологический комплекс. В 2005 и 2008 гг., приостановив исследования Сидоровского археологического комплекса, автор организовал экспедиции на Маяки с целью уточнить и конкретизировать ситуацию на отдельных участках этого памятника. Однако в 2008 г. В.К.Михеев умер, а работа над материалами Царина городища была приостановлена.

В настоящее время в результате появления массы новых сведений о Царинском археологическом комплексе вновь встал вопрос о систематизации информации, полученной в результате его раскопок. Настоящую работу хочется посвятить исследователям, которые внесли свою лепту в изучение этого уникального объекта: А.И.Абрамову и Н.В.Сибилеву, Г.Г.Афендику, С.И.Татаринову, М.Л.Швецову, А.В.Шамраю, А.И.Духину, А.Н.Петренко. Особо следует отметить заслуги В.К.Михеева, посвятившего изучению Маяков пять полевых сезонов. Он впервые дал общую характеристику памятника, произвел первичную систематизацию данных и ввел в научный оборот материалы этого археологического объекта. Именно благодаря его работам данный памятник приобрел широкую известность в научных кругах.

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

1.1. Памятники округи Царинского археологического комплекса

Район, в пределах которого расположен Царинский археологический комплекс, в древности и средневековье был густо заселен. Кроме городищ, размещенных по обоим берегам реки, здесь находилось большое количество поселений, составлявших их округу (Кравченко, 2020, с. 9–10, 16–17). Сведений об этих памятниках мало, поскольку археологические исследования большинства из них ограничились внешним осмотром и в лучшем случае шурфовкой. На левом берегу Северского Донца большинство поселений локализуется вдоль старичных озер, на террасах и дюнообразных всхолмлениях. Ряд памятников содержит материалы как хазарского, так и золотоордынского времени. Два таких поселения (S 1 и 1,5 га) расположены у села Щурово Краснолиманского района. Еще два памятника находятся в пределах Дробышевского лесничества, в урочищах Правдевшино (S 1 га) и Явир (S 1,8 га) (Кравченко, Мирошниченко, Полидович, 2002). Поселения СМК выявлены у расположенных неподалеку друг от друга озер Волоковое (S 1,5 га) и Кругленькое (S 1 га). На последнем присутствует и слой пеньковской культуры. У озера Волоковое исследовался некрополь зливкинского типа (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 217–220). Крупное поселение хазарского времени расположено у озера Подпесочное (S 2,5 га) в Дробышевском лесничестве. Еще одно поселение (S 0,5 га) находится на северной окраине этого лесного массива. Два селища (S 0,5 и 1 га) находятся близ конторы Дробышевского лесничества. На одном из них (Дробышево-К) встречены материалы хазарского и золотоордынского времен. На правом берегу реки селища обыч-

но расположены на террасах. Три памятника ($S 0,5, 0,5$ и $0,8$ га соответственно), один из которых содержит слой с «древнерусской» керамикой, находятся в окрестностях села Пришиб. Два ($S 1$ и $0,5$ га) — у поселка Донецкое. На них встречены материалы хазарского времени и эпохи Великого переселения народов. Группа из трех селищ, одно из которых содержит «древнерусскую» керамику, выявлена на территории поселка Райгородок. Значительное количество поселений локализуется в пределах территории национального парка «Святые Горы». Несколько памятников находится в окрестностях села Богородичное Славянского района на правом берегу реки: Государев Яр — $S 1,5$ га, Выла — $S 2$ га, Выдышаха — $S 1,5$ га; на территории села Богородичное — $S 1,5$ га, Миньевский Яр — $S 1$ га. На левом берегу реки, в окрестностях этого же села, расположена группа поселений в районе детского лагеря «Орленок» — $0,5$ га — и группа из трех поселений в урочище Старица. Наиболее значительное из них имеет площадь 4 га. Рядом с поселением на территории детского лагеря «Орленок» зафиксирован могильник зливкинского типа. Кроме этого, на поселениях в Государевом Яру и урочищах Выла, Выдышаха и Старица присутствуют материалы эпохи Великого переселения народов и хазарского времени. На поселениях Выла и Выдышаха известны материалы золотоордынского периода. Поселения в селе Богородичное и в урочище Миньевский Яр содержат материалы хазарского времени.

Группа памятников присутствует в непосредственно прилегающей к территории археологического комплекса балки Ложников Яр. Внутри основного ее рукава есть террасы, на которых были обнаружены кремневые отщепы, керамика эпохи бронзы и средневековья. В верховьях этого рукава яра находится выход на поверхность кремневых желваков, близ которого зафиксированы и следы их первичной обработки. Так, в урочище Средний Яр, неподалеку от выхода желваков, находится крупный поселенческий объект с материалами эпох камня и бронзы с многочисленными отщепами, образовавшимися в процессе первичной обивки кремня. Встречается на указанном поселении и средневековая керамика.

Реально поселений на рассматриваемой территории было намного больше, поскольку средневековая керамика встречается

на всех удобных для жизни участках. Все это говорит о густой за-селенности окрестностей интересующего нас памятника начиная с эпохи Великого переселения народов и раннесредневекового времени вплоть до конца эпохи развитого средневековья.

1.2. Царинский археологический комплекс

1.2.1. Описание памятника

Царино городище находится на правом высоком берегу Север- ского Донца (рис. 14) между селом Маяки и поселком Донецкое Славянского района Донецкой Народной Республики. Западная его часть прилегает к селу Маяки (рис. 6–7). В месте расположе- ния памятника высокий правый берег реки прорезан глубокой обводненной балкой, заросшей кустарником и небольшими деревьями, которая является руслом степной речушки, впадаю- щей в Северский Донец (рис. 8–9). Балка имеет ряд отвершков, наибольший из которых примыкает к ней под острым углом, благодаря чему общая конфигурация балки имеет V-образную форму. Балка, называемая местным населением *Ложников Яр*, отрезает треугольную площадку плато, на которой находятся прилегающие друг к другу части археологического комплек- са: городище, три селища и некрополи (рис. 10). Территория памятника вытянута осью с запада на восток почти на 2 км. Ее ширина в восточной части составляет 300–400 м, а в западной достигает 700 м. Общая площадь археологического комплекса превышает 70 га.

Восточная, прилегающая к Ложникову Яру часть памятника у местных жителей называется *Ложниково*. Здесь расположено городище, а также селища 2 и 3, прилегающие к нему с южной и восточной сторон соответственно. Территорию к западу от валов городища местное население называет *Плоское, Царево* или *Царино* (Михеев, 1985, с. 12). Это название часто применяется по отношению ко всей территории археологического комплекса как местными жителями, так и в научной литературе (Михеев, 1963, с. 3; 1964, с. 4; Кравченко, 1989, 2000, 2005; Кравченко, Шве- цов, 1990 а–б, 1995; Швецов, Кравченко, 1995; Шамрай, Духін, 1997, и т. д.).

Происхождение топонима неясно. Славянский краевед А.И.Абрамов пытался связать его с фамилией одного из жителей села Маяки — Царевским, которому в XIX в. якобы принадлежал сад, располагавшийся в западной части археологического комплекса. Эта точка зрения, вероятно, не соответствует действительности, так как в метрических книгах (вторая половина XIX в.) среди жителей села Маяки такой фамилии не значится⁵. Скорее всего, А.И.Абрамов передал легенду, при помощи которой местное население пыталось объяснить причину появления непонятного им названия. Собственно, топоним *Маяки* часто встречается в названиях населенных пунктов, у которых находятся крупные средневековые укрепленные поселения. Тоже можно сказать и по поводу названий *Царевское*, *Царево*, нередко присутствующих в наименованиях значительных средневековых городищ.

Документы XVII в. подчеркивают, что Маяцкий городок был построен *на городище*. Следует отметить, что в пределах раннесредневекового городища каких-либо следов острога Нового времени обнаружено не было. Нам представляется, что он мог находиться на западной окраине археологического комплекса либо между ним и территорией нынешнего села. На этом участке есть ровная площадка, нависающая над Северским Донцом, которую местных жители называют *Ратуша*. Следов укреплений на ней визуально нет, лишь на обнажениях наблюдаются единичные фрагменты керамики и изразцов XVII–XVIII вв. На прилегающем к участку пахотном поле обнаружены массивный железный топор (Кравченко, 2024, рис. 17), немного керамики Нового времени и несколько европейских полторагрошовиков XVII в. Основная же часть населения Маяцкого городка проживала ниже по склону холма, в пределах территории нынешнего села. Этот участок, расположенный рядом с бродом через реку, хорошо просматривается с описанной выше площадки. Он имеет правильную форму и эскарпированные склоны. На площадке

⁵ Указанная ссылка на А.И.Абрамова, как и прочие ссылки на его дневниковые записи, приведена из дневников, которые находятся в частном пользовании у славянского краеведа В.В.Давыденко. Автор пользуется случаем поблагодарить В.В.Давыденко и работавшую с метрическими книгами села Маяки к. и. н. Г.Г.Чепигу за любезно предоставленную информацию о данных, содержавшихся в метрических книгах.

присутствуют культурные отложения Нового времени (Давыденко, Пирко, 2007).

Как видим, строителями Маяцкого городка укрепления средневекового городища не использовались. Возможно, их не устроили незначительные размеры рвов и валов или «неправильная» подтреугольная, конфигурация площадки, огражденной линией средневековых укреплений. Роль мог сыграть и тот факт, что городище находилось достаточно далеко (в 2 км) от брода через реку, наблюдение за которым было необходимо жителям населенного пункта XVII в., поскольку это давало возможность контролировать стратегически важную дорогу. В XVIII–XIX вв., когда укрепление потеряло свое значение, село Маяки росло вдоль яра, ограничивающего с запада холм, на котором был расположен археологический комплекс. Благодаря этому территория средневекового памятника не подверглась поздней застройке и к началу его археологического изучения относительно хорошо сохранилась.

Городище находится в восточной части Царинского археологического комплекса. Оно занимает край треугольного мыса, высокого коренного правого берега Северского Донца, у места впадения в реку Ложникова Яра. С севера мыс ограничен склоном к реке (рис. 2–7, 9). С запада площадка городища отрезана от плато рвом и валом (рис. 12).

Селище 1 находилось к западу от валов городища (рис. 13–14). Оно занимает ровный участок плато, возвышающийся над уровнем реки на 60–80 м. Площадка селища с востока ограничена линией укреплений городища. С севера ее границей является крутой, изрезанный многочисленными ярами склон к Северскому Донцу. В отличие от территории городища ступенчатого эскарпа в этой части склона нет. С западной стороны территории селища граничит с урочищем Ратуша, прилегающим к восточной окраине села Маяки. Юго-восточной его границей является отрог Ложникова Яра (рис. 15: 2). Он же ограничивает указанную часть памятника с южной стороны. Западная граница селища проходит по плато, занятому пахотными полями. Здесь его границы читаются по распространению подъемного материала, который встречается почти до границы современного населенного пункта.

Селище 2 занимает пологую террасу, зажатую между склонами с городища и отвершком Ложникова Яра (рис. 3, 9, 11, 15; 3, 16). Терраса имеет общий наклон к юго-востоку и сильно повреждена процессами ярообразования. В 60-е гг. XX в. ее площадь составляла не менее 9 га (Михеев, 1985, с. 13). В 70–90 гг. XX в. строительными работами терраса получила сильные разрушения, изменившие до неузнаваемости конфигурацию центральной и западной частей. Ныне территория селища 2 представляет площадку, изрытую ямами и срезками грунта, на которой, тем не менее, присутствуют участки, пригодные для ведения археологических исследований. Большая часть из них располагается в неизученной северо-восточной части селища.

Селище 3 находится в северо-восточной части археологического комплекса на высокой (до 4–6 м над уровнем воды) приречной террасе. Указанная терраса зажата в распадке между холмами коренного правого берега реки (рис. 4, 9, 18–20) и сложена из аллювиальных отложений, значительная часть которых образовалась в результате смыва грунта со склонов прилегающих холмов. Северная ее часть круто спускается к берегу Северского Донца. С восточной стороны территорию селища ограничивает яр, а с южной — терраса, постепенно поднимаясь, плавно переходит в склоны холмов коренного правого берега реки. Западным краем селище прилегает к восточной окраине городища. Так, селище 3 вытянуто вдоль реки на 400 м при средней ширине 80–100 м (рис. 19). Площадь указанной части памятника — в пределах 4 га.

К селищам прилегают **могильники**. В связи со слабой изученностью и сильной поврежденностью некрополей точное количество кладбищ в настоящее время установить затруднительно. Анализ имеющихся материалов по ним будет приведен в соответствующем разделе. Там же будет рассмотрен вопрос о хронологии некрополей Царинского археологического комплекса и их конфессиональной принадлежности.

1.2.2. История изучения памятника

Со времени выявления археологического комплекса у села Маяки⁶ на этом памятнике неоднократно проводились исследования. Начало им в 1928 г. положили работы Н.В.Сибилева и А.И.Абрамова. Тогда же Н.В.Сибилев составил первый план городища. Об этой экспедиции осталось мало сведений. Данных о количестве и месте расположения раскопов тоже нет. Известно, что в 1928 г. территория городища и селища 1 находились в хозяйственном использовании, что исключало возможность проведения исследований на этом участке (Сибилев, 1930, с. 11). С большой степенью вероятности можно предположить, что исследования велись на территории селища 2. В пользу этого свидетельствует характер материалов этой экспедиции, небольшая часть которых хранится в фондах ДРКМ. Они представлены исключительно керамикой салтово-маяцкой культуры. Известно, что селище 2 активно функционировало в VIII–Х вв.; в более поздние периоды на нем не жили. На общем плане «Большого» раскопа В.К.Михеева (рис. 21: 2) виден ряд участков подпрямоугольных очертаний, которые отмечают места раскопов предшествующих лет. Часть их могла быть следами работ 1928 г.⁷.

В 1936 г. на археологическом комплексе вела работы экспедиция Сталинского краеведческого музея, возглавляемая Г.Г.Афендиком. В фондах Мариупольского краеведческого музея хранились отдельные страницы отчета, некоторые чертежи и фотографии, связанные с работами этой экспедиции (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014; Кравченко, 2020 а, с. 12), а также акварельный рисунок городища, выполненный Г.Г.Афендиком.

⁶ Памятник был выявлен краеведом из Славянска А.И.Абрамовым (20-е гг. XX в.). Об открытии его см. Кравченко 2020 а, с. 11.

⁷ Большинство исследователей, работавших на памятнике, использовало свою нумерацию раскопов, а также выявленных в них комплексов. Это вызвало немалую путаницу. Вероятно, первая — не совсем удачная — попытка унификации раскопов разных лет была предпринята в 2005 г. автором настоящей работы (Кравченко, Цимиданов, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2005). В связи с тем, что местонахождение большинства участков, исследованных в довоенное время, неизвестно, раскопы **Н.В.Сибилева** номеров не имеют, а раскопы **Г.Г.Афендика** нумеруются так, как их нумеровал этот автор: траншея 1, 2, 3, 4. Место локализации раскопов четко определяется, начиная с исследований В.К.Михеева (рис. 10).

Согласно этим материалам, осенью 1936 г. Г.Г.Афендики заложил на памятнике ряд раскопов, которые именовал *траншеями*. Судя по шифровке на сохранившихся находках, таких траншей было не менее семи. Документально подтверждается, что четыре из них были разбиты на селище 2 (рис. 22: 2–4, 23–24, 25: 1–2). Анализ чертежей и фотоматериалов свидетельствует, что траншея 1 (рис. 22: 3–4), в которой была расчищена группа погребений, находилась на площадке селища близ западного края раскопа № 20 (1968). Траншея 2 (рис. 22: 2–3, 23–24) располагалась на противоположном берегу этого же отвершка яра, у восточной части раскопа 19 (1968). В ней были обнаружены комплексы, относящиеся к жилой части поселения: железный котел и глиняный чан, представляющий, вероятно, нижнюю часть пифоса. Траншеи 3 и 4 (рис. 25: 1–2) располагались в пределах «Большого» раскопа. Как минимум, один раскоп (траншея 7) был заложен на селище 3. В пользу того, что Г.Г.Афендики вел исследования на этой части памятника, свидетельствует и факт наличия в его материалах «древнерусской» керамики X–XIII вв., которая на других участках археологического комплекса отсутствует. Остатки этой траншеи были вскрыты в раскопе 28 в 1991 г. (Кравченко, 2000, с. 84, рис. 2: 1, 2). Они представляли собой траншею, первоначальная ширина которой, вероятно, составляла не менее метра. Место расположения иных раскопов 1936 г. локализовать не удалось.

В 1940 г. во время выезда на памятник с учениками Дома пионеров города Старино Г.Г.Афендики обнаружил в размытии оврага на городище «меловую скульптуру человеческой головы, каменный молоток и различные черепки» (Евсеев, 1949, с. 2–3). Голова ныне утрачена. Ее фото было опубликовано М.Л.Швецовым и В.К.Грибом в краеведческом сборнике, где авторы попытались связать ее с хазарским периодом функционирования памятника (Гриб, Швецов, 2017 а, с. 30–32, рис. 1–2).

После Великой Отечественной войны археологический комплекс попал в поле зрения исследователей в 1956 г., когда во время проведения разведок на Северском Донце городище посетила С.А.Плетнева. Она сняла его глазомерный план, существенно отличавшийся от плана Н.В.Сибилева и значительно уступавший

ему в точности. Согласно плану С.А.Плетневой, городище имело подтрапециевидную форму и размеры 400 x 400 м (Плетнева, 1967, с. 22, рис. 6, 1) (Михеев, 1968 а, с. 2–4). В 1960 г. городище посетил Б.А.Шрамко, который усомнился в его принадлежности к категории укрепленных поселений (Шрамко, 1960, с. 18). Последнее не удивляет, поскольку вид укреплений на салтовских городищах Донецкой группы существенно отличается как от памятников скифского времени, так и от древнерусских городищ, которые были более привычны указанному автору.

В 1962 г. на территории села Маяки, у подножия городищенного холма, А.И.Абрамов зафиксировал провал участка дороги. Местное руководство не позволило ему осмотреть место находки, и ход засыпали мусором. В 70-х гг. XX в. на этом участке произошел еще один обвал. По нашему мнению, указанные обвалы маркировали место расположения подземного хода, который не имел отношения к средневековому городищу. Скорее всего, это был ход-тайник, связанный с Маяцким городком XVII в., рядом с которым он и был выявлен.

Таким образом завершился первый этап исследований Царинского археологического комплекса. Он характеризовался периодическими осмотрами памятника, которые производились различными исследователями, составлением планов и описаний, а также сбором подъемного материала и проведением небольших археологических раскопок на селищах. Материалы археологических исследований 1928 и 1936 гг. не были опубликованы, да и объем вскрытых тогда площадей являлся ничтожно малым по отношению к общей площади археологического объекта. Они, вне сомнений, пополнили банк сведений о нем, однако дать какой-либо существенной информации об этом памятнике не могли.

Новый этап исследований начался в 1963 г. В это время изучение городищ Донецкой группы велось средневековой археологической экспедицией Харьковского государственного университета под руководством В.К.Михеева. Основным объектом стал археологический комплекс у села Маяки, на котором в 1963–1966 и 1968 гг. велись масштабные работы.

Исследования 1963 г. начались с изучения территории «Нижнего города» (селище 2)⁸. Здесь на длинном узком мысу, ограниченном с юга и севера отрогами Ложникова Яра, был разбит раскоп I⁹ площадью 268 кв. м (Михеев, 1963, с. 3–5). Так было положено начало «Большому» раскопу, на котором работы велись в продолжение всех последующих сезонов. Он включал расположенные рядом раскопы I, IV и VI, которыми была вскрыта значительная часть площадки мыса. Кроме этого, велись исследования на городище. На восточном его крае был разбит раскоп II (S 46 кв. м) (Михеев, 1963, с. 5), а раскопом III (S 46 кв. м) была прорезана линия укреплений (Михеев, 1963, с. 6–7) (рис. 10).

В 1964 г. работы на «Большом» раскопе были продолжены. В 44 м к востоку от раскопа I был заложен раскоп IV (S 22 кв. м) (Михеев, 1964, с. 6). Основные же исследования 1964 г. велись на непосредственно прилегавшему к раскопу I, раскопе VI (S 512 кв. м). На южной окраине селища 2 был разбит небольшой раскоп VII (S 18 кв. м), в слое которого обнаружены разрозненные человеческие кости (Михеев, 1964, с. 19). В дальнейшем на этой площадке был выявлен один из некрополей памятника. На восточной окраине селища 2 разбит раскоп IX (S 34 кв. м), в котором также были найдены захоронения. Показательно, что наряду с погребениями в раскопе присутствовал слой с материалами СМК (Михеев, 1964, с. 20–22). В нем зафиксированы остатки металлургического горна, это свидетельствовало, что до проведения здесь захоронений указанная территория была заселена. На территории городища в 1964 г. были заложены раскопы V (S 15 кв. м) (Михеев, 1964, с. 7) и VIII (S 20 кв. м) (Михеев, 1964, с. 20) (рис. 10).

В 1965 г. были продолжены работы на селище 2. Основные исследования велись на «Большом» раскопе (Михеев, 1965, с. 4–20). Кроме этого, к востоку от него, на мысообразном

⁸ Основной причиной того, что в течение всего периода работ экспедиции ХГУ на памятнике исследования были сосредоточены на территории селища 2, было то, что эта территория не была задействована под хозяйственное использование. Об этом упоминал Н.В.Сибилев. Об этом же неоднократно писал В.К.Михеев.

⁹ В отчетах В.К.Михеева нумерация его раскопов были дана латинскими цифрами. При описании его работ 1963–1966 и 1968 гг. мы будем сохранять это написание. На общем ситуационном плане расположения раскопов памятника (рис. 87), раскопы В.К.Михеева, как и все прочие, будут даваться арабскими цифрами.

выступе террасы, был заложен раскоп XIV (S 44 кв. м) (Михеев, 1965, с. 21–22). Продолжались и раскопки могильника в раскопе IX. На селище 1, прилегающем к городищу с западной стороны, был заложен раскоп X (S 29 кв. м). Группа раскопов разбита на площадке городища: в западной части — раскоп XI (S 14 кв. м), а с внутренней стороны валов — раскоп XII (S 13,5 кв. м) (Михеев, 1965, с. 20–21) (рис. 10).

В 1966 г. работы велись в пределах «Большого» раскопа (Михеев, 1966, с. 3–18), на городище и могильнике. В восточной части площадки городища была проложена траншея метровой ширины (S 96 кв. м), ориентированная длинной осью по линии север–юг. Каких-либо комплексов в ней выявлено не было. На могильнике были прирезаны площади к раскопу IX (Михеев, 1966, с. 18–20).

Завершили этот этап исследования памятника работы 1968 г. В этом сезоне экспедиция ХГУ работала на всей территории археологического комплекса¹⁰. Площадь «Большого» раскопа на селище 2 была доведена до 2952 кв. м (Михеев, 1968, с. 5) (рис. 21: 2). К востоку от него, на мысовидном выступе террасы, где располагалась траншея 2 1936 г., был разбит раскоп XIX (S 370 кв. м) (Михеев, 1968, с. 18–21). На территории могильника, где ранее находилась траншея 1 1936 г., разбит раскоп XX (S 97,5 кв. м). Велись работы и на городище. На восточной его окраине был заложен раскоп XV (S 48 кв. м) (Михеев, 1968 а, с. 12–14). У юго-восточного края городища разбит раскоп XVI (S 86 кв. м) (Михеев, 1968, с. 14–16). Раскопом XVII (S 62 кв. м) (Михеев, 1968 а, с. 16–17) был произведен еще один разрез линии укреплений (рис. 21: 1). Кроме этого, у юго-западной окраины городища, у отрога Ложникова Яра, был заложен раскоп XVIII (S 88 кв. м) (Михеев, 1968 а, с. 17–18), а в центральной его части разбит раскоп XXI (S 20 кв. м) (Михеев, 1968 а, с. 24–25) (рис. 10).

Кроме этого, В.К.Михеев снял план археологического объекта, который до настоящего времени остается наиболее точным планом памятника. Он представляется очень важным документом, поскольку после работ, которые производились на территории археологического комплекса в 70–80 гг. XX в., на отдельных его участках был до неузнаваемости изменен характер местности.

¹⁰ За исключением селища 3, где В.К.Михеев исследования не проводил.

За пять лет исследований экспедицией Харьковского государственного университета на археологическом комплексе у села Маяки была вскрыта площадь более 4000 кв. м (Михеев, 1968 а, с. 25). В ее пределах выявлены жилища различного типа и хозяйственные сооружения, обнаружена группа погребений, определено место нахождения отдельных могильников памятника, выяснен ряд вопросов, связанных с его фортификацией. В процессе исследований была собрана большая коллекция вещественного материала салтово-маяцкой культуры, включающая более 100 наименований. Особый интерес представляют изделия из металла. Только предметов из черных металлов в период работы экспедиции было собрано около 800 экземпляров (80 наименований). Керамический комплекс, выявленный при исследованиях, насчитывал до 12 000 фрагментов керамики. На некрополе выявлено 31 захоронение. Еще 7 погребений было вскрыто в «Большом» раскопе и одно на городище (Михеев, 1968 а, с. 26). Благодаря этим исследованиям в течение нескольких последующих десятилетий интересующий нас памятник считался наиболее изученным средневековым городищем в рассматриваемом регионе.

После 1968 г., в течении ряда лет памятник регулярно осматривался В.К.Михеевым, однако каких-либо исследований на нем не производилось. В 1975 г. на территории археологического комплекса началось крупное строительство, связанное с сооружением фильтраторной станции п/о «Укрпромводчермет». В процессе работ на правом берегу Ложникова Яра было уничтожено поселение эпохи средней бронзы, повреждено селище 3, на юго-восточной окраине которого частично разрушен могильник¹¹; разрушениям подверглись южный склон городища и селище 2; у места соединения западной линии укреплений с отрогом Ложникова Яра был поврежден мусульманский некрополь. Сам отрог яра в пределах расположения «Большого» раскопа перегородили плотиной, при сооружении которой был срезан культурный слой на прилегающих участках террасы.

Указанные работы вызвали необходимость возобновления археологических исследований на памятнике, которые велись

¹¹ Указанные погребения прилегали к части памятника, где присутствовали слои XI–XIII вв., содержащие «древнерусскую» керамику. Вполне вероятно, что могильник относился к этому времени.

в 1976 и 1978 гг. экспедицией Артемовского краеведческого музея (руководители С.И.Татаринов и А.Г.Копыл) при общем кураторстве В.К.Михеева. Участок, на котором производились раскопки (раскоп 33), прилегал к западной части «Большого» раскопа и фактически являлся его продолжением. К моменту проведения работ верхний слой грунта в восточной части участка был срезан. Там, где срезка не производилась, слой на глубину до метра был представлен темным гумусированным грунтом, в котором плохо фиксировались контуры погребальных ям. В связи с этим в большинстве случаев либо могильные ямы не были прослежены, либо проследили лишь их нижние части, представленные камерами, в которых лежали кости погребенных. На основании типологической неоднородности погребений авторами раскопок был сделан вывод о наличии на некрополе трех групп захоронений, датированных в рамках хазарского времени (Копыл, Шамрай, Татаринов, 1979; Михеев, Копыл, 1989; Копыл, Татаринов, 1990). Раскопки на данном участке продолжил в 1986 г. С.А.Федотов (Дадашев, Татаринов, 2009, с. 21). В процессе спасательных археологических исследований здесь была вскрыта площадь 550 кв. м, на которой раскопано более 80 погребений (рис. 15: 1).

Кроме этого, на террасе у берега Северского Донца, близ спуска с восточной части городища, С.И.Татариновым была расчищена группа инвентарных захоронений (рис. 77: 1–8). На детальной характеристике этого некрополя мы остановимся в соответствующем разделе работы.

В 1976 г. городище осмотрел сотрудник ДОКМ А.И.Привалов, собравший на памятнике подъемный материал (рис. 77: 9; 78) и расчистивший несколько погребений. Три из них, произведенные по мусульманскому обряду (рис. 55), были исследованы к западу от «Большого» раскопа, возможно, на территории мусульманского могильника 5 (рис. 27). Инвентарное захоронение хазарского времени было выявлено на территории селища 3 (Гриб, Швецов, 2017 а, с. 33–35, рис. 2, 3, 4: 2) (рис. 77: 9–10), на участке, где С.И.Татаринов обнаружил группу инвентарных погребений, которую В.К.Михеев охарактеризовал как могильник 1 середины VIII – начала IX в. (Михеев, 1985, с. 16).

Новый этап строительства, в результате которого под затопление шли значительные участки занятой некрополями территории, обусловил необходимость продолжения археологических исследований. Они велись в 1988–1991 гг. совместной экспедицией Донецкой ОСЮТ и Славяногорского (в дальнейшем – Святогорского) историко-архитектурного заповедника под руководством М.Л.Швецова и Э.Е.Кравченко. Исследования начались на могильнике, а в дальнейшем продолжились на селищах (1 и 3). В 1988 г. к северу и западу от участков, вскрытых А.Г.Копылом, С.И.Татариновым, С.А.Федотовым (раскоп 33), были разбиты раскопы 1(М) / № 22 (S 444 кв. м) (рис. 15: 3–4) и 2(М) / № 23 (S 212 кв. м) (рис. 26). Рядом с восточной частью раскопа 23 был раскопан небольшой участок, получивший в документации название *Останец 1*, который входит в площадь раскопа 33 (S 32 кв. м).

На прилегающем к территории некрополей южном склоне городища при срезке грунтовой дороги, идущей из села Маяки к устью Ложникова Яра, была повреждена крупная яма. Здесь, к северо-востоку от раскопа 22, в 1988 г. был заложен раскоп 3(М) / № 24 (S 48 кв. м). К юго-востоку от него при сооружении дамбы была произведена срезка грунта. В указанной срезке в конце 70-х гг. XX в. автор обнаружил скопление археологического материала, представленное фрагментами амфоры со следами вторичного использования, керамической кружкой и обломками крупных сероглиняных тарных сосудов. Автор передал предметы в формирующийся тогда Славянский краеведческий музей. Остатки указанного скопления материала были расчищены в 1988 г. На месте находки была сделана зачистка площадью не менее 16 кв. м, которая фигурирует в отчетной документации как раскоп 4(М) / № 34.

В 1989 году работы на некрополе продолжились. Прирезки велись в основном к раскопу 22 (площадь доведена до 800 кв. м) (рис. 15: 4). В результате работ 1989 г. была фактически объединена площадь раскопов 22 и 23¹². В целом же на некрополях в 1988–1989 гг. была вскрыта площадь 1044 кв. м. Тогда же

¹² Между ними остался участок с полностью уничтоженным верхним слоем. Наиболее вероятно, что до проведения строительных работ здесь была древняя промоина, на которой не хоронили. По крайней мере, каких-либо следов захоронений на указанном участке при зачистке выявлено не было.

в 300 м к западу от раскопов 22–24 была расчищена группа мусульманских захоронений, представлявших часть некрополя, сильно поврежденного срезками грунта. Для получения каких-либо сведений об этом могильнике в 1989 г. на площадке был заложен раскоп, получивший в документации название *Останец 2 / раскоп 35 (S 56 кв. м)* (рис. 27). Обнаруженные здесь погребения были произведены по мусульманскому обряду. Указанный некрополь был впоследствии охарактеризован нами как могильник 5 (Кравченко, 2022 б, с. 60–63; рис. 2: 1, 4: 2–3).

К западу от некрополей, на участке террасы левого берега отрога Ложникова Яра, был разбит раскоп 5(М) / №36 (S 20 кв. м). Он располагался к северо-западу от раскопа 7, разбитого В.К.Михеевым в 1963 г. и был вытянут длинной осью по линии север–юг. Он показал наличие на данном участке слоя (мощность 0,3 м), слабо насыщенного культурными остатками. Среди находок — фрагменты керамики и крупная X-образная железная бляшка.

Кроме работы на некрополях, в 1989 г. на площадке селища 1 был разбит раскоп 1(Г)/25 общей площадью 200 кв. м (рис. 56), которым был вскрыт комплекс сооружений золотоордынского времени (Кравченко, Швецов, 1990 б, с. 134–136; Швецов, 2012).

В 1990 г. исследования были перенесены на территорию селища 3 (рис. 19–20). Указанная часть памятника считалась наименее изученным участком. Выше указывалось, что небольшие раскопки на нем были проведены в 1936 г. Г.Г.Афендиком (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014; Кравченко 2000, с. 84, рис. 2: 1). В.К.Михеев в отчетах характеризовал прибрежную террасу как часть селища 2 (Михеев 1963: 3, 7; 1966: 2; 1968 а: табл. I). В книге же, где давался общий итог исследований, он предположил, что этот участок вообще не входил в жилую часть памятника и был занят грунтовым инвентарным могильником 1 (Михеев 1985, с. 16). Позже эта точка зрения была повторена С.И.Татариновым (Дадашов, Татаринов 2009, с. 20, рис. 27).

Судя по материалам исследований, указанный участок археологического комплекса реально представлял обособленную часть поселения. В хазарское время он был отделен от селища 2 некрополем. После X в. здесь располагалось поселение с «древнерусской» керамикой, не распространявшееся на иные участки памятника. Именно благодаря этим обстоятельствам рассматри-

ваемая территория была определена нами как отдельное селище 3, которое прилегало к городищу археологического комплекса с восточной стороны.

Зимой 1989 г. в промоине, которая прорезала площадку террасы, расположенной на берегу Северского Донца, автором была расчищена крупная хозяйственная яма, содержащая «древнерусскую» керамику. В 1990 г. участок с указанной ямой был вписан в раскоп (рис. 18: 1), получивший название раскоп 1(П)/26, с площадью 224 кв. м.

В 1990–1991 гг. на селище 3 был заложен ряд раскопов: 2(П)/27 (S 880 кв. м) (рис. 28), 3(П)/28 (S 200 кв. м). В 2005 г. исследования на этой части памятника были продолжены. Здесь были заложены раскопы 29 (S 284 кв. м) (рис. 29) и 30 (S 36 кв. м) (рис. 30).

В 2008 г. исследования на памятнике возобновились в связи с необходимостью получения дополнительной информации о некоторых участках, на которых ранее работал В.К.Михеев. В качестве объектов изучения выступили восточная часть селища 2 (рис. 16) и площадка городища (рис. 32). На селище 2, у территории некрополя, был разбит раскоп 31 (S 76 кв. м) (рис. 34), граничивший с северной частью раскопа 20 (1968). В раскопе были выявлены комплексы хазарского времени, относящиеся к жилой части памятника, и постройка раннего железного века. На площадке городища был заложен раскоп 32 (S 116 кв. м) (рис. 35).

В 2012 г. на склоне с площадки городища к селищу 2 краеведами из Славянска был выявлен размытый талыми водами комплекс, представляющий яму, в которой находился котел из медного листа и группа вещей. С целью его исследования здесь был разбит раскоп 37 (S 16 кв. м) (рис. 36–37).

Таким образом, за время исследований на памятнике была вскрыта площадь более 7700 кв. м¹³. Из выше сказанного видно, что изученные участки распределены по территории памятника крайне неравномерно. Основная часть их приходится на некрополи, селища 2 и 3. Слабо изученными остаются селище 1 и городище. Тем не менее результаты позволяют получить общее

¹³ Не учитывая работ Н.В.Сибилева (1928), Г.Г.Афендика (1936), локальных работ С.И.Татаринова, А.И.Привалова, краеведов из Славянска. С указанными работами вскрыты на памятнике площади приближаются к 8000 кв. м.

представление как об отдельных частях археологического комплекса, так и о памятнике в целом, этапах его существования, его фортификации и ряде иных вопросов, связанных с историей данного крупного населенного пункта.

ГЛАВА 2

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПАМЯТНИКА ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. Фортификация и поселенческая структурата городища

Царинский археологический комплекс имел укрепления лишь в один период своей истории — в хазарское время. Площадка холма, на котором он расположен, имеет общий уклон к северо-востоку и отличается серьезным перепадом высот. Самая высокая его точка (80 м над уровнем реки) локализуется в юго-западной части селища 1, занятой памятником золотоордынского времени (рис. 13–14). Западная часть холма, у нынешнего села Маяки, поднимается над уровнем Северского Донца на 60 м (рис. 6).

Городище было устроено в восточной части холма. Площадка плато, на которой оно находится, в среднем, возвышается над уровнем реки на 50–55 м¹⁴. Таким образом, участок, на котором было сооружено городище, не был самым высоким. Тем не менее он представлял наиболее удобное место для строительства укрепленного поселения с максимальным использованием всевозможных естественных преград, которыми данный участок со всех сторон ограничен.

Городище занимает край треугольного мыса, высокого коренного правого берега Северского Донца, у места впадения в реку Ложникова Яра (рис. 2–9). С севера его площадка ограничена склоном к реке, который настолько крут, что подъем по нему представляет непростую задачу даже в настоящее время (рис. 38–39). Естественная крутизна склона здесь была усиlena

¹⁴ В районе валов на западной окраине городища хазарского времени высота над уровнем реки составляет 55 м; у въезда на восточном краю городища, у спуска на селище 3 — 45 м.

эскарпом, ступень которого находилась на уровне 1/3 высоты холма. Ее ширина достигает 3 м (рис. 39–41). В отдельных местах вдоль центральной части этой ступени визуально фиксируется ровик (глубина которого достигает 0,5 м) (рис. 41). Является ли данный ровик конструктивной особенностью эскарпа (остатками заплывшего рва, который тянулся вдоль уступа и служил основанием для частокола или палисада) или представляет сооружение более позднего времени, до проведения археологических исследований установить не представляется возможным. Эскарп имеет некоторое сходство с эскарпом городища Сидоровского археологического комплекса (Кравченко, 2020 а, с. 30–31), отличаясь от него меньшей шириной и наличием ровика на ступени.

С южной и юго-восточной сторон мыс, на котором расположено городище, ограничен крутым склоном в распадок между холмами, образованный отрогом Ложникова Яра, вдоль которого тянется терраса, занятая селищем 2 (рис. 3, 5, 8–9). Против западной части городища площадка террасы плавно поднимается вверх, и близ линии укреплений городище и селище 2 находятся практически на одном уровне (рис. 9, 12).

Царинский археологический комплекс имел укрепления лишь в один период. Мыс отрезан от плато рвом и валом, носившим у местного населения название *Валок*. На северной окраине памятника эта линия не читается. Вал обрывается у глубокой балки, прорезающей склон к реке. Далее вал со рвом пролегают по плато и соединяются с отвершком отрога Ложникова Яра, который ограничивает площадку городища и селище 2 с восточной и южной сторон (рис. 12).

Первоначальная высота вала неизвестна в связи с тем, что уже в XIX–XX вв. площадка городища использовалась жителями села Маяки для хозяйственных нужд: вначале здесь находились огороды, а затем пахотное поле. В 1928 г. Н.В.Сибилев застал городище уже в распаханном состоянии (Сибилев, 1930, с. 11). Согласно его описанию: «*Древнее Маяцкое городище <...> совершенно незаметно со стороны плато, продолжением которого оно является. Когда идешь к востоку от Маяков полевой дорогой <...> то прежде всего бросается в глаза невысокий вал, тянувшийся с севера, от крутого берега Донца к глубокой балке. Этим валом Маяцкое городище <...> отделялось от плато. На севере*

защитой ему служили крутой и высокий обрыв, спускающийся прямо в Донец, а на юго-востоке и юге крутая и глубокая балка. По форме городище напоминает вытянутый и немного притупленный в вершине треугольник и имеет в окружности свыше 1,5 километров. Оно распахивается...» (Сибилев, 1930, с. 10–11).

Согласно более позднему сообщению В.К.Михеева: «*Маяцкое городище занимает очень высокий и естественно хорошо укрепленный мыс <...>. С севера его ограничивает крутой берег Донца, а с востока и юга склоны городища переходят в почти горизонтальную террасу, которая ограничена <...> Ложниковым Яром. С западной стороны вход на городище преграждают ров и вал, которые в настоящее время почти полностью распаханы*» (Михеев, 1963, с. 2–3). Во время осмотра памятника В.К.Михеевым (1963) высота вала составляла всего 0,75 м. В 2000-х он читался в виде прерывистого, едва заметного возышения, которое отличалось от окружающего грунта более светлым цветом. Ныне в результате распашки остатки рва и вала практически полностью исчезли.

В.К.Михеев определил площадь городища в 14,78 га, а периметр верхней его площадки — «*немногим более 1632 метров*» (Михеев, 1968 а, с. 3). На остатках линии укреплений городища им были заложены два раскопа. Раскопом № 3 (S 46 кв. м) был перерезан вал городища приблизительно в середине его сохранившейся части (рис. 10). Установлено, что вал не имел каких-либо внутренних деревянных или каменных конструкций. Он был сооружен из земли и глины, выбранной из рва и уложенной просто на дневную поверхность. На склоне вала со стороны городища было обнаружено 4 человеческих скелета в очень плохой сохранности. Они находились вдоль вала на его глиняной основе в произвольных позах. У двух скелетов отсутствовали черепа. «*Возле раскопа в борозде были найдены «железный топор, наконечник дротика, стремя, подножка стремени, часть удил и наконечник стрелы»* (Михеев, 1963, с. 6–7).

С целью получения полного профиля сооружения в 1968 г. на юго-западной окраине городища, неподалеку от отрога Ложникова Яра, был заложен раскоп 17 (S 62 кв. м), которым были разрезаны вал и ров (рис. 21: 1). На данном участке вал имел высоту 0,3–0,4 м. Верхнюю его часть составлял слой желтой

глины толщиной до 0,25 м и длиной 6,7 м. К нему с обеих сторон примыкали тонкие (до 0,2 м) слои чернозема, перемешанного с глиной. «С западной стороны длина этого слоя была равна 13,3 м, а с восточной — 6,1 м. Под ними находился сплошной слой чернозема (мощностью 0,1–0,3 м) <...> под которым залегал предматериковый суглинок (толщина 0,2 м)» (Михеев, 1968 а, с. 16). После работ В.К.Михеева исследования укреплений памятника не производились.

Исследования укреплений показали, что: «Остатки вала в его основании состоят из глины, перекрывающей культурный слой, а в верхней части — из глины, перемешанной с черноземом. Это свидетельствует о том, что вал образовался на месте ранее существовавшего селища салтовской культуры. Дно рва ровное. Его ширина у подошвы достигает 2,9 и 3,9 м, а на уровне предматерикового суглинка 4,35 и 5,3 м. Край рва, обращенный к напольной стороне, круто подрезан. Общая глубина рва, считая от современной поверхности составляет 1,05–1,3 м» (Михеев, 1968 а, с. 17; 1985, с. 13). Учитывая данные раскопа 17, к этому можно добавить, что с западной стороны у вала, вероятно, находилась берма.

В центральной части линии укреплений в вале имелся разрыв¹⁵, явившийся въездом на городище (Михеев, 1968, с. 3). Еще один въезд располагался на противоположной, восточной стороне укрепленной части памятника, вершина треугольной площадки которой завершается достаточно крутым и узким спуском, по которому пролегает тропа, ведущая к террасе, где расположено селище 3, и далее — к берегу Северского Донца (рис. 4, 10). Несмотря на сильную поврежденность указанного спуска процессами ярообразования, видно, что ранее он имел правильную форму и был эскарпирован. Наличие въезда на этом участке подтверждается тем, что в раскопе № 29, расположенным в западной части селища 3, у самого склона с городища, не только отсутствует культурный слой хазарского времени, но даже нет каких-либо находок этого периода, в то время как на остальной площади селища 3 они присутствуют в достаточном количестве.

Не исключено, что на этом спуске возле въезда присутствовали дополнительные оборонительные сооружения типа волчьих

¹⁵ Ныне его остатки визуально не фиксируются.

ям. Две такие ямы были обнаружены на стенке карьера, расположенного к западу от площадки, на которой впоследствии был разбит раскоп № 29 в 1988 г. Одна из них была практически полностью уничтожена. Разрез второй сфотографирован, и впоследствии ее остатки были расчищены (рис. 42–43). Яма в заполнении не содержала какого-либо материала. Она имела глубину 2,2 м и диаметр около 1,4 м. Назначение указанных ям неясно. Вполне возможно, что они могли входить в число дополнительных оборонных сооружений, располагавшихся близ въезда на городище.

Процесс ведения раскопочных работ на городище был осложнен тем фактором, что практически все время исследований укрепленная часть памятника находилась в хозяйственном использовании. На территории городища В.К.Михеев заложил здесь 9 раскопов: № 2 (Михеев, 1963, с. 5–6), № 5, № 8 (Михеев, 1964, с. 7, 20); № 11, № 12 (Михеев, 1965, с. 21), № 15, № 16, № 18, № 21 (Михеев, 1968 а, с. 12–18, 24), общая площадь которых составляла 350 кв. м. Археологические комплексы были обнаружены только в двух из них. В центральной части раскопа 12, у вала городища, была выявлена круглая в плане яма диаметром 1,5 м и глубиной 0,8 м. В засыпке ее находились 6 фрагментов сероглиняного тарного сосуда, обломок конских пут, несколько костей животных и серп (Михеев, 1965, с. 21, табл. XXI, 12). В раскопе 16, у юго-восточного края городища, была обнаружена яма подтрапециевидной формы размерами 1,5 x 0,6 x 0,45 м, в заполнении которой находились кусочки обожженной глиняной обмазки. Глубина от современной поверхности составляла 0,6 м. На дне ямы найдено «32 фрагмента стенок кухонных горшков, 8 стенок амфор, 25 фрагментов стенок сероглиняного пифоса и 93 кости животных» (Михеев, 1968, с. 15–16). Таким образом, оба выявленных объекта представляли собой ямы хозяйственного назначения. В остальных раскопах никаких археологических объектов выявлено не было.

При всем этом данные наблюдений свидетельствуют, что территория, огражденная линиями укреплений, была заселена. Во время осмотров на этой площади встречено большое количество вещественного материала. На распаханной поверхности городища визуально различались большие пятна грунта, насыщенного

золой и находками. Согласно сообщениям первых исследователей памятника, которые застали его в лучшей сохранности, на территории городища находились зольники, «расположенные в два параллельных ряда, которые были вытянуты по линии запад-восток» (рис. 10). Всего зольников было 10: семь на южной стороне городища и три на его северной стороне. В.К.Михеев писал, что «старожилы с. Маяки отмечают параллельность расположения <...> “землянок” на городище <...> и указывают, что их было значительно больше в дореволюционное время <...> когда территория городища была занята под частные огороды. По их словам, “землянки” составляли целую улицу. Зольники имеют круглую или овальную в плане форму. Размеры их различные. Диаметр самого маленького из них (ольник 4) составляет 15 метров. Самый большой зольник 6 сильно распахан. Его размеры 20 x 50 метров. В площади зольников наблюдается скопление археологического материала, который состоит в основном из обломков салтовской посуды, костей животных и кусочков глиняной обмазки...» (Михеев, 1968 а, с. 2–3).

Мнения исследователей о характере и назначении этих сооружений расходились. В.С.Флеров и В.К.Михеев считали их зольными кучами (Михеев, 1985, с. 12; Флеров, 2005). С.А.Плетнева предполагала использование их в ритуальных целях (поклонение огню и домашнему очагу) (Плетнева, 2003, с. 269). По мнению автора, зольники Маяков могли представлять остатки наземных сооружений казарменного типа либо группы построек (Кравченко, 2009 б, с. 137; 2020 а, с. 69).

С целью конкретизации этих сведений в 2008 г. в восточной части городища был заложен раскоп № 32 (рис. 32, 35). Согласно плану В.К.Михеева, на этом участке находился зольник 7. К моменту проведения исследований остатки его фиксировались в виде золистого пятна, насыщенного материалом. Раскоп был вытянут длинной осью по линии север–юг и располагался так, что его площадь полностью пересекала территорию зольника 7. Общая его площадь составляла 116 кв. м, и он накрывал приблизительно 1/3 часть площади зольника. Стратиграфическая ситуация на участке была следующая. Под пахотным слоем (0,25–0,3 м), представлявшим уничтоженный распашкой культурный слой, находился слой темного суглинка (мощность 0,3–0,4 м),

не содержавшего находок, который постепенно светлел книзу и на уровне 0,5–0,7 м переходил в глинистый материк. В раскопе выявлена группа археологических комплексов двух периодов существования памятника.

К золотоордынскому времени относились остатки канала, верхняя часть которого была уничтожена распашкой (рис. 44), и хоз. яма 4, заполнение которой фиксировалось сразу под пахотным слоем (рис. 45: 3). Пятно ямы находилось внутри аморфного темного пятна, зафиксированного на бровке раскопа. Яма 4 имела круглую форму (d=2,2 м) при глубине 1,9 м (рис. 45: 2). В ее придонной части присутствовало расширение с северной, южной и западной сторон. Верхняя часть заполнения (до уровня 1 м) представляла плотный гумус с примесью мелких угольков, который подстипался мощной прослойкой золы линзовидной формы (0,3–0,35 м). Ниже характер заполнения менялся за счет наличия в нем глины, попавшей в яму после обвала стенок. У дна (1,7–1,9 м) находилась прослойка из золы и древесного угля. Основная часть находок, представленных кусками обмазки и известковой штукатурки, обломками обожженных кирпичей и колотыми костями животных, располагалась в верхней золистой прослойке. Среди материалов фрагменты красноглиняной посуды (рис. 46: 1–4, 7), обломок венчика пиалы крымского производства, покрытой желтой поливой (рис. 46: 6), фрагмент костяного игольника с циркульным орнаментом (рис. 46: 5), выточенные из мела яйца (рис. 46: 8–10), медный пул Абдаллах-хана (рис. 46: 11) и группа железных предметов, из которых четко определима швейная игла (рис. 46: 12–14).

Таким образом, хоз. яма 4 первоначально представляла яму с колоколовидным расширением в нижней части, которая использовалась в качестве погреба или зерновой ямы. Она находилась внутри небольшого слабо углубленного в грунт сооружения. В дальнейшем, когда стени обвалились, яма использовалась в качестве сбросной.

Основная часть археологических комплексов на территории раскопа № 32 была представлена сооружениями хазарского времени. Все объекты были размещены компактной группой и имели близкое по структуре горелое заполнение, которое фиксировалось в нижней части пахотного слоя.

Хоз. яма 1 (рис. 47: 1–3) зафиксирована под пахотным слоем на уровне 0,25 м. Здесь выявлены плохо сохранившиеся фрагменты керамики и крупный обломок хорошо обработанного верхнего камня жернова (рис. 47: 1–2). Яма 1 имела круглую в плане форму диаметром 1,55 м при глубине 0,92 м. В заполнении находились колотые кости животных и фрагменты керамики, среди которых выделяются обломки крупного желтоглиняного гончарного двуручного кувшина (рис. 47: 4). На дне присутствовало значительное количество древесных угольков (рис. 47: 3).

Хоз. яма 2 (рис. 48: 1–2). Пятно ямы фиксировалось сразу под пахотным слоем благодаря плотному мешанному горелому заполнению с примесью мелких частичек печины. Яма имела круглую в плане форму диаметром 1,6 м при глубине 1,3 м. В заполнении ямы много золы. Найдены представлены фрагментами двух желтоглиняных горшков (рис. 48: 3–4), придонной частью серолощеного кувшина и обломками крупного гончарного пифоса, которые были расчищены в центральной части ямы на уровне 0,5–0,8 м (рис. 48: 5), изготовленного из глины красного цвета с большой примесью песка и шамота. Поверхность хорошо заглажена. Обжиг хороший, местами трехслойный, местами же оранжевый однослоиный. В месте наибольшего расширения сосуд орнаментирован поясом наколов, в виде косого креста, выполненных гребнем с шестью зубьями. Данный пифос не находит прямых параллелей среди местной керамики. Он близок по тесту двуручному кувшину, найденному в скоплении 1 раскопа № 10 на Сидоровском комплексе (Кравченко, 2020 а, рис. 190: 4). Показательно, что ручки на указанном сосуде крепились при помощи шипов. Подобное крепление ручек сосудов, собственно, как и характер керамического теста, имеют многочисленные параллели среди керамики хазарского времени в дельте Волги (Соловьев, Котенев, 2022). Все фрагменты сосудов, обнаруженные в яме, несут на себе следы сильного воздействия огня. Черные пятна присутствуют на фрагментах горшков. Фрагменты пифоса имеют разный прокал стенок за счет вторичного обжига. Некоторые обломки деформированы и ошлакованы.

Хоз. яма 3 (рис. 49: 1–3) имела круглую в плане форму диаметром 1,5 м при глубине 1 м. Среди находок в ее заполнении группа железных предметов: круглая гирька (?) (рис. 49: 5),

пряжка (или звено от цепи) (рис. 49: 4), обломок лезвия ножа (рис. 49: 6) и железная изогнутая пластина (возможно, ключ) (рис. 49: 7). У дна ямы встречены фрагменты ошлакованной керамической посуды. Дно ямы было устлано обгорелыми досками (рис. 49: 1–3), которые, наиболее вероятно, представляли собой рухнувшую в яму деревянную обгорелую крышку. В одной доске были зафиксированы мелкие гвоздики, располагавшиеся компактной группой.

Помещение 1 (рис. 50: 1–2) представляло котлован полуzemлянки подпрямоугольной формы (3,15 x 2,6 м), ориентированный по сторонам света. Дно находилось на уровне 0,92 м. В пахотном слое над котлованом наблюдалась концентрация находок. В заполнении юго-восточного угла находилось два скопления керамики, представляющие фрагменты крупных гончарных тарных сосудов (рис. 51: 3–4). Большая часть обломков принадлежала пифосу (рис. 51: 3). Кроме него присутствовали небольшие обломки крупных гончарных пифосов, украшенных в месте наибольшего расширения орнаментом из гребенчатых наколов и многорядной волнистой линии (рис. 51: 8–9). Все фрагменты имели следы воздействия высокой температуры.

Ближе к центру постройки были расчищены фрагменты двуручного кувшина со следами воздействия сильного огня (рис. 51: 13). Они залегали компактной группой на уровне 0,25–0,55 м. Там же находились обломки сероглиняного гончарного пифоса, украшенного пролощенными вертикальными линиями и пояском гребенчатых наколов в центральной части корпуса, венчик крупного узкогорлого кувшина, обожженный на отдельных участках до степени ошлаковки (рис. 51: 7), венчик горшка (рис. 51: 1), днища гончарных кувшинов (рис. 51: 10–11) и два венчика лепных жаровен (рис. 51: 5–6).

Постройка несла на себе следы сильного пожара. В ее заполнении и на дне были расчищены обломки горелых балок. Волокна направлены вдоль длинной оси котлована. Толщина горелой древесины достигала 0,25 м. К северу и юго-востоку от балки, на уровне 0,8–1 м, обнаружены пережженные фрагменты железных пластин (обручи от бочек или деревянных ведер). Все железные предметы при попытке извлечения рассыпались. Здесь же были зафиксированы пряслице, выточченное

из стенки гончарного керамического сосуда (рис. 51: 12, 16) и пережженный наконечник заступа. В северо-восточной части котлована, у стены, на уровне 0,7 м располагался невысокий материкиовый уступ (высота 0,2–0,25 м). Еще один уступ был расчищен в юго-западном углу котлована. На нем находилось отопительное сооружение, представляющее собой открытый очаг круглой в плане формы (d 1,1 м). Очаг был покрыт слоем золы мощностью до 0,05 м. Толщина прокаленного грунта достигала 0,12–0,15 м. На поверхности очага обнаружены фрагменты полностью разложившего железного ухвата и венчик лепного пифоса (рис. 51: 15). В очаге лежали 2 венчика кухонных горшков (рис. 51: 2–3) и несколько фрагментов гончарного пифоса. В постройке не было выявлено столбовых ям, что свидетельствует в пользу безстолпной ее конструкции.

Материалы раскопа 32 позволяют сделать определенные выводы как о времени функционирования верхней части памятника, так и о поселенческой структуре его городища.

Многочисленный подъемный материал и объекты, выявленные в верхней части памятника, а также отдельные комплексы, расчищенные в раскопе 32, свидетельствуют, что площадка городища была заселена в золотоордынский период истории археологического комплекса. Тем не менее для выяснения характера ее застройки в XIII–XIV вв. требуются масштабные исследования как городища, так и селища 1 (Кравченко, Чепига, 2024).

2.2. Поселенческая структура селища 2

В укрепленную часть памятника, вероятно, входило и селище 2, расположенное к югу от городища, на террасе левого берега Ложникова Яра (рис. 3, 5, 8–9, 11, 16). Выше указывалось, что территория этого селища имеет уклон к юго-востоку, в сторону реки Северский Донец. Благодаря этому у валов городища терраса, на которой оно находится, имеет почти тот же уровень, что и верхняя, отрезанная валами часть плато, возвышающаяся на 53–55 м над рекой. Попытки В.К.Михеева найти остатки линии укреплений у южного края городища успехом не увенчались. Остатки каких-то напоминающих вал возвышений были обна-

руженены автором настоящей работы на его восточной окраине, у въезда на площадку городища. Исследования их не производились, потому отношение указанного участка вала к оборонительным сооружениям памятника хазарского времени требует подтверждения. В любом случае, если он таковым являлся, этот вал имел отношение к обороне восточного въезда на городище. В западной части городища валы и рвы линии укреплений завершаются у отвершка Ложникова Яра, который продолжает оборонительную линию и одновременно ограничивает площадку селища 2 с южной стороны (рис. 12). На это обстоятельство обратил внимание В.К.Михеев, который изначально называл указанное селище *Нижним городом* или *Нижним посадом*¹⁶. В ранних своих отчетах он писал: «Городище по своим топографическим особенностям делится на две части. Это прежде всего высокое плато под названием “Плоское”, или “Царино”, “Царево”. Оно отгорожено от напольной стороны земляным валом. Вторая часть городища расположена на узкой, сильно изрезанной оврагами террасе, которая находится ниже уровня предыдущего плато, и ограничена Ложниковым Яром. Эти две части городища имеют значительный перепад высот. <...> Уровень террасы по сравнению с уровнем дна Ложникова Яра также не везде одинаков. В восточной части повышение террасы над дном яра составляет 10 м, а в южной части доходит до 20–40 м. <...> Поэтому целесообразно будет назвать верхнюю часть городища, т. е. урочище “Плоское” “верхним городом”, а поселение на террасе “нижним городом”» (Михеев, 1964, с. 4). В более поздних работах он рассматривает памятник по несколько иной схеме, относя к укрепленной его части только городище, находящееся на верхушке плато (Михеев, 1985, с. 13). Учитывая вышеприведенные соображения, представляется, что деление на «верхний город» (на плато) и «нижний город» (селище 2) лучше отражает реальную ситуацию. Таким образом, огороженный укреплениями участок Царинского археологического комплекса состоял из двух частей — верхней, в пределах которой имелась застройка, и нижней, где располагалась жилая и ремесленная части памятника.

¹⁶ Позже автор употреблял название *Нижний посад* (Михеев, 1965, с. 3; 1968 а, с. 2, 5). В своей книге он уже называет эту часть памятника *селище 2* (Михеев, 1985, с. 13).

Таким образом, селище 2 — одна из важнейших частей Царинского археологического комплекса. Его территория сильно пострадала во время строительных работ и в результате процессов ярообразования, которые на этом участке отличались особой интенсивностью. Наблюдения за расположением захоронений на восточной части некрополя 3¹⁷ позволяет предположить, что во время функционирования археологического комплекса терраса имела более значительные размеры, расширяясь к югу, где ныне находится русло Ложникова Яра и ответвляющийся от него отвершек.

Непригодная для сельскохозяйственной деятельности площадка селища 2 оказалась более доступной для археологических исследований, чем другие участки памятника. Поэтому именно здесь были заложены самые крупные раскопы, материалы которых в течение длительного времени определяли облик материальной культуры Царинского археологического комплекса. Исследования на этой территории начались еще в 1928 г., во время экспедиции, возглавляемой Н.В.Сибилевым. В 1936 г. Г.Г.Афендиком здесь было разбито не менее четырех раскопов/траншей (рис. 3, 22–25). В 1963–1966, 1968 гг. В.К.Михеевым на территории селища 2 были заложены раскопы 1, 4, 6, которыми был вскрыт сплошной площадью участок в 2952 кв. м (рис. 21: 2). Кроме него, здесь, на жилой части селища, были заложены раскопы 14 и 19, а на территории могильника 3 — раскопы 9 и 20. С целью раскопок некрополей на западной части селища в 1976 и 1978 гг. был заложен раскоп 33, а в 1988–1989 гг. раскопы 22, 23, 24, 35. Близ территории некрополей располагались раскопы 34, 36 и 31 (рис. 87)¹⁸. В 2012 г. на участке между территорией селища 2 и городища автором и А.В.Шамраем был заложен раскоп 37 (рис. 36). На данном селище было вскрыто около 5300 кв. м, что составляет почти 69 % всех участков, раскопанных на Царинском археологическом комплексе.

Согласно имеющимся материалам, селище 2 функционировало уже в эпоху поздней бронзы. В.К.Михеев писал о присутствии

¹⁷ Вопрос об этом будет рассмотрен в разделе, посвященном могильникам археологического комплекса.

¹⁸ Раскопы на некрополях будут детально рассмотрены в соответствующем разделе.

в нижней части слоя «Большого» раскопа (раскоп № 1) керамики этого времени и даже о находках единичных фрагментов керамики эпохи средней бронзы (Михеев, 1963, с. 5). Визуальные наблюдения свидетельствуют о наличии слоя эпохи поздней бронзы — раннего железа и на восточной окраине селища 2, граничащей с селищем 3. Археологические исследования здесь не производились, однако на обнажениях и пересекающей территорию памятника грунтовой дороге фиксируются выходы золистого слоя, насыщенного колотыми костями животных и фрагментами керамики.

Материалы, относящиеся к концу эпохи раннего железа были обнаружены в нижнем слое раскопов № 19 и 20, где, согласно отчетам В.К.Михеева, были зафиксированы «слабо насыщенный культурный слой» и могильник хазарского времени, а также единичные находки фрагментов керамики «несалтовского» облика (Михеев, 1968 а, с. 19–20, 22). Слой с этими материалами присутствовал и в раскопе 31, прилегающем южной стороной к раскопу 20 (рис. 16; 34: 1)¹⁹. В нем под слоем дерна (0,1 м) шел мощный слой намыва, представленный меловой крошкой. Ниже шел слой гумуса (0,6–0,75 м), содержащий материалы хазарского времени. Судя по количеству находок, в этот период данная часть памятника относилась к обжитым участкам, о чем свидетельствует наличие в слое археологических комплексов (скопление 1). Слой гумуса подстипался осветленным гумусом, в котором в небольшом количестве встречались колотые кости животных и фрагменты лепной посуды. Над котлованом постройки, на уровне границы между двумя слоями, зафиксировано скопление обмазки, представляющее развал ее южной стены. Ниже, на уровне 1,40–1,6 м от современной поверхности, осветленный гумус плавно переходил в материк, представленный меловой крошкой (рис. 34: 2).

Помещение 1. Уровень впуска котлована постройки фиксировался как планиграфически, так и на бровках раскопа (рис. 34: 3). В заполнении котлована (глубина 1,1 м) и за его пределами было зафиксировано скопление фрагментов горелой обмазки с от-

¹⁹ Южный край раскопа 31 находился в 2 м к северу от юго-западного угла раскопа 20.

печатками прутьев мощностью 0,3 м. За пределами котлована развал стены лежал на древней дневной поверхности, уровень залегания которой был маркирован нижней границей развала (1,4 м). Это наблюдение подтверждается фактом находки на этом же уровне, у восточной части постройки, еще одного скопления обмазки (скопление 2).

Котлован имел подпрямоугольную форму (2 x 3 м) и был вытянут длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Пол находился на уровне 1,8 м. В центральной и восточной частях котлована помещения, а также у западной его стены, фиксируются скопления угольков, маркирующих место расположения каких-то внутренних, не углубленных в землю конструкций. Отопительное сооружение располагалось за пределами котлована, в овальной нише, прилегающей к центральной части северной стены. Ближе к восточному углу у стены наблюдается скопление кусков песчаника, представляющих остатки оградки, защищавшей прилегающую к очагу стену. Судя по всему, рассматриваемое нами жилище было слабо углубленным в грунт строением с турлучными стенами, сплетенными из прутьев и обмазанными глиной.

Верхним на селище 2 является культурный слой хазарского времени, присутствующий на всей его территории. Материалы этого периода были выявлены в раскопах Н.В.Сибилева и в «траншеях» Г.Г.Афендика. Так, в «траншее» 1 на краю террасы были зафиксированы захоронения могильника 3 (рис. 22: 2–4). В расположенной на противоположной стороне яра «траншее» 2 (рис. 47) расчищены хозяйствственные комплексы — «глиняный чан», представляющий, вероятно, нижнюю часть груболепного пифоса, и железный котел (рис. 23–24). В небольших «траншеях» 3 и 4, следы от которых отчетливо видны на плане «Большого» раскопа, археологических комплексов выявлено не было (рис. 25: 1–2). На некрополе 3, в раскопах № 9 и 20, захоронения были впущены в слой хазарского времени.

Слой хазарского времени был зафиксирован в раскопе № 14 (Михеев, 1965, с. 21–22). Сильно насыщенный слой с материалами этого периода присутствовал и в расположеннем рядом с ним раскопе 19. Из археологических комплексов здесь расчищена

круглая хозяйственная яма 67 (d 1,1 м) цилиндрической в сечении формы, углубленная в грунт на 0,6 м (Михеев, 1968 а, с. 21).

Большое количество артефактов хазарского времени было выявлено в верхнем слое западной, занятой некрополями, части селища. Судя по наличию среди погребений обыкновенных хозяйственных ям (иногда присутствуют случаи их стратиграфии с золотоординскими погребальными комплексами), значительная часть территории, прилегающая в VIII–X вв. к некрополю 3 с севера, была заселена. Нахождение указанного участка на склоне привело к активизации на нем эрозийных процессов после прекращения функционирования салтовского памятника. В результате этого ко времени появления здесь золотоординского некрополя 4 культурные напластования хазарского времени были полностью смыты.

На территории некрополей было сделано большое количество находок, иногда уникальных. Среди них металлические предметы (в числе которых вещи из цветного и черного металла), обломок литейной формы, ряд частично или полностью реконструируемых сосудов. Среди этого многообразия выделяется обнаруженный С.И.Татариновым фрагмент амфоры с рунической надписью, представляющий самую крупную надпись из выявленных на территории рассматриваемого нами региона (Кляшторный, 1979), а также роговой реликварий (рис. 81: 1). Указанный предмет впервые был опубликован А.В.Шамраем и В.Е.Нахапетян (Нахапетян, Шамрай, 1990). К сожалению, о точном месте находки и условиях обнаружения этого уникального предмета данные ни в одной из многочисленных публикаций не были приведены ни А.В.Шамраем, ни кем-либо из других исследователей.

Наиболее интересная и представительная группа комплексов была зафиксирована в пределах территории «Большого» раскопа, где В.К.Михеевым был вскрыт значительный участок жилой части поселения. Общая информация о материалах, выявленных на этом участке, была опубликована (Михеев, 1985, с. 13–16), что позволяет ограничиться перечислением указанной информации.

Комплексы раскопов № 1, 4, 6 представлены остатками наземных и углубленных в грунт жилых и хозяйственных построек

и большим количеством (более 50) хозяйственных ям различного функционального назначения. В пределах раскопа В.К.Михеев выявил не менее 7 жилищ. Реально, как представляется, их было намного больше. Так, четыре постройки представлены «юртообразными»/круглоплановыми жилищами». От трех из них сохранились открытые «очаги тарелкообразной формы» размерами «от 50 x 60 до 80 x 90 см, заполненные угольками и золой» (Михеев, 1985, с. 13). Судя по данным отчетов, монографии и имеющимся чертежам, юртообразные постройки, от которых сохранились только очаги, номеров не получили, а фигурируют в документации, как очаги в слое. Номер получил один комплекс, контур которого сохранился полностью, — жилище 5. Среди построек присутствовали наземные сооружения, остатки которых читались по скоплению в верхнем слое раскопа керамики, предметов и фрагментов обожженной глиняной обмазки. Также имелось несколько «погребов», содержащих сельскохозяйственный инвентарь и орудия труда ремесленников. Наиболее вероятно, указанные «погреба» являются углубленными в грунт частями хозяйственных построек. К таким сооружениям относится и «кухня», остатки которой были расчищены в 1 раскопе. Остановимся на каждой из групп указанных построек отдельно.

«Юртообразные»/круглоплановые жилища. Сооружения указанного типа были рассредоточены в центральной и восточной частях раскопа. Наилучше сохранившееся из них жилище 5 представляло круглое помещение диаметром 3 м с очагом (0,5 x 0,8 м), углубленным на 0,1–0,15 м в центральной части. Основание его было прослежено по слабо углубленным в слой остаткам сгоревшего каркаса. В «юрте» и рядом с ней был обнаружен ряд предметов, среди которых выделяется комплект жерновов. На юртообразные жилища Маяков обратил внимание В.С.Флеров в книге, посвященной этому типу построек. Он указал на краткость описания этих помещений у В.К.Михеева, сделав вывод по наилучше сохранившемуся из них жилищу 5: «Судя по опубликованному <...> рисунку, очертания жилища прослеживались не очень четко. К сожалению, ничего не сказано о лунках в полу, в частности, около стен» (Флеров, 1996, с. 23). Следует сказать, что характер грунта на данном участке (собственно, как и на всей территории селища 2), реально не позволял

четко проследить контуры неглубоких сооружений²⁰. Тем более столбовые ямки в полу. О наличии «юртообразных»/круглоплановых жилищ на Царинском археологическом комплексе свидетельствует раскопки на селище 3, где также была расчищена круглоплановая постройка салтово-маяцкой культуры.

Полуземлянки. Землянки. Жилище 1 было представлено котлованом (2,8 x 3,6 м), углубленным в материк на 1,52 м (2,3 м от современной поверхности). Котлован имел прямоугольную форму и был ориентирован длинной осью по линии север–юг. Вход находился с южной стороны. Постройка имела столбовую конструкцию, о чем свидетельствуют остатки 7 столбовых ям. Четыре из них располагались по углам, две — по центру узких сторон котлована и служили для крепления конька двускатной крыши. Отопительным сооружением служило кострище, находящееся ближе к северо-восточному углу. Возле кострища находились кости собаки (Михеев, 1963, с. 4–5; 1985, с. 13). Указанное жилище в книге В.К.Михеева фигурирует как «полуземлянка», с чем нельзя согласиться ввиду большой глубины указанного сооружения. В отчете оно было охарактеризовано В.К.Михеевым как «землянка», что более соответствует его данным. Указанный тип построек не является частым среди углубленных жилищ СМК рассматриваемого нами региона. Так, на соседнем Сидоровском археологическом комплексе они совсем не представлены (Кравченко, 2020 а, с. 68–75, 78–82).

К этой же группе построек, вероятно, относилось жилище 2, «небольшое помещение овальной формы длиной 2,2 и шириной 1,3 метра. Помещение имеет одну ступеньку в предочажную яму и овальный очаг 1,2 x 0,7 м, который возвышался над уровнем предочажной ямы на 0,25 м» (Михеев, 1963, с. 4). Очаг был

²⁰ С 1965 г. работы на «Большом» раскопе велись при помощи «перекидной траншеи». «Методика раскопок была направлена на вскрытие всей площади исследуемого мыса при помощи серии длинных раскопов шириной 2–3 метра, расположенных непосредственно друг возле друга. При этом место вскрытого участка засыпалось выбросом из соседнего вскрываемого участка после тщательной фиксации обстановки в нем» (Михеев, 1965, с. 4). Это, вне сомнений, усложнило процесс изучения полученного материала. Однако следует отдать должное В.К.Михееву, который достаточно тщательно фиксировал объекты в слое, благодаря чему большинство комплексов было полностью прослежено. Следует указать, что содержащий большую примесь золы слой на указанном участке памятника в самом деле не позволял проследить заполнение верхней части большинства исследованных комплексов.

обложен тонкими плитками сланцевого камня. Представляется, что указанное сооружение являлось не «летней кухней», как предполагал автор раскопок, а представляло нижнюю часть полуzemлянки, близкой расчищенным на поселениях Приазовья (Кравченко, 2003, с. 348–350; рис. 3) и Донецкого кряжа (Гриб, 2014–2015, с. 290–291; рис. 2: 1).

К наземным сооружениям В.К.Михеев относил жилище 4, остатки которого находились в культурном слое раскопа. Судя по сохранившимся остаткам, оно имело размеры 3 x 6 м, «стены сооружались из деревянных плах и обмазывались глиной». В центре располагался очаг, возле которого находилась овальная яма 1,6 x 1,75 м, глубиной 0,35 м, на дне которой лежал разнообразный археологический материал, в том числе комплект жерновов, «верхняя часть большого двуручного узкогорлого пифоса²¹, челюсть собаки и череп человека» (Михеев, 1985, с. 14). К наземным хозяйственным постройкам В.К.Михеев относил помещения 3, 6, 7, в которых среди прочих находок был выявлен хозяйственный инвентарь.

К хозяйственным сооружениям В.К.Михеев относил погреба, которые представляли собой «круглые, овальные или подпрямоугольные ямы, иногда со ступенькой, и подбоем в противоположной от ступени стенке... в них хранились продукты и различный инвентарь. В погребе 23 подпрямоугольной формы размерами 1,55 x 1,7 м и глубиной 1 м, лежали аккуратно сложенные на дно коса горбуши, ножницы для резки металла, 2 втульчатых долота, первоидное сверло, ювелирный молоточек, пинцет с хомутиком, 5 серпов, наконечник копья, пара стремян, 2 железные подпружные пружки и обломок литого бронзового котла» (Михеев, 1985, с. 14).

Прочим типам ям у В.К.Михеева уделено меньше внимания, хотя среди них присутствуют сооружения, представляющие существенный интерес. Выделяется группа ям со стоящими в них сосудами — как целыми, так и фрагментированными. Серия таких ям была выявлена в раскопе № 6 (ямы 13, 15, 26). Так, яма 13 имела диаметр 0,9 м при глубине 0,8 м. В ней стояли обломки сосуда. Яма 15 имела диаметр 0,9 м при глубине 0,75 м. В ней стоял пифос, который сохранился полностью. Сосуд имел диа-

²¹ Так у автора. Вероятно, имеется в виду верхняя часть большого двуручного кувшина.

метр горла 0,5 м при наибольшем диаметре 0,8 м и диаметре дна 0,2 м. Подобный пифосообразный вертикально стоящий сосуд был расчищен А.В.Шамраем в 2011 г. на западной части селища 2 (рис. 54). Участок, на котором он был выявлен, имел частично смытый культурный слой, в связи с чем следы ямы, в которой стоял сосуд, выявить не удалось.

Особый интерес представляет комплекс в яме 26, которая имела диаметр 0,5 м при глубине 0,8 м. Стенки ее находились вплотную к тулову стоящего в яме пифосообразного сосуда, венчик которого обрамлял устье ямы. Нижней части сосуда не было. В данном случае мы имеем дело с санитарным сооружением, близким встреченным на Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, 2020, с. 76, рис. 154: 2, 156–157).

Таким образом, территория селища 2 представляла собой жилую часть памятника. В.К.Михеев относил сооружения «Большого» раскопа к ремесленной его части. При этом четко выраженных ремесленных комплексов на этой территории выявлено не было. По нашему мнению, указанный участок являлся местом проживания ремесленного населения. По крайней мере, пока что единственным выявленным ремесленным комплексом является металлургический горн, который располагался в восточной, слабо изученной части селища. Согласно описанию В.К.Михеева: «Сохранившаяся часть горна представляет собой два останца обожженной глиняной площадки <...>. Края ее прослеживаются по остаткам древесного угля и прокаленной глины. Глина прокалена на толщину 8 см. В южной части горна на участке добела пережженной глины, в небольшом углублении находился кусок железного шлака, весом 0,5 кг. Судя по тому, что на высоте 0,35 м от уровня дна горна находился слабо обожженный сферический пласт глины, можно заключить, что это был железорудный горн сферической конструкции» (Михеев, 1964, с. 21–22).

Вероятно, ремесленные комплексы могли группироваться именно на этом участке, который располагался ниже по склону и находился в непосредственной близости к источникам воды. Одним из них являлась река Северский Донец, а другим, вероятно, был обводненный в то время Ложников Яр.

2.3. Поселенческая структура селища 1

Селище 1, расположенное за линиями укреплений городища, является самым крупным объектом археологического комплекса. В.К.Михеев, относивший его к хазарскому периоду существования памятника (Михеев, 1985, с. 14), оценивал площадь этого селища в 30 га. Тем не менее керамика салтово-маяцкой культуры на его территории встречается только на очень небольшом участке, прилегающем к валам городища хазарского времени. К западу от них салтовские материалы исчезают, уступая место многочисленным находкам керамики, монет и прочих предметов, относящихся к золотоордынскому периоду существования археологического комплекса. Эта часть памятника могла иметь укрепления, время сооружения которых относилось к XIV в. (Кравченко, 2015). Остатками их может являться распаханное углубление, примыкающее к краю отвершка яра и тянущееся от него по направлению к современному селу. Особенно хорошо оно прослеживается на дороге, пересекающей участок, на которой перед этим углублением со стороны памятника имеется слабо заметное возвышение²². Следом за углублением количество подъемного материала резко уменьшается, а затем полностью исчезает.

Селище 1 относится к слабо изученным участкам Царинского археологического комплекса. Н.В.Сибилев и Г.Г.Афендики работы на его территории не проводили. Единственным раскопом, заложенным на нем В.К.Михеевым, был раскоп 10 (S 29 кв. м), представляющий траншею метровой ширины, ориентированную длинной осью по линии запад–восток. Верхним в ней был слой чернозема мощностью 0,2 м, который являлся пахотным слоем и культурным слоем памятника одновременно. Под пахотным слоем до уровня 0,35 м залегал лишенный находок слой суглинка, подстилавшийся материковой глиной. Археологических комплексов в раскопе 10 обнаружено не было (Михеев, 1965, с. 20).

Сведения об этой части памятника дает подъемный материал, в течение многих лет собирающийся на селище. В процессе осмо-

²² На остальном участке проследить это возвышение невозможно. Он в течение длительного времени подвергался распашке. Распахивается и в настоящее время.

тров, которые производились на его распаханной территории, были собраны керамика, изделия из стекла, черного и цветного металла и монеты золотоордынского времени (Кравченко, 2015; Матеріальна культура..., 2017). Среди находок присутствуют многочисленные фрагменты поливной посуды крымского производства. Реже встречается кашин из Поволжья, еще реже — единичные фрагменты китайского фаянса и селадона. Обращают на себя внимание дно массивной литой ступки, произведенной в Закавказье, и единичные фрагменты ширванской поливы. На пахотном поле, в которое была превращена территория селища 1, найдены многочисленные железные и чугунные изделия. Особенно отметим присутствие всплесков чугуна и предметов с неубранными литками, что свидетельствует о местном чугунолитейном производстве (Кравченко, 2015, с. 453; 2022 б, с. 203–204). Также в подъемном материале были находки бронзовых матриц для тиснения орнаментальных пластин и форм для отливки украшений (Матеріальна культура..., 2017, с. 62–63, іл. 174). Ближе к территории современного села на поле выявлено крупное скопление золистого грунта, в котором подобраны всплески меди, обрезки медных листов и заклепки (Матеріальна культура..., іл. 169–171). Вероятно, в этом районе располагалась мастерская по производству медных изделий. Все эти находки свидетельствуют об интенсивной торговой и ремесленной деятельности на данном участке памятника в XIII–XIV вв.

Отдельные предметы представляют существенный интерес. Так, в центральной части селища в 1984 г. А.В.Шамраем была поднята шиферная иконка новгородского производства (Николаева, 1983, с. 83, Табл. 24: 6) с изображением Святого Николая и Семи спящих отроков Эфесских (рис. 81: 2). Ближе к линии укреплений хазарского времени В.В.Давыденко был поднят фрагмент двусторонней литейной формы для отливки подвески в виде мальтийского креста и змеевика²³.

В процессе регулярных осмотров памятника было выявлено множество разрушаемых археологических объектов. Концентрация указанных комплексов наблюдалась близ развилки грунтовых

²³ Фрагмент был передан находчиком С.И.Татаринову, который, по его словам, передал его кому-то из коллег в Москве. Далее следы предмета теряются.

дорог (рис. 13), одна из которых идет из села к устью Ложников Яра, пересекая археологический комплекс по длинной его части (рис. 2–3, 12, 14). Вторая же отходит к востоку от первой в сторону расположенной в степи в верховьях яра тракторной бригады. Среди них — кирпичные кладки, отдельные лежащие в слое разрушенные захоронения и ямы. У дороги, в канаве, рядом с выходом размытых кирпичных кладок, осенью 1983 г. автором был подобран медный, позолоченный медальон с выполненным в технике перегородчатой эмали изображением Святого Николая (рис. 81: 4) (Кравченко, Швецов, 1995; Кравченко, 2015, рис. 24: 1), имеющий близкие аналоги в материалах Новгорода (Макарова, 1985). Здесь же, на полотне дороги, которое ежегодно подчищалось бульдозером, в разные годы была расчищена группа хозяйственных ям.

Одна из них была обнаружена весной 1986 г. близ развилки описанных выше грунтовых дорог (рис. 87). Она имела овальную форму (1,2 x 1 м) и прямые стенки. Сохранившаяся часть была углублена на 0,5 м в материк. В заполнении находились колотые кости животных и фрагменты керамики, из которых реконструировался высокогорлый кувшин с выпуклым клеймом в виде «ключа» на дне (Матеріальна та духовна культура..., 2017, іл. 139). Кроме того, в яме присутствовали фрагменты как минимум двух шарообразных сосудов с прямостоящим горлышком и крышкой (Матеріальна та духовна культура..., 2017, іл. 137), фрагменты большого сосуда, покрытого прозрачной зеленой поливой, мелкие фрагменты поливных кувшинов. Из прочих находок — два ножа с прямыми спинками, венчик чугунного котла, чугунный всплеск, фрагмент медной пластины с заклепками (Швецов, Кравченко, 1988, с. 14–15).

В 1998 г. на проезжей части этой дороги были обнаружены еще три хоз. ямы (рис. 87). Одна из них (х. я. 1) располагалась в 50 м к югу от развилки дорог. Она имела овальную, почти круглую форму диаметром 1,3 м. Глубина от полотна дороги — 0,7 м. В заполнении содержались кости животных, фрагменты кирпича, печины, несколько фрагментов золотоордынских кувшинообразных сосудов, сердоликовая граненая бусина и анэпиграфный пул второй половины XIV в. (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 4).

Вторая яма (х. я. 2) располагалась на участке этой же дороги, в 50 м от отрога Ложникова Яра (рис. 87). В канаве рядом с пятном этого комплекса были найдены фрагменты белоглиняной древнерусской керамики и фрагмент центральной части напильника (Кравченко, 2015, рис. 35: 8). Яма имела овальную форму (1,4 x 1 м) и была вытянута длинной осью северо-восток – юго-запад. Заполнение ямы было двухслойным. В верхнем слое (гумус с золой) встречались кости животных и фрагмент чугунного котла. Среди фрагментов белоглиняной древнерусской керамики — венчик белоглиняного горшка с завернутым внутрь краем, стенка горшка темно-серого цвета и корчаги (Кравченко, 2000, рис. 5). Золотоординская посуда представлена фрагментами горлышек двух кувшинов, стенкой красноглиняной амфоры и двумя днищами кувшинов, орнаментированных проложенными вертикальными линиями. Нижняя часть ямы была заполнена гумусом без находок, освещенным прослойками известки. На дне (ур. 0,9 м) лежал пластинчатый ключ (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 4; Кравченко, 2000, рис. 5; 2015, рис. 35: 9).

Еще одна хозяйственная яма (х. я. 3) была обнаружена в 200 м к северу от описанной (рис. 87). Она была углублена в дорогу на 0,4 м и повреждена канавой. Сохранившаяся часть ямы имела круглую форму (d 1 м). Плотное черное заполнение содержало древесные угли, мелкие фрагменты печины, известки и жженого кирпича. Находки представлены небольшим количеством фрагментов золотоординских красноглиняных кувшинов, двумя стенками чугунных котлов, стругом и серпом, которые находились на дне (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 5; Кравченко, 2015, рис. 39: 8, 9, 32).

Осенью 1988 г. во время осмотра автором северной части селища на нераспаханной его части (в обрезе канавы) была зафиксирована кирпичная кладка. В 1989 г. М.Л.Швецовым и автором на этом месте был разбит раскоп 1«Г»/25 (S 200 кв. м). Участок, на котором он был заложен, находился на краю площадки холма близ крутого склона в пойму Северского Донца (рис. 56). С северной стороны он ограничен склоном, а с южной — лесозащитной полосой, за которой располагалась распаханная площадь селища. То, что ранее участок не распахивался, представляется важным, поскольку здесь появилась возможность проследить характер

культурного слоя, уничтоженного практически на всей территории селища 1. В раскопе под слоем дерна (0,05 м) шел слой чернозема, слабо насыщенный культурными остатками (0,25–0,3 м), который подстипался красноватой плотной материковой глиной. В культурном слое находки были представлены небольшим количеством мелких фрагментов керамики золотоордынского времени, фрагментом чугунного котла и тремя монетами, одна из которых относилась ко времени правления Узбек-хана (1312–1342), а две к 60–80-м гг. XIV в. (Швецов, Кравченко, 1989). В пределах раскопа были расчищены котлованы трех построек, пять хозяйственных ям и одно погребение, анализа которого мы коснемся в соответствующем разделе. Практически все эти комплексы пересекали друг друга, составляя не менее четырех хронологических горизонтов (Кравченко, Швецов, 1990 б; Швецов, 2012, С. 97–116).

Из них к самому позднему (*горизонт IV*) относилось помещение 2. Оно северо-восточным своим углом повредило помещение 1, восточным — хоз. яму 1, южной частью прорезало помещение 3. К этому же горизонту относилась хоз. яма 2, составлявшая с помещением 2 единый комплекс (вход в яму был направлен ко входу в помещение). Помещение 2 представляло котлован (6,5 x 7 м), углубленный в грунт на 0,8–0,85 м, ориентированный стенами по сторонам света. Отопление его производилось при помощи тандырообразного сооружения, располагавшегося в западной части. Оно имело вид ямы (d 2 м), усеченно-конической формы, глубиной до 2 м, стенки которой были прокалены на 0,1 м. Вход в постройку находился с южной стороны и представлял покатый спуск (1,5 x 1,5 м). Северо-восточный угол постройки был занят суфой (2 x 2,5 м), поверхность которой была обмазана известкой с примесью меловой щебенки. Суфа имела небольшой наклон к центру жилища и по периметру была обложена обожженным кирпичом (22 x 22 x 4–5 см). У восточной стены, близ суфы и частично на ней был прослежен участок канализации, вероятно, сложенный из кирпичей выход к печной трубе, принятый за «очажок» (Швецов, 2012, с. 283). Столбовых ям не было. Судя по тому, что остатки помещения были перекрыты глинисто-черноземным грунтом, в котором фиксировались фрагменты сырцовых кирпичей (35–40 x 20 x 20 см), можно предположить, что в конструкции стен постройки применялся сырец.

Относящаяся к указанному комплексу хозяйственная яма 2 имела подпрямоугольную форму (1,6 x 1 м) со ступенькой, прилегающей к северо-западной части. Дно ямы находилось на уровне 1,2 м. В заполнении присутствовали фрагменты золотоордынских сосудов, из которых реконструируется небольшой кувшинчик с широким горлом, украшенный пролощеными вертикальными полосами в придонной части и фризом из многорядной волнистой линии и расположенных выше нее наколов, сделанных косо поставленным трехзубым гребнем на плечиках сосуда (Матеріальна та духовна культура..., 2017, іл. 138). Среди прочих находок — фрагменты кирпича, три грузика, литок от чугунного котла и монета конца XIV в.

К следующему горизонту (*горизонт III*) относились две хоз. ямы (1 и 4), из которых яма 4 прорезала помещение 1, а яма 1 была прорезана помещением 2. Хоз. яма 1 (3,2 x 1,6 м) содержала большое количество фрагментов жженого кирпича, красноглиняной керамики и фрагмент белоглиняного сосуда, основная часть которого была выявлена в хоз. яме 4. Дно ямы находилось на уровне 0,5 м.

Хозяйственная яма 4 имела круглую форму (d 1,3 м) и была углублена на 0,96 м. В заполнении содержалось большое количество фрагментов жженого кирпича, бронзовый бубенец с обрывком веревки (рис. 57: 5), пластина с отверстиями для нашивки и фрагменты орнаментированного косыми полосами многорядной волнистой линии, белоглиняного сосуда с носиком (рис. 57: 4). Указанный сосуд первоначально был определен авторами раскопок как резервуар кальяна (Швецов, 2012, с. 99; Кравченко, 2015, с. 461). Согласно мнению В.Ю.Коваля, он, наиболее вероятно, представляет вариант кувшина, имеющего, судя по тесту, отношение к русской керамике.

Стратиграфический *горизонт II* представлен хозяйственной ямой 3 и помещением 1, которое было расчищено в северо-восточной части раскопа. Его котлован имел прямоугольную форму (8 x 5 м) и был ориентирован длинной осью северо-запад – юго-восток. Северный и восточный углы вышли за пределы раскопа. Котлован был прорезан ямами 1 и 4, впущенными с уровня 0,4 м от современной поверхности. Постройка имела бесстолпную конструкцию. Отопительное сооружение — глинобитная печь с куполообразным сводом — располагалось в западном

углу. Она была развернута челюстями на север и имела круглую форму ($d 1,2$ м) и обожженную площадку ($1,5 \times 1$ м) перед входом в топку. При входе в печь под обмазкой был расчищен скелет зверька (щенка?), уложенный поперек входа. Вдоль северного, восточного и южного секторов печной ямы под челюстями печи были расчищены остатки яиц, фиксируемые по скорлупе. Дно котлована находилось на уровне 0,9 м. В заполнении печи и на полу постройки находились фрагменты керамики, среди которых восстанавливаются фрагменты поливного и неполивного кувшинообразных сосудов (афтоба), фрагменты красноглиняных кувшинов и несколько фрагментов белоглиняной древнерусской керамики типа, в том числе венчик белоглиняного горшка с зауженным горлом, орнаментированного гребенчатым штампом.

Относящаяся к этому же горизонту хоз. яма 3 имела круглую форму ($d 2$ м, глубина 0,53 м). В заполнении встречены древесные угольки, фрагменты печи и керамических сосудов. Среди них — носик красноглиняной афтобы, покрытый прозрачной зеленой поливой, и фрагменты красновато-желтого кувшинообразного сосуда, орнаментированного полосами косого лощения по корпусу и прочерченного орнамента в виде однорядной волнистой линии в месте наибольшего расширения и на плечиках. У места перехода к горлышку присутствует горизонтальная полоса косых насечек. Фрагменты этого же сосуда были встречены в слое заполнения и в печи помещения 1, что говорит о синхронном существовании указанных комплексов.

Наиболее ранний *горизонт I* представлен котлованом помещения 3, который прорезали помещение 2 и хозяйственныe ямы 2, 3, 5. Помещение 3 представляло котлован прямоугольной формы ($8,4 \times 6,25$ м), ориентированный длинной осью северо-восток — юго-запад, углубленный на 0,8 м. Вход в постройку пролегал через ее южный угол и имел ширину 2,25 м. В помещении были встречены небольшое количество красноглиняной золотоордынской керамики, фрагменты лепного сосуда, попавшего, вероятно, из слоя, и железный ключ с крестообразной головкой (рис. 57: 3).

Таким образом, на указанном раскопе представлен ряд периодов, в течение которых существовало селище. Все эти периоды укладываются в рамки золотоордынского времени, что свиде-

тельствует об интенсивной жизни Царинского археологического комплекса в этот период его истории.

2.4. Поселенческая структура селища 3

Селище 3 находится на северо-восточной окраине археологического комплекса, на берегу Северского Донца, у места впадения в реку Ложникова Яра. Оно занимает высокую террасу, вытянутую вдоль берега реки, по линии запад–восток, которая сформировалась из аллювиальных отложений, смытых со склонов прилегающих холмов (рис. 4, 7, 9, 18: 2–3, 19–20). До 1990 г. это селище относилось к наименее изученным частям памятника. Кроме небольших исследований Г.Г.Афендика (1936), С.И.Татаринова и А.И.Привалова (1976), раскопки на этой территории не производились. Во время земляных работ и в процессе эрозийной деятельности на террасе периодически выявляли различные археологические объекты. Так, в 50-х гг. XX в. во время строительства насосной станции здесь был найден клад железных вещей, состоящий из 8 предметов (Михеев, 1963, с. 7–8; Михеев, 1968 б). Еще один подобный клад был выявлен в 1981 г. автором в береговом обрыве на восточной окраине селища (Кравченко, 2020 а, с. 63–64, рис. 163).

Исследованиями 1990–1991 и 2005 гг. здесь была изучена значительная площадь — 1624 кв. м. Раскопы были размещены на разных участках селища. Так, раскоп № 26 располагался в центральной части террасы, захватывая и крутой склон к реке. Раскопом № 27 был вскрыт крупный участок в восточной части селища 3. Раскопами № 28 и 30 были раскопаны участки на южной и юго-восточной частях селища, а раскопом № 29 исследован участок на западной его окраине, у въезда на городище. Подобное расположение раскопов позволило получить представление о ситуации на различных участках объекта (рис. 19–20).

На всей площади селища присутствовал культурный слой мощностью до 2, а местами — до 2,5 м²⁴, хорошо насыщенный

²⁴ На различных участках селища за счет природных аллювиальных и делювиальных процессов, а также последствий хозяйственной деятельности человека, вызвавшей всевозможные повреждения культурных напластований, уровень залегания слоев несколько отличался. Указанные глубины являются отметками, сделанными на не поврежденных участках селища.

культурными остатками. Стратиграфия на различных участках отличалась. На приречной террасе верхнюю часть слоя составлял рыхлый гумусированный грунт с примесью мелкой меловой крошки, который шел до уровня 1–1,5 м от современной поверхности. В нем залегали комплексы эпохи Развитого и Раннего Средневековья. Ниже него шел слой гумуса, освещенного суглинистыми включениями, из верхней части которого были пущены комплексы пеньковской культуры (V–VII вв.). Основным же материалом в слое освещенного гумуса являлись находки эпохи бронзы и более ранних периодов. Постепенно светлея книзу, данный слой плавно переходил в глинистый материк (рис. 28: 2; 58: 2).

В раскопе № 29, разбитом на западной окраине селища (рис. 29), стратиграфия несколько отличалась. Под слоем намыва и горелой прослойкой шел слой рыхлого гумусированного грунта, содержащий материалы средневекового времени. В нижней его части (до уровня 0,65 м) содержались материалы XI–XIV вв. Салтовская керамика представлена единичными фрагментами. Керамика пеньковской культуры концентрировалась над котлованом помещения 5 (рис. 62). Связано это с тем, что к раскопу прилегал узкий участок склона, представляющий въезд на раннесредневековое городище, который подвергался эскарпированию в хазарское время. Вероятно, слой пеньковской культуры был срезан при земляных работах, производимых во время строительства этого въезда. Ниже уровня 0,75–0,85 м слой переходит в освещенный гумус, содержащий материалы финала эпохи бронзы — начала железного века. В южной и западной частях раскопа на этом уровне начинался слой зольника, в котором было расчищено не менее восьми скоплений костей животных и развалов керамических сосудов. В северной части раскопа № 29 был обнаружен котлован аморфной формы²⁵, углубленный в материк (помещение 4), который отапливался открытым очагом (0,55 x 0,6 м), расположенным в центральной части помещения (рис. 29). Среди находок в постройке — фрагменты керамических сосудов, бронзовые прутик и наконечник стрелы (рис. 84: 20).

²⁵ Расчищен участок 4 x 4 м.

Вокруг помещения наблюдалась концентрация находок керамики и костей животных.

На различных участках селища 3 археологический материал в нижней части культурного слоя отличался, что было связано с функционированием здесь поселений разных эпох.

Так, материалы *неолитического – энеолитического* времени были выявлены в раскопах № 26 и 27 (рис. 71). В этих же раскопах был зафиксирован слой зольника эпохи поздней бронзы (срубная культура), который занимал центральную часть террасы (рис. 63). В юго-восточной части селища найдено небольшое количество фрагментов *многоваликовой керамики*.

Слои эпохи бронзы – раннего железного века на селище 3 перекрывались отложениями *пеньковской археологической культуры*. Комплексы этого времени зафиксированы в раскопах № 26, 27 и 29, что свидетельствует о том, что поселение тяготело к берегу Северского Донца. Материалы залегали в слое осветленного гумуса с примесью золы, мощность которого на различных участках раскопов № 26–27 колебалась от 0,2 до 0,5 м (рис. 58: 2). В раскопе № 26 к пеньковской культуре относились три сооружения, представленные помещениями 3, 5 и 7 (рис. 58: 1). В раскопе № 27 – помещение 3 (рис. 59), а в раскопе № 29 – помещение 5 (рис. 62).

Помещение 3 раскопа № 26 находилось в южной его части, у склона с террасы в пойму. Северная сторона котлована прорезана сточной канавой; южный край срезан траншеей трубопровода; северо-западный угол поврежден комплексами хазарского времени – помещением 2 и хозяйственной ямой 5. С западной стороны котлован непосредственно граничит с помещением 5 (рис. 58: 1).

Судя по сохранившейся части, помещение представляло полуземлянку (размерами 4 x 4–4,4 м), ориентированную стенами по сторонам света. Дно находилось на уровне 2 м. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Большинство столбовых ямок располагалось по периметру котлована. Одна из них находилась в центральной его части, что свидетельствовало о наличии двускатной или четырехскатной кровли. Пол представлял золистую прослойку с древесными углями. В западной и центральной

частях котлована зафиксировано золистое пятно неправильной формы размером 1,8 x 2,2 м, которое являлось остатками очага. У восточной стенки находилась неглубокая яма овальной формы (0,9 x 1,1 м), углубленная на 0,1–0,15 м.

В заполнении и на дне котлована обнаружены: кости животных, фрагмент грузила (рис. 63: 7), железный нож (рис. 63: 4), амулет из фаланги зайца (?) (рис. 63: 8) и фрагменты керамики. Горшки лепные с примесью крупного шамота в тесте. Край венчика обычно слегка отогнут наружу (рис. 63: 13–15, 17–21, 23, 26, 29). Реже встречаются прямостоящие венчики (рис. 63: 16). Часть днищ имеет закраину (рис. 63: 31, 35). На внешней поверхности у некоторых донышек присутствуют грубые следы вертикального слаживания (рис. 63: 36). Среди керамики есть фрагмент венчика зерновника (рис. 63: 24). Сковороды имеют невысокий, слегка отогнутый наружу бортик (рис. 63: 9–12, 34). Вотивы представлены двумя сосудиками баночной формы с заостренным прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 63: 2–3). Также в заполнении котлована обнаружен фрагмент серолощеного кувшина с коническим выступом на боковой части сосуда (рис. 63: 26).

Помещение 5 раскопа № 26 (рис. 58: 1) обнаружено при зачистке участка, прилегающего к помещению 3. Котлован сохранился не полностью. Сохранившаяся южная часть прорезана хоз. ямой 4 (XI–XIII вв.). С западной стороны котлован соприкасался с помещением 3 и был прорезан хоз. ямой 5. Заполнение отличалось от помещения 3 более светлым цветом. Сохранившаяся часть котлована (3,9 x 3,6 м) имела прямоугольную форму и была ориентирована стенами по сторонам света. Столбовых ям и отопительного сооружения обнаружено не было. Уровень дна — 1,95–2 м от современной поверхности. Среди находок — кости животных, три небольших фрагмента сковородок, мелкие фрагменты лепных горшков, фрагмент биконического пряслица с усеченными основаниями, орнаментированного крестообразными наколами (рис. 63: 6).

Помещение 7 раскопа № 26 было прорезано хоз. ямами 7 и 8 хазарского времени. В верхней части заполнения хозяйственной ямы 8 было выявлено погребение 2 (рис. 18: 1). Котлован имел прямоугольную форму размером 4 x 3 м и был ориентирован длинной осью северо-запад – юго-восток. Дно находилось

на уровне 2,13 м. Столбовые ямы и отопительное сооружение отсутствовали.

Помещение 3 раскопа № 27 зафиксировано в западной части раскопа. Котлован прослежен не полностью: южная часть на 0,2–0,3 м выходила за пределы раскопа. Имел подпрямоугольную форму и был ориентирован сторонами по сторонам света. Его прослеженная часть имела длину 5,8–6 м при ширине 4,5–4,7 м. Дно находилось на уровне 1,05 м от современной поверхности (рис. 59). Заполнение котлована было прорезано хозяйственными ямами 7, 8, 10, 13 хазарского времени. У восточной стенки дно котлована прорезано погребением 7 золотоордынского времени. Над его южной частью, на глубине 0,65 м, зафиксированы остатки очага с «древнерусской» керамикой (XI–XIII вв.). В центральной части на уровне 0,94 м находились развалы двух сосудов: пеньковской острореберной корчаги (рис. 61: 7) и лепного горшка S видного профиля с примесью шамота в тесте (рис. 61: 4). Столбовых ям зафиксировано не было. Само дно в слое темного грунта было слабо различимо. Учитывая наличие пеньковской керамики в заполнении и на дне комплекса (рис. 60: 1, 3–10), а также датировку объектов, прорезавших котлован, М.Л.Швецов отнес это помещение к пеньковской культуре.

Кроме этого, в пределах раскопа № 27 была выявлена группа хозяйственных ям (2–4, 9), относящихся к интересующему нас времени. Найдки в их заполнении в большинстве случаев не-выразительны: колотые кости животных и немногочисленные фрагменты стенок лепных керамических сосудов. В хозяйственной яме 9 был обнаружен горшок (рис. 61: 6). Вполне вероятно, что сосуд пеньковской культуры, найденный в квадрате Ж-1 раскопа (рис. 61: 3), также происходил из ямы, контур которой не был зафиксирован в темном культурном слое.

Помещение 5 раскопа № 29 (рис. 62) представляло полуземлянку размерами не менее 5 x 4–4,5 м, с печью-каменкой в северо-западном углу. Котлован был вырыт в слое зольника эпохи бронзы, из-за чего четкий его контур зафиксировать не удалось. Границы постройки читались по материалу, компактно залегающему на одной глубине на этом участке раскопа. Северный край заполнения поврежден котлованом помещения 3 (XI–XIII вв.). Корпус отопительного сооружения постройки (печи-каменки)

был сложен из обломков ручной мельницы (рис. 72), сделанной из крупнозернистого песчаника. Поставец мельницы представлял камень (толщина до 5 см) круглой формы (d 38 см) с конически сужающимся книзу отверстием в центральной части (d 10 см, внизу d 5 см). Бегунок — массивный, подквадратный в плане (41 x 40 см) и конический (высота до 20 см) в поперечном сечении камень с плоской рабочей поверхностью. Несквозное отверстие для ручки находилось вверху, у края жернова (рис. 64: 6). Рабочая поверхность обоих камней была покрыта точечной набивкой. Внутренняя часть печи была вымощена фрагментами керамических сосудов, многие из которых деформировались и ошлаковались вследствие воздействия высокой температуры (рис. 63: 1). Нижняя ее часть находилась на уровне 1,14–1,15 м и фиксировала дно котлована.

Кроме фрагмента фибулы (рис. 64: 1), обломка рога (рис. 64: 4) и каменного терочника треугольной формы (рис. 64: 2), в котловане помещения 5 встречено большое количество керамики, основную часть которой составляют лепные горшки с примесью шамота в тесте (рис. 64: 5; 65: 8). Несколько фрагментов S видной профилировки относится к небольшим приземистым сосудам (рис. 65: 9, 12), которые Е.А.Горюнов определял как миски (Горюнов, 1981, с. 73, рис. 25). Орнаментация керамики бедная: ряд венчиков украшен пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 64: 7; 65: 6). Фрагменты крупного зерновика имеют под венчиком массивный подтреугольный в поперечном сечении валик (рис. 65: 1). Достаточно часто встречаются сковороды (рис. 64: 3; 65: 2–3; 63: 1). Зафиксированы фрагменты крупного лепного таза (d до 0,35 м) с высоким (0,07 м) бортиком, плавно переходящим ко дну (рис. 65: 4).

Хронологические рамки существования поселения определяются выявлением в комплексах археологическим материалом. Ряд котлованов содержал мало находок, что усложняет вопрос их датировки. Наиболее ранние помещения (3 и 5 раскопа № 26) были выявлены в центральной части террасы. Конструктивные особенности помещения 3 сближают его с сооружениями киевской культуры и ранними пеньковскими жилищами, относимыми к V в. (Горюнов, 1981, с. 37; Памятники..., 2007, с. 19–20; Приходнюк, 1998, с. 25; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114). В котловане находилось много лепной керамики, в том числе

фрагмент пеньковского зерновика. Присутствовал здесь и фрагмент гончарного лощеного сероглиняного сосуда.

Помещение 3 находилось в стратиграфической связке с расположенным восточнее помещением 5 (Кравченко, Швецов, 1990 в, табл. 7). Указанные котлованы имели одинаковую глубину и располагались параллельно друг другу, соприкасаясь краями. При зачистке прослежено, что помещение 5 было прорезано помещением 3, т. е. было более ранним.

Поздние постройки выявлены в раскопах № 27 и 29. В раскопе № 27, в котловане помещения 3, обнаружены два развала сосудов, один из которых — приземистый горшок S видного профиля (рис. 61: 4), по своей форме стоящий ближе к керамике более позднего периода. В раскопе № 29 жилище имело в качестве отопительного сооружения печь-каменку, сделанную из обломков ручной мельницы и фрагментов керамических сосудов, которыми была выложена ее внутренняя часть (рис. 72). На пеньковских памятниках Днепровского Левобережья данный тип отопительного сооружения встречается редко. Чаще печи фиксируются на территории Среднего Поднепровья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 115). Мельницу (рис. 64: 6), из обломков которой был сложен корпус печи, можно отнести к III группе (Минасян, 1978, с. 108–109). По своей конструкции она близка к ручным мельницам, широко представленным на салтовских памятниках (Михеев, 1985, с. 77–78, рис. 27; Давыденко, Гриб, 2011, с. 255–256, рис. 11: 1, 12: 1–2; Колода, Горбаненко, 2002, с. 458–460, рис. 6: 1–3, 5–14). Тем не менее за счет характерной формы бегунка данный предмет отличается от салтовских ручных мельниц, верхние камни которых обычно более тонкие, а внешняя поверхность гораздо лучше обработана. Вероятно, рассматриваемый нами предмет представляет раннюю форму мельниц, широко представленных на поселениях салтово-маяцкой культуры.

Обрезок оленьего рога (рис. 64: 4), найденный в помещении 5 раскопа № 29, по всем признакам представляет заготовку «острия», нехарактерного для памятников пеньковской культуры, но находящего параллели в салтовских древностях (Флерова, 2001, с. 71–73). К датирующим предметам относится и обло-

мок головки пальчатой фибулы (рис. 64: 1) т. н. постготского, или днепровского, типа, найденный в раскопе № 29. Подобные предметы имеют достаточно широкий ареал распространения и хронологические рамки бытования. При этом их верхняя дата не выходит за пределы VII в. (Гавритухин, Приймак, 2001–2002; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 36).

Памятник *хазарского времени*, как и поселение пеньковской культуры, располагался на площадке террасы у берега Северского Донца. В западной ее части материалов СМК выявлено не было, что, вероятно, связано с функционированием в это время въезда, ведущего на городище. Отсутствуют материалы хазарского времени и в раскопах № 28 и 30, располагающихся в южной части селища. Комплексы указанного периода были встречены в раскопах № 26 и 27.

В раскопе № 27 они представлены котлованом помещения 1 и хозяйственными ямами 1, 7, 8, 10, 11, 13. Котлован был перекрыт «ямой с ракушками», представляющей остатки от слабо углубленной в грунт постройки XI–XIII вв., и прорезан погребениями 6 и 8 этого же времени²⁶.

Помещение 1 представляло углубленную в грунт постройку размерами 4 x 4 м, ориентированную сторонами северо-восток – юго-запад. Со стороны реки котлован имел узкий выступ, который служил входом. Отопительное сооружение (открытый очаг) находилось в южном углу котлована. Среди находок в помещении встречены фрагменты керамики СМК и железный нож крупного размера.

Контуры хозяйственных ям хазарского времени, расчищенных в раскопе № 27, на фоне темного слоя читались нечетко. Судя по заполнению, они были представлены обыкновенными сбросными ямами, содержащими кости животных, фрагменты керамических сосудов и отдельные металлические предметы. Среди находок выделяются дужка от котла, полностью или частично реконструируемые гончарные сосуды (рис. 74: 1, 3–6) и крупный фрагмент жаровни (рис. 74: 2).

²⁶ М.Л.Швецовым было выдвинуто предположение, что указанные захоронения были перекрыты котлованом. Последнее абсолютно невероятно, учитывая положение погребений, их характер, а также тот факт, что одно из них пересекает и котлован соседнего помещения 3. Представляется, что указанные захоронения относятся к более позднему периоду и прорезали салтовский слой.

Более представительно выглядят комплексы хазарского времени раскопа № 26, где были исследованы хозяйствственные ямы 5, 7, 8, котлованы трех построек (пом. 1, 2 и 6) и 2 погребения²⁷.

Помещение 1 (рис. 70: 1; 66: 1, 6) представляло котлован, дно которого находилось на глубине 1 м от современной поверхности. В придонной части оно имело форму неправильной трапеции шириной 2,9 м, ориентированной длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Дно котлована, опущенное на верхнюю часть освещенного гумуса, читалось четко, благодаря чему здесь были прослежены столбовые ямы, что позволило уточнить конфигурацию котлована жилища. По характеру расположения ям (1–2, 5–6, 8, 9–10) видно, что постройка имела форму неправильного овала (3,2 x 2,8 м), ориентированного длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. В северной ее части находилась группа относительно малых столбовых ямок (11–14). Они шли достаточно густо и являлись остатками жердевой конструкции северной стены, которая, вероятно, выходила на склон террасы. Вход располагался в северо-западной части постройки, там, где были расположены две пары столбовых ям (9–10 и 5–6). В центральной части помещения находился открытый, сильно поврежденный кротовинами очаг (рис. 4, 6) круглой или овальной формы (d 0,7 м). По сторонам очага присутствовали ямки для рогачей (d 0,12 м). В юго-восточном углу дно котлована несколько повышалось. Это возвышение было отделено рядом малых ямок № 3–4, 7 (d 6–12 см).

В заполнении котлована найдена гончарная посуда: фрагменты горшков, украшенных линейным рифлением по корпусу, наколами и защипами по краю венчика. Иногда на плечиках или в местах наибольшего расширения сосудов присутствует дополнительная орнаментация многорядной волнистой линией (рис. 68: 3–7, 11–13, 15). Среди находок присутствовали фрагменты крупных гончарных тарных сосудов (кувшинов и пифосов), украшенных лощеным орнаментом на корпусе и фризом с про-черченной многорядной волнистой линией в месте наибольшего его расширения (рис. 68: 8, 10, 14). Кроме них найдена верхняя часть небольшого кувшина (рис. 68: 9), а также венчик и днище

²⁷ Описаны в разделе, посвященном некрополям памятника.

крупных горшковидных корчаг (рис. 68: 16–17). Среди прочих находок в помещении обнаружены бараний астрагал и фрагмент лезвия железного ножа (рис. 68: 1). При разборке очага найдена серебряная пластина с отверстиями по краям (рис. 68: 2).

Помещение 1 уничтожило большую часть котлована помещения 2 (рис. 66: 1–2, 5, 7; 70: 1).

Помещение 2, согласно данным стратиграфии, являлось самой ранней постройкой в описанной группе сооружений. Судя по остаткам, котлован помещения 2 имел размеры 5,2 x 3 м и был вытянут длинной осью по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Столбовых ям выявлено не было. Малые ямки от жердей № 1–5 (d 0,12–0,14 м), располагающиеся к северо-западу от отопительного сооружения, вероятно, имели отношение к конструкции помещения 1. Глубина котлована достигала 0,95 м. У северной стенки находилась глинобитная печь, развернутая челюстями во внутреннюю часть котлована. Она имела овальную в плане форму размерами 0,8 x 0,7 м. Высота от пола помещения составляла 0,15–0,18 м. От пола — 0,25 м. Свод печи был обрушен (рис. 66: 7).

В заполнении постройки найдены фрагмент красноглиняной амфоры и стенка горшка с линейным орнаментом. При разборке печи обнаружены фрагмент венчика керамического котла с внутренними ушками (рис. 69: 9) и костяная бусина.

Помещение 6 (рис. 70: 2; 67: 1–4) представляло собой котлован (5,2 x 4,4 м), ориентированный длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. От очага сохранилось горелое пятно неправильной формы (0,6 x 0,65 м). К востоку от него на полу котлована присутствовало слабо выраженное углубление овальной формы (1,1 x 0,45 м) с обожженным дном, служившее для углей, выбиравшихся из очага. Глубина котлована составляла 1,05 м. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Пятна столбовых ям прослеживались на фоне слоя освещенного гумуса, на который было опущено дно котлована. Все они имели небольшую глубину (до 0,15 м). Между ямой 12 и ямой 8, находившейся на противоположной стороне котлована, присутствовали еще две ямы (№ 4 и 9), которые находились внутри котлована постройки. Они имели одинаковый диаметр (0,24 м) и, вероятно, либо были свя-

заны с какой-то перегородкой, разделяющей помещение на две неравные части, либо являлись деталями конструкции кровли данной постройки.

В заполнении и на дне помещения 6 был обнаружен ряд находок, представленных в основном керамикой. Это фрагменты толстостенной амфоры с хорошо отмученным тестом светло-розового цвета. Корпус сосуда расчленен горизонтальным редким широкополосчатым рифлением. Поверхность покрыта беловато-серым ангобом. Кроме нее здесь были встречены фрагменты небольших гончарных горшков с рифлением по корпусу (рис. 69: 5–6), горшочек, украшенный рифлением по корпусу и многорядной волнистой линией на плечиках (рис. 69: 8), горлышко кувшина (рис. 69: 4) и венчик сероглиняной корчаги с проложенным орнаментом (рис. 69: 7). Из прочих находок в помещении были обнаружены обточенный барабан астрагал (рис. 69: 3), обломок роговой пластины (рис. 69: 2) и деталь железного замка (рис. 69: 1).

Таким образом, в раскопе № 26 найдены остатки трех стратифицированных жилых построек салтово-маяцкой культуры с различными конструктивными особенностями. В связи с тем, что глубина их котлованов от современной поверхности составляла около 1 м, первоначально все они были отнесены к категории полуzemлянок. Тем не менее следует учитывать, что котлованы помещений 1 и 2 были прослежены с уровня нахождения слоя с материалами хазарского времени (0,4 м от современной поверхности). Меньше данных имеется о помещении 6 в связи с тем, что верхняя часть заполнения этого комплекса была срезана. Однако уровень нахождения его пола мало отличается от уровня пола помещений 1 и 2. Таким образом, рассматриваемые нами котлованы жилищ были углублены всего на 0,5–0,6 м. Учитывая это, более точным будет говорить о данных постройках не как о полуzemлянках, а как об углубленных в грунт сооружениях.

Все три разновременные постройки своими стенами были ориентированы не строго по сторонам света, а с отклонениями. Вероятно, такое расположение было обусловлено конфигурацией края террасы, на которой эти сооружения находились. В связи с этим следует учитывать, что степень углубленности котло-

ванов этих жилищ могла существенно уменьшаться к северу, а некоторые из построек просто могли быть врезаны в террасу южным своим краем.

Наиболее ранняя постройка — помещение 2 — имела в качестве отопительного сооружения глинобитную печь. Печи такого типа известны на славянских землях и территории Древней Руси. Изредка встречаются они в постройках пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, с. 25), широко представлены в роменско-боршевских древностях (Ляпушкин, 1958, с. 195–198). С X в. печи такого типа являются частой находкой в постройках Среднего Поднепровья и других древнерусских территорий (Максимов, Петрашенко, 1988, с. 8). Изредка встречаются глинобитные печи и на памятниках салтово-маяцкой культуры. Они известны на Дмитриевском археологическом комплексе (Плетнева, 1989, с. 35, рис. 12) и в среднем течении Северского Донца (Михеев, 1965, с. 7; Кравченко, 2020 а, с. 73–74). Здесь, в известных автору двух стратифицированных комплексах, все глинобитные печи находится в относительно ранних сооружениях (Кравченко, 2020 а, с. 73, рис. 133–134). Гораздо чаще на салтовских поселениях Северского Донца встречаются печи-каменки (Чернигова, 1998; Квитковский, 2013, с. 60–70; Апареева, Красильникова 2001, с. 297–301; Красильникова, 2001), которые на Сидоровском археологическом комплексе составляют до 40 % от общего количества отопительных сооружений (Кравченко, 2020 а, с. 80). Показательно, что на этом памятнике на восемь печей-каменок приходится две глинобитные печи. Наличие высокого процента печей-каменок и глинобитных печей, по нашему мнению, связано с влиянием славянского населения (Кравченко, 2020 а, с. 81).

Особый интерес вызывает помещение 1. Овальная конфигурация этой постройки, читаемая по столбовой конструкции, относительно небольшая глубина котлована, наличие открытого очага в центре сближает ее с «юртообразными»/круглоплановыми жилищами. Достаточно большой диаметр столбовых ям может объясняться рыхлым характером грунта. Куда более показательна малая их глубина (от 0,1 до 0,2 м), благодаря которой они более напоминают не ямы для мощных стационарных столбов, а «лунки» для столбиков-упоров. Конструкция помещения 1 отличается от большинства «юртообразных»/круглоплановых жилищ тем,

что его северная стена, направленная к склону террасы, опиралась на каркас из жердей. Вероятно, этой стороной постройка выходила на склон, как «полуназемные» жилища Дмитровского (Плетнева, 1989, с. 32–35) или «комбинированные» постройки Сидоровского комплексов. В частности, наличие столбов в углубленной части сооружения в сочетании с жердевой наземной конструкцией внешней стены, наблюдается в помещении 7 Сидоровского археологического комплекса (Кравченко, 2020 а, с. 71, рис. 116: 1; 118). При этом столбы помещения 7 имели достаточную глубину, а сама постройка была прямоугольной в плане (Кравченко, 2020 а, с. 70, рис. 41: 2).

Постройка данного типа не единственная на этом памятнике. В.К.Михеевым при раскопках на селище 2 было выявлено еще 4 юртообразные постройки (Михеев, 1985, с. 13). В.С.Флеров отнес юртообразные сооружения Маяков ко второй стадии их формирования (Флеров, 1996, с. 59).

Обратим внимание, что керамика, содержащаяся в заполнении всех салтовских построек на селище 3, представлена исключительно фрагментами гончарных сосудов. Фрагменты амфор, близких обнаруженной в помещении 6, встречены в очень небольшом количестве на Сидоровском комплексе вместе материалами IX — начала X в. Здесь они были представлены обломками сосудов с тестом, колеблющимся от светло-розового до беловато-желтого цвета. По характеру теста и толщине черепка они резко отличаются от обычных амфор крымско-таманского производства, составляющих большинство тарной керамики описанных выше памятников. Отсутствие лепной посуды и общий характер содержащихся в сооружениях материалов может свидетельствовать, что рассматриваемые нами постройки не относятся к ранним, а датируются достаточно поздним временем в рамках существования салтovo-маяцкой культуры (не ранее IX в.).

Постхазарский период и золотоордынское время

Верхняя часть культурного слоя селища 3 связана с функционированием на этом месте поселения с «древнерусской» керамикой. Культурные напластования этого периода, который, вероятно, укладывался в XI–XIV вв., встречены по всей площади рассматриваемого селища.

В *раскопе № 26* к этому времени относились 7 хозяйственных ям, из которых 2 ямы (1 и 4), судя по их форме, размерам и глубине, представляли котлованы построек полуzemляночного типа.

В *раскопе № 27* к этому периоду относились остатки трех помещений. Среди них «яма с ракушками», которую М.Л.Швецов определял как яму хазарского времени. Крупные размеры этого сооружения (3 x 2,5 м), более напоминающего котлован, четко отбитый уровень пола, на котором находилось скопление речных раковин, свидетельствуют в пользу того, что это хозяйственное помещение. Керамический материал, находящийся в заполнении этого комплекса, однозначно позволяет отнести его к постсалтовскому периоду.

К этому же времени относится и комплекс, выявленный в юго-восточной части раскопа. В записях М.Л.Швецова он упоминается как « пятно самана» (размеры участка комплекса, попавшего в пределы раскопа, — 3 x 2 м). Указанное пятно содержало «древнерусскую» керамику и, наиболее вероятно, представляло остатки наземного помещения с турлучной конструкцией стен.

В восточной части раскопа № 27 было обнаружено помещение 4, от которого сохранился юго-западный угол. К XI–XIV вв. в раскопе 27 относились хозяйственные ямы 1 и 2. Вероятно, ям было больше, однако они не все были прослежены в темном культурном слое указанного раскопа.

С этим же горизонтом связаны и выявленные в раскопе захоронения, на характеристике которых мы остановимся в соответствующем разделе работы.

В небольшом раскопе № 30 были выявлены две хозяйственные ямы и край котлована помещения, которые выделялись на фоне темного слоя светло-серым золистым заполнением.

Значительное количество сооружений было расчищено в раскопах № 28 и 29. Указанные комплексы неоднократно публиковались (Кравченко, 2000; 2009 а), потому ограничимся их общим перечислением.

В *раскопе № 28* исследован сложный комплекс жилых и хозяйственных сооружений указанного периода, в который входило 5 помещений, 6 хозяйственных ям и погребение. Некоторые комплексы имели стратиграфию: помещение 2 было прорезано хоз. ямами 1, 2 и 4; помещение 3 — перекрыто помещением 1

и юго-восточным углом помещения 4; помещение 5 — перекрыто северо-западным углом помещения 4. Сами постройки имели интересные конструктивные детали.

Помещение 1 — постройка (3,2 x 3,4 м), углубленная в грунт на 0,4 м, с открытым очагом в центральной части (Кравченко, 2000, с. 84, рис. 3: 1). На остатках очага скопление белой обмазки, на фрагментах которой присутствовали отпечатки прутьев и досок. Под обмазкой очага найдена блесна из белого металла.

Помещение 2. В заполнении котлована (4 x 4,4 м) присутствовало большое количество рыбьих костей, чешуи, фрагментов керамики и печины. Отопительное сооружение — открытый очаг (1,3 x 0,8 м) у западной стены, под обмазкой которого обнаружены компактно уложенные 4 рыболовецких крючка. Среди прочих находок в постройке — фрагмент бубенца, грузы от рыболовецких сетей, фрагменты «древнерусских» горшков, а также сероглиняного кувшинообразного сосуда с примесью песка в тесте, орнаментированного прочерченными линиями и кружочками, оттиснутыми при помощи штампа (рис. 86: 2). Сосуд прямо по черепку был покрыт зеленой поливой. Горлышко, вероятно, от этого же сосуда (рис. 86: 1), было обнаружено в материалах раскопок Г.Г.Афендика («траншея 7»), хранящихся в фондах Донецкого республиканского краеведческого музея.

Помещение 3 представляло котлован полуzemлянки (3,8 x 3,6 м) при глубине 1,05 м. Отапливалось печью, остатки которой, перекрытые развалом белой обмазки от стен, были прослежены в северо-западном углу (Кравченко, 2000, с. 84, рис. 3: 3).

Помещение 4 — самая поздняя постройка в раскопе. Углублена на 0,55–0,6 м. Судя по сохранившимся участкам, размеры сооружения составляли 7 x 6 м. Пол представлял углистую прослойку с большим количеством костей животных и фрагментов керамики. Среди находок на полу выявлена железная пилка для кости, фрагмент чугунного котла, фрагменты «древнерусской» керамики (Кравченко, 2000, рис. 10). Сооружение имело печь у северной стены и два тандыра. Печь, наиболее вероятно, представляла собой сооружение, близкое расчищенным на территории Центральной Украины (Беляева, Кубышев, 1995). Тандыры с обожженными площадками перед ними располагались в юго-восточном углу и у западной стенки котлована помещения.

Помещение 5 — котлован Г-образной формы (3,8 x 2,4 м), углубленный на 0,9 м. Отопительного сооружения не выявлено. В западной части находилась яма (d 1,4 м), углубленная в пол на 0,25 м. Котлован имел заполнение, содержащее большое количество костей животных, рыб и фрагментов керамики. Отмечено наличие фрагментов тех же сосудов, что и в помещении 2, что свидетельствует об одновременном существовании двух указанных комплексов (Кравченко, 2000, с. 80, рис. 2: 2).

В *раскопе № 29*, расположенном на западной окраине селища, были обнаружены котлованы 3 помещений и 5 погребений, относящихся к указанного периода. Этим же временем датируется скопление археологического материала в юго-западной части раскопа, которое могло быть свалкой мусора. Случаев стратиграфии между указанными комплексами нет.

Помещение 1 располагалось в 4-м от крутого склона к руслу Ложникова Яра. Представляло полуземлянку (4,8 x 4,2 м) глубиной 1,15 м, ориентированную стенами по сторонам света. Котлован перекрыт горелой прослойкой, утолщающейся в центральной части. Отопительное сооружение, глинобитная печь подковообразной формы (1,3 x 1,35 м) с обожженной овальной площадкой (1,1 x 1,2 м), находилось у восточной стены. Столбовых ям обнаружено не было.

Помещение 2 — полуземлянка (5 x 5 м), углубленная на 1,18 м, ориентированная стенами по сторонам света. Отопительное сооружение — глинобитная печь подковообразной формы (1,5 x 1,4 м) — располагалось в северо-восточном углу на небольшом расстоянии от стен. Перед входом в печь находилась обожженная площадка (0,6 x 1,9 м). К северо-западу от печи у стены котлована постройки были расчищены два скелета, один из которых принадлежал взрослому. Он лежал ничком на полу котлована с небольшим разворотом на правый бок и сильно согнутыми в коленных суставах ногами. Левая рука лежала под скелетом. Правая была вытянута вдоль корпуса. Часть костей погребенного была сдвинута. Под черепом лежали стопы еще одного погребенного. Он лежал вытянуто на спине вдоль северной стены котлована постройки (рис. 73). Судя по всему, каких-либо погребальных церемоний над умершими выполнено

не было. Скорее всего, полуразложившиеся трупы в заброшенной постройке стали пищей хищников.

Помещение 3 представляло собой двухкамерную полуземлянку. Пол котлована находился на уровне 1,2 м. Основная часть постройки имела прямоугольную форму (3,35 x 2,75 м). В центре ее находился открытый очаг овальной формы, размерами 1,1 x 1,2 м. К западной части постройки примыкала пристройка размером 2 x 1,5 м. На полу были обнаружены фрагменты сосуда, покрытого прозрачной желтой поливой с мелкими коричневыми пятнами, нанесенной прямо по черепку (рис. 86: 2). В постройке присутствовало два захоронения, которые имели отношение к могильнику, выявленному в данном раскопе.

В *раскопе № 30* были обнаружены 2 хозяйственные ямы и угол помещения.

Таким образом, комплексы эпохи Развитого Средневековья присутствуют во всех раскопах селища 3. Часть построек имеет стратиграфию, что свидетельствует о продолжительном существовании памятника на этом месте и интенсивном его функционировании.

После прекращения существования указанного поселения, которое совпало по времени с гибеллю Царинского археологического комплекса, на территории было произведено несколько захоронений, два из которых были обнаружены в 1991 г. (рис. 75: 7–8). Их датировка, судя по вещевому материалу (рис. 76: 1–2) и монете (рис. 76: 3), укладывается в рамки конца XVIII – начала XIX в.

ГЛАВА 3

НЕКРОПОЛИ ЦАРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Захоронения на территории Царинского археологического комплекса раскапывались всеми исследователями, которые занимались изучением этого памятника. Общая схема расположения его могильников, их количество и датировка впервые были предложены В.К.Михеевым (Михеев, 1985, с. 16–18; Михеев, Копыл, 1989, с. 50–53). В своей книге он указывал на наличие в составе археологического комплекса четырех некрополей (Михеев, 1985, с. 16–18, рис. 2: 3): *могильник 1* (середина VIII – начало IX в.), вне территории городища и селищ на прибрежном склоне с правой стороны Ложникова Яра; *могильник 2* (первая треть IX в.) – в южной части селища 2; *могильник 3* (IX в.) – в юго-западной части селища 2; *могильник 4* (XIV в.) – на южной окраине селища 2 (рис. 22: 1). Эта схема, претерпев корректировку и дополнения, дожила до настоящего времени.

Кроме этого, В.К.Михеев обращал внимание на присутствие на территории памятника единичных захоронений и групп могил, не образующих отдельных некрополей. По его мнению, захоронения этого типа являются погребениями жертв разгрома городища, который произошел в конце IX в. (Михеев, 1985, с. 18). К ним он относил группу из девяти захоронений, расчищенную в южной части селища 2, характеристики которых мы коснемся ниже. Еще одна группа из четырех погребений была выявлена в раскопе 3 (Михеев, 1963, с. 6–7). Эти захоронения имели свободную ориентировку и небольшую глубину залегания (0,2–0,4 м). Следы могильных ям у них отсутствовали (Михеев, 1985, с. 18). К их числу можно отнести еще ряд могил, которые были встречены в разные годы на территории памятника. Такие захоронения были расчищены как на тер-

ритории памятника, где встречаются только слои хазарского времени, так и на тех частях археологического комплекса, которые в хазарское время заселены не были. Обычно указанные захоронения, которые залегали в верхнем слое, доходят в полностью разрушенном виде. Такие захоронения неоднократно находили на склонах с холма городища и на пролегающих через территорию памятника дорогах. Крайне редко (обычно на тех частях памятника, которые никогда не распахивались) они встречаются непотревоженными. К ним следует отнести погребения, выявленные в 1988 г. на территории селища 3 и в 1989 г. в раскопе № 25.

Комплекс 1988 г. был обнаружен в обрезе правого берега Ложникова Яра, в 10 м ниже дороги, идущей в сторону села Маяки. Обвал берега прорезанной яром террасы обнажил череп погребенного и кости конечностей. Зачисткой была зафиксирована яма, которая прослеживалась под слоем намыва, с уровня 1,60 м от современной поверхности по заполнению (гумус с горелыми угольками, плавно переходящий в сплошной слой углей). На слое углей лежал скелет ребенка. Погребенный был уложен на правый бок, головой на восток – северо-восток; ноги вывернуты, подогнуты в коленях, руки слегка вытянуты и согнуты в локтях. Стенки ямы были обложены большими кусками груболепного пифоса, часть которых обрушилась. Судя по остаткам, указанный комплекс представлял собой отопительное тандырообразное сооружение, сделанное в стоящем груболепном пифосе с выбитым дном. Такие сооружения известны на Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, 2020 а, с. 77, рис. 154: 4; 159) и на поселениях СМК (Красильников, 1986). Следы огня на костях погребенного отсутствовали. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с погребением ребенка в отопительном сооружении, возможно, связанное с каким-либо военным разгромом (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1988, с. 3–4).

В 1989 г. при раскопках на территории селища 1 в верхнем слое раскопа № 25 (глубина 0,43 м от современной поверхности) было зафиксировано погребение (рис. 57: 1). Скелет находился в верхней части заполнения помещения 3, которое относилось к раннему этапу функционирования селища (возможно, к кон-

цу XIII – началу XIV в.). Он был уложен вытянуто на спине, головой на запад, лицевая часть черепа развернута к югу. Руки вытянуты, кисти сложены в центре таза. Ноги вытянуты и сильно сведены в коленях и стопах. У берцовой кости левой ноги, вплотную к ней, находился наконечник стрелы с овальным в поперечном сечении пером (5 x 3 см) и сломанным черешком (рис. 57: 2). Указанное захоронение, по мнению М.Л.Швецова, было произведено по христианскому обряду (Швецов, 2012, с. 288). По нашему мнению, факт, что погребенный, судя по положению костей скелета, был спеленан, а лицевая часть его черепа развернута в южную сторону, свидетельствует в пользу того, что покойник был погребен с соблюдением мусульманских канонов. Однако захоронение, пусть и по обряду, но вне некрополя и на очень малой глубине²⁸ свидетельствует в пользу того, что оно производилось в экстремальных условиях. Близкие по характеру захоронения были выявлены на соседнем Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, 2020, с. 60–63).

За прошедшее со времени исследований В.К.Михеева время был накоплен значительный объем данных, позволяющих уточнить и конкретизировать наши сведения о некрополях археологического комплекса.

3.1. Могильники хазарского времени

Могильник 1. Информация об этом некрополе содержится в книге В.К.Михеева с указанием, что сведения были предоставлены ему С.И.Татариновым. Согласно сообщению В.К.Михеева: «На могильнике вскрыто 6 захоронений... Кости лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. ...Возле каждого черепа (могилы 1, 3 и 4) стояли кухонные горшки. В погр. 3 найдено пряслице из стенки амфоры, в погр. 4 — обломок железного ножа в деревянных ножнах, в погр. 5 золотая серьга, в погр. 6 — слабоизогнутая раннесредневековая сабля». Чертежи

²⁸ Учитывая факт, что ямы в раскопе 25 были впущены с уровня 0,4 м, можно с уверенностью говорить, что погребенный был либо захоронен в очень неглубокой яме, либо просто присыпан землей.

захоронений № 1–4 были приведены в книге В.К.Михеева (Михеев, 1985, с. 16, рис. 16, 1–4). Более полные данные об указанных захоронениях приведены в отчете С.И.Татаринова (Татаринов, Копыл, Колесник, Дегерменджи, 1976, с. 55–57)²⁹.

В популярной работе С.И.Татаринов пишет об открытых им в 1976 г. погребениях с кухонными горшками, добавляя, что: «Тогда же А.И.Привалов и В.Ф.Клименко нашли рядом погребение с остатками сабли и золотой подвеской» (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 7). Найдки из захоронения с «золотой подвеской» были переданы А.И.Приваловым в ДОКМ. Происходящие из этого комплекса горшок, кувшин и две составные медные серьги, обтянутые золотой фольгой (рис. 81: 3), были опубликованы в краеведческом сборнике (Гриб, Швецов, 2017 а, с. 33–35). В неопубликованных материалах А.И.Привалова имеются рисунки указанных вещей, где кроме них присутствуют еще две стеклянные вставки-привески от серег (рис. 77: 9) и два разных варианта чертежей указанного комплекса (рис. 77: 10). Судя по ним, в погребении еще содержались зеркало, череп и конечности животного. Наличие двух разных чертежей может объясняться тем, что исследователем делалась попытка реконструкции полностью разрушенного погребения. Вероятно, обломок сабли, которая не является обычной находкой для захоронений

²⁹ Погребение 1 (рис. 77: 7) открыто на глубине 1,2 м. Яма не прослежена из-за однородного гумусно-золистого заполнения культурного слоя. «Костяк в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗЗ, руки вдоль туловища. За черепом стоял раздавленный кухонный кружальный горшок» (рис. 77: 8).

Погребение 2 (рис. 77: 3) находилось на расстоянии 3 м от погребения 1 на глубине 1 м от современной поверхности. В заполнении присутствовала салтовская керамика и обломок тигля. Скелет ребенка лежал в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль корпуса, кисти на тазовых костях.

Погребение 3 (рис. 77: 4) на расстоянии 5,5 м к северо-западу от погребения 2. Скелет лежал на спине, головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях и распались ромбом. Правая рука согнута в локте. Кисть на груди. Левая вытянута вдоль туловища. Возле кисти левой руки обнаружено пряслище, изготовленное из стенки лепного горшка (рис. 77: 6). Здесь же лежала группа фрагментов от лепного сосуда. Справа от костей черепа лежали фрагменты гончарного горшка, украшенного линейно-волнистым орнаментом по корпусу (рис. 77: 5).

Погребение 4 (рис. 77: 1) находилось на расстоянии 3,5 м к северо-западу от погребения 2 на глубине 1,2 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Лицевые кости черепа развернуты в северную сторону. Кости левой руки слегка согнуты в локте. Кисть — на костях таза. Правая рука вытянута вдоль корпуса, кости кисти — у правого крыла таза. У головы погребенного стоял грубо лепной горшок, орнаментированный вертикальными полосами (рис. 77: 2). Внутри горшка находился железный нож с брусковидным перекрестием.

«зливкинского» типа, происходил из такого же разрушенного захоронения. При этом не следует исключать вариант, что он мог не иметь отношения к погребальным комплексам и быть связанным со слоем селища. Последний вариант нам представляется наиболее вероятным.

Место расположения могильника 1 локализуют в пределах площади селища 3 (Михеев, 1985, рис. 2: 3) (рис. 22: 1). Согласно С.И.Татаринову, «*могильник... простирается вдоль крутого склона на террасе правого берега реки Донец от Ложникова Яра на 200–300 м к югу*» (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 7). Раскопки, производимые на различных участках селища автором и М.Л.Швецовыми (рис. 19), показали, что данная часть памятника во все периоды его истории была густо заселена (Кравченко, 2022 в, с. 227–231). При исследованиях здесь были изучены жилые и хозяйствственные комплексы эпохи меди-бронзы и различных периодов эпохи средневековья. Были и захоронения, большинство которых к хазарскому времени не имело отношения.

Могильник 2 (рис. 22: 1). Вопрос о его наличии был поднят В.К.Михеевым в связи с выявлением в пределах «Большого» раскопа трех ям (№ 34, 39, 53), которые первоначально были им определены как хозяйствственные объекты (Михеев, 1965, с. 15–16). В дальнейшем В.К.Михеев выделил их в отдельный могильник 2, для которого «*характерны обряд трупосожжения и наличие комплексов отдельно сложенных вещей в тайниках*» (Михеев, 1985, с. 16–17). В 1989 г. на участке, смежном с раскопами В.К.Михеева, М.Л.Швецов нашел еще три подобных комплекса, определив их как «*кремации*» (трупосожжения № 1–3) (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 133–137, рис. 13–15).

В правильности интерпретации указанных комплексов как кремационных захоронений усомнился уже В.С.Аксенов, сравнивая ямы «*Большого раскопа*» с трупосожжениями известных лесостепных некрополей (Аксенов, 2003). В 2021 г. вышла статья автора данной работы, посвященная анализу материалов как «*некрополя 2*» Маяков, так и иных подобных объектов, которые группа авторов пыталась выделить в пределах степной зоны (Голубев, 2018, с. 367–402). Нанесение комплекс-

сов могильника 2 на карту местности показало, что все ямы, определяемые В.К.Михеевым и М.Л.Швецовым как трупосожжения, были разбросаны на большом расстоянии друг от друга между территорией некрополей хазарского времени и жилой частью памятника. Часть их (ямы № 34, 39 и 53) локализуется в пределах жилой части селища 2. Отсутствие в ямах четко различимых остатков кальцинированных костей, отсутствие следов воздействия погребального костра на содержащихся в них вещах, сам характер этих вещей показывают, что определять указанные комплексы как «кремации» нет оснований (Кравченко, 2022 б). Соответственно, могильника с «захоронениями по обряду кремации» на территории археологического комплекса у села Маяки не существовало.

Могильник 3 расположен в южной части археологического комплекса на краю изрезанной оврагами террасы левого берега отрога Ложникова Яра, ограждающего территорию памятника с южной стороны (рис. 22: 1). Указанный некрополь является одним из наиболее изученных могильников памятника. Даные исследований отдельных его участков неоднократно публиковались (Михеев, 1985, с. 18; Михеев, Копыл, 1989; Копыл, Татаринов, 1990; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 125–133). При этом нумерация погребений в разных раскопах велась авторами отдельно, а при обработке материалов каждый из них, анализируя вскрытую им группу захоронений, распространял сделанные выводы на весь могильник. Благодаря этому с некрополем 3 связано множество вопросов, без рассмотрения которых данный объект остается непонятным.

Исследование на территории, которую В.К.Михеев относил к некрополю 3 (Михеев, 1985, рис. 2: 3), велось на двух участках («А» и «Б»), расстояние между которыми превышает 300 м (рис. 10; 79). Благодаря этому могильник участка «Б» можно рассматривать и как западный участок некрополя 3, и как отдельный некрополь. В.К.Михеев считал, что оба участка являлись частями единого могильника (Михеев, 1985, рис. 2: 3; Михеев, Копыл, 1989, с. 52–53). А.Г.Копыл и С.И.Татаринов относились к этим участкам как к отдельным кладбищам (Копыл, Татаринов, 1990, с. 53). Автор данной работы склонен рассматривать оба участка могильника 3 как части единого некропо-

ля, который являлся основным кладбищем Царина городища хазарского времени.

Участок «А» (рис. 3; 16). Здесь в 1936 г. в «траншее 1» (S ок. 24 кв. м) Г.Г.Афендики было обнаружено 5 захоронений (рис. 22: 2–4). Впоследствии В.К.Михеев здесь разбил раскоп № 20 (S 97,5 кв. м), прилегавший к восточной части «траншеи 1», в котором было выявлено 7 погребений (рис. 80: 1) (Михеев, 1968, с. 21–24). В 20 м к востоку, на мысу, образованном двумя небольшими оврагами, им же был заложен раскоп 9 (S 87 кв. м), в котором расчищено 24 погребения (Михеев, 1964, с. 20–22; 1965, с. 23–25; 1966, с. 18–20). В целом на участке «А» было вскрыто 36 погребений. По обряду к ним тяготеют 3 захоронения (погр. I–III), обнаруженные в восточной части «Большого» раскопа. Из них *погребение I* дошло в полностью разрушенном виде. Яма *погребения II* прослежена не была (Михеев, 1966, с. 8). *Погребение III* своему обряду не отличается от скорченных захоронений, выявленных на участке «А». Оно было выявлено в 5 м к югу от погребения II. Скелет залегал на уровне 0,5 м. Яма прослежена не была. Погребенный лежал головой на северо-запад, на правом боку, в скорченном положении. Руки были согнуты так, что кисти их находились у подбородочно-го выступа. Инвентаря при погребенном не было (Михеев, 1966, с. 8).

Следует сказать, что между раскопом 20 и территорией, где были обнаружены описанные захоронения, расстояние составляет не менее 150 м (рис. 89). На этой площади находились траншеи 2 1936 г. (S 50 кв. м) (рис. 23–24), раскоп 14 (S 44 кв. м) (Михеев, 1965, с. 21–22) и раскоп 19 (S 370 кв. м) (Михеев, 1968, с. 19–21), в которых не было захоронений. Они, как и территория «Большого раскопа», были заняты комплексами жилой части памятника. Возможно, что к югу от этих раскопов между раскопом 20 и западной частью «Большого раскопа», где были выявлены крайние западные захоронения этой части могильника, существовал участок террасы, на котором продолжался некрополь. Указанный участок мог быть уничтожен в процессе функционирования Ложникова Яра.

В связи с особенностями грунта на участке (толстый слой чернозема с меловой крошкой) и небольшой глубиной залега-

ния большинства захоронений (0,55–1,2 м), контуры могильных ям проследить не удалось. Они были зафиксированы только в погребениях 21 и 22 (глубина 1,3 и 1,25 м). В обоих случаях это были ямы простой формы. Сохранность выявленных захоронений также не всегда была хорошей. От восьми из них сохранились только разрозненные части скелета.

Как далеко могильник продолжался к востоку, неясно. К северу от раскопа № 20 он заканчивался. В 2008 г. автором здесь был заложен раскоп № 31 (S 76 кв. м), который южной стороной прилегал к раскопу № 20 (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 4–8) (рис. 34). Захоронений в его пределах выявлено не было. Вероятно, погребения были вытянуты вдоль края террасы, близ склона в русло Ложникова Яра. В южной части раскопа 31 расчищено скопление фрагментов крупных серогощенных сосудов (рис. 17; 53). Такое же скопление зафиксировано и в раскопе 4«М»/34, расположенному на участке «Б», к северу от могильника. Можно предположить, что указанные скопления состояли из обломков посуды, которая использовалась в обряде погребения.

Участок «Б» (рис. 15: 2–3) прилегал к западному краю «Большого раскопа», где было выявлено 4 погребения (погр. IV–VII), вероятно, являвшихся крайними восточными могилами расположенных здесь некрополей (Михеев, 1966, с. 17–18, табл. XVIII, 4, XIX, 1–2; 1968, с. 12, табл. XVIII, 1, 13).

Погребение IV было произведено в яме прямоугольной формы размерами 1,9 x 0,7 м при глубине 1,2 м. Погребенный лежал на спине головой на северо-запад. Левая рука согнута так, что кисть находится у подбородка. Правая согнута в локте и поконится в области груди³⁰. Инвентарь отсутствовал (Михеев, 1966, с. 17, табл. XVIII, 4) (рис. 80: 6).

Погребение V частично перекрывает яму 53 хазарского времени. Погребальная яма имеет прямоугольную форму размерами 1,8 x 0,4 м при глубине 0,9 м. Она была ориентирована длинной своей осью север – северо-запад. На стенках ямы имелись следы дерева. Погребенный лежал на спине со скрещенными на животе руками. Череп развернут лицевой частью в северную сторону. Инвентарь отсутствовал (Михеев, 1966, с. 17, табл. XIX, 1).

³⁰ В тексте отчета написано, что в области живота.

Погребение VI произведено в яме прямоугольной формы 1,6 x 0,8 м при глубине 1,1 м, ориентированной запад-восток с отклонением к северу. В восточной стороне ямы сохранились часть позвоночника, кости таза и ног погребенного. Судя по положению костей таза, характерному легкому изгибу левой ноги в коленном суставе и положению правой ноги, скелет изначально имел слабый полуразворот на левый бок. Инвентарь отсутствовал (Михеев, 1966, с. 18, табл. XIX, 2).

Погребение VII выявлено на уровне 0,6 м. Яма не прослежена. «*Погребена женщина на правом боку в скорченном положении головой на запад*». Кости ног сильно согнуты в коленных суставах. Стопы находятся у костей таза. На костях левой руки покойницы находился бронзовый кованый браслет (Михеев, 1968, с. 12, табл. XVIII, 1, 13).

Стратиграфическая ситуация в пределах основной части участка была следующая. До уровня 0,3 м находился слой дерна, под которым вплоть до уровня 0,9–1 м шел темный суглинок, плавно переходящий в материковую глину. В слой суглинка были впущены нижние части большинства могил, благодаря чему их контуры не читались.

Значительная часть этого участка (550 кв. м) была раскопана Артемовской археологической экспедицией (Копыл, Драголюбов, Татаринов, 1977; Копыл, Шамрай, Татаринов, 1978; Копыл, Татаринов, 1979; 1990). В 1976 г. была вскрыта площадка, прилегающая к западной части «Большого раскопа» (S 253 кв. м). Исследования носили аварийный характер. К моменту их проведения на площадке был срезан слой грунта на глубину 0,7 м. Здесь было изучено 27 погребений. Большинство их находилось в «узких щелевидных ямах», которые являлись нижними частями могил, впущенных в слой материковой глины (Копыл, Татаринов, 1990, с. 53). В 1978 г., к западу от указанного, был исследован еще один участок площадью 280 кв. м, на котором вскрыто 35 погребений (рис. 15: 1). Большинство этих могил имело меньшую глубину и отличалось от расчищенных в 1976 г. по обряду. Тем не менее все выявленные захоронения были представлены авторами раскопок как единый могильник.

Исследования на участке «Б» были завершены М.Л.Швецовым и автором данной статьи в 1988–1989 гг. (Швецов, Кравченко,

1988; 1989). В процессе раскопок было вскрыто 64 погребения (рис. 15: 4; 26). Установлено, что здесь присутствуют два некрополя, один из которых (могильник 4) относился к золотоордынскому времени (Швецов, Кравченко, 1995; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 225). Основная часть погребений салтовского некрополя отличалась от более поздних по обряду, общему состоянию костных остатков, форме и глубине могил, которые были представлены неглубокими ямами простой формы.

Таким образом, в пределах участка «Б» было расчищено не менее 130 захоронений, из которых больше половины (67 погребений) относились к некрополю хазарского времени. Определить точное количество захоронений этого периода затруднительно в связи с сильной поврежденностью многих могил и фактом наличия на одном участке двух безынвентарных некрополей. Так, неясно, к какому могильнику относились кенотафы (погр. № 30 и 31), представлявшие ямы простой формы без захоронений и каких-либо находок в заполнении или на дне их. Планиграфически они тяготели к некрополю салтово-маяцкой культуры.

В целом, ситуация на участке «Б», относительно хорошо прослеживается благодаря наличию в публикациях С.И.Татаринова А.Г.Копыла и М.Л.Швецова чертежей большей части погребений. Хуже обстоит вопрос с захоронениями участка «А». Материалы экспедиции Г.Г.Афендика не публиковались (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014). Не были опубликованы и материалы работ В.К.Михеева на могильнике. Сведения о раскопках на некрополе присутствуют в его отчетах. Они представляют интерес уже в связи с тем, что в пределах участка «А» было расчищено более трети захоронений могильника хазарского времени.

Учитывая то, что в работах В.К.Михеева были приведены лишь самые общие сведения о нем, представляется целесообразным привести данные из отчетов Г.Г.Афендика и В.К.Михеева.

Согласно данным отчетов В.К.Михеева, все погребенные были ориентированы головой в западный сектор. Из них 10 захоронений (№ 5/1936, 9–11, 18, 20–22, 24, 27) лежали строго на запад; 11 погребений (№ 13–17, 23, 25–26, 28–29) имели северо-западную, а 6 погребений (№ 1–4/1936, 12, 30) — юго-

западную ориентировку. Основная часть погребенных лежала вытянуто на спине. Скорчено на правом боку было уложено погр. № 13 (рис. 80: 7). Погребенные в погр. № 15 (рис. 79: 2) и 19 (рис. 79: 5) лежали на спине с подогнутыми в коленях ногами.

В связи с плохой сохранностью костных останков говорить о том, преднамеренно был повернут череп погребенного в определенную сторону или его смещение произошло в процессе разрушения скелета, можно с определенной степенью условности. Тем не менее у 8 погребений (№ 3/1936, 9, 11–12, 16, 20–21, 30) череп был развернут лицевой частью вверх. У 10 (№ 1–2/1936, 10, 14, 25–27, 29, 31) имелся разворот черепа лицевой частью к югу. У 5 (№ 15, 17, 18/2, 23–24) череп был повернут лицевой частью к северу. У погребений № 18/1 и 28 наблюдался поворот лицевой части черепа вниз.

Интерес представляет положение конечностей погребенных. Кости ног в некоторых захоронениях (№ 14, 28) (рис. 79: 1; 80: 4) лежат близко друг к другу, и создается впечатление, что похойники подвергались связыванию или пеленанию. Положение рук нестабильно. В большинстве случаев они вытянуты вдоль корпуса (№ 1–4/1936, 25, 29, 30, 31, 10, 18, 20, 21, 22). Тем не менее достаточно часто руки слегка согнуты в локтях, а кости кистей лежат на костях таза или чуть выше, в нижней части живота (№ 27, 28, 23) (рис. 80: 3).

Встречаются и иные положения рук. Так, в погр. № 17 руки были согнуты в локтях под острым углом и расставлены в стороны (рис. 79: 3). Соединенные в коленных суставах ноги, возможно, были скрещены (Михеев, 1965, с. 24, Табл. XXXIX, 3). Череп развернут лицевой частью вправо.

Нестандартно положение рук и в погр. № 24. Скелет был уложен головой на запад, на спине со слабым разворотом на левый бок. Череп развернут лицевой частью к северу. Левая рука вытянута вдоль корпуса. Согнутая в локте правая рука лежала на левом крыле таза.

Ряд захоронений выделялся из общего числа. Погр. № 18 было парным. Оба скелета лежали рядом, головой на запад. В тексте указано, что оба погребенных лежали на спине (Михеев,

1965, с. 25). Однако на фото (Михеев, 1965, табл. XXXIX, 4) видно, что вытянут на спине был только погребенный № 18/2. Погребенный № 18/1 лежал на животе, лицом вниз (рис. 79: 4).

Нестандартную позу имело погр. № 19. Скелет был уложен на спине со слегка согнутыми, вытянутыми вдоль корпуса руками (Михеев, 1966, с. 19) и сильно согнутыми в коленях и заваленными влево ногами (рис. 79: 5) (Михеев, 1966, табл. XIX, 3).

Интерес представляет погр. II, выявленное в «Большом раскопе». Оно было произведено на глубине 0,6 м от современной поверхности. От скелета сохранились череп и две берцовые кости, одна из которых находилась возле черепа. «*К юго-западу и северо-востоку от черепа на расстоянии 0,25–0,3 м находились две линзы из слабо обожженной глины толщиной 5–8 см*» (Михеев, 1966, с. 8). Над костями, на уровне 0,4 м, лежал верхний камень жернова с углублением для ручки (рис. 80: 5).

Указанные материалы существенно дополняют банк сведений и позволяют проанализировать общие данные по рассматриваемому нами некрополю. Для анализа взяты погребения, исследованные в разные годы. В их число входят: захоронения, расчищенные Г.Г.Афендиком и В.К.Михеевым на участке «А», и в западной части «Большого раскопа» (39 погр.) (Михеев, 1966, с. 17, табл. XVIII, 4; 1968, с. 12, табл. XVIII, 1, 13); захоронения, исследованные А.Г.Копылом и С.И.Татариновым на участке «Б» (45 погр.), кроме погребений т. н. 3 типа, которые относились к золотоордынскому могильнику (Копыл, Татаринов, 1990, с. 54–56, табл. 2–4); два захоронения (№ IV и VII), выявленные в восточной части «Большого» раскопа В.К.Михеева (Михеев, 1966, с. 17; 1968, с. 12); 10 захоронений раскопа 2«М»/23, (кроме погр. № 5 и 6, которые, вероятно, относятся к некрополю золотоордынского времени); два захоронения «Останца 1» и 8 погребений раскопа 1«М»/22 (№ 1, 9, 27, 39, 44, 47, 49–50). Общее количество ранних комплексов составляет 106, из которых в связи с плохой сохранностью костных остатков производилось определение 92 захоронений.

Все описанные погребения были ориентированы головой в западный сектор (42 % строго на запад, 34 % имеют отклонение к югу и 24 % отклонены к северу). По положению скелета

выделяется несколько групп: 1 — вытянутые на спине; 2 — скорченные; 3 — парные; 4 — отдельные захоронения черепов. Каждая из групп имеет разновидности.

Группа 1. Вытянутые на спине захоронения (67 погр.) составляют 72,8 % изученных погребений некрополя. Различия наблюдались в положении черепа, рук и ног погребенных.

Положение черепа. У 26,5 % погребений этой группы четко определить его было затруднительно. Из остальных лицом вверх было уложено 32,5 % погребенных; в южную сторону череп был развернут у 21,8 %, а в северную — у 16,8 %. Лицом вниз было уложено 2,4 % погребенных.

Положение рук не определялось у 21,5 % погребений указанной группы. У остальных в 59 % случаев руки были вытянуты вдоль корпуса или сложены на костях таза. Не менее 9,7 % погребений имело руки, сложенные в средней части корпуса, либо одну руку, вытянутую вдоль корпуса, а вторую — согнутую в локтевом суставе и уложенную на верхнюю часть живота. Иногда руки были скрещены на животе (погр. № 23, 24, 27, 28 раскопа 20). У 9,8 % погребенных руки находились в верхней части корпуса. Как правило, кисти их располагались на груди, в районе ключиц или у подбородка. В погр. IV «Большого» раскопа левая рука была согнута так, что кисть находилась у подбородка; согнутая в локте правая рука покоялась в области груди (рис. 80: 6). В погр. № 26 раскопа 20 кисть правой руки находилась в области живота, в то время как кисть сильно согнутой в локте левой руки лежала у подбородка (рис. 80: 2).

Кости ног в большинстве захоронений лежат вытянуто, голени расположены параллельно друг другу (48 %). В 20 % захоронений кости голеней лежат столь близко, и создается впечатление, что покойники или нижняя часть их корпуса подвергались пеленанию. В отдельных случаях (5 %) голени были перекрещены. У некоторых погребенных одна или обе ноги были согнуты в коленном суставе (5 %). Неопределенных по причине сохранности осталось 22 % погребений.

Группа 2. Скорченные захоронения. Вторая по численности группа погребений могильника, составляющая 20,7 % от общего числа изученных. Всего было расчищено 19 таких погребений.

Из них 11 лежало скорчено на правом, а 5 — на левом боку. На спине с подогнутыми в коленях ногами лежало 3 погребенных.

Группа 3. Парные захоронения. Выявлено 4 погребения, что составляло 4,3 % от общего количества. Два из них (погр. № 24, раскопанное С.И.Татариновым, и погр. № 8 раскопа 2«М»/23) представляют захоронения взрослого и ребенка. Погр. № 24 было определено С.И.Татариновым как «семейное», состоящее из трех погребенных — мужчины, ребенка и скорченной рядом с ними женщины. Яма захоронения прослежена не была. Учитывая расположение указанных погребений относительно друг друга (женский скелет лежал на некотором расстоянии от мужчины с ребенком), мы считаем, что он представлял отдельное погребение. Среди прочих захоронений указанной группы — погр. № 59, раскопанное С.И.Татариновым, которое содержало скелеты двух взрослых и ребенка, а погр. № 18 раскопа 9 — два скелета взрослых.

Группа 4. Захоронение частей человеческого скелета. Представлены двумя захоронениями человеческих черепов (2,2 % от общего количества погребений). В связи с тем, что ямы зафиксированы не были, однозначно определить, реально ли погр. № 5 и 7 раскопа 9 представляют захоронения частей человеческого скелета или являются остатками от разрушенных погребений, как, например, в Красногоровском могильнике (Михеев, 1990, с. 48), нет возможности.

Завершив описание основных групп захоронений, необходимо остановиться на том, как характеризовали погребальный обряд могильника 3 его исследователи. Согласно В.К.Михееву «Захоронения совершились на глубине 60–130 см. Контуры могильных ям не прослеживаются... Погребенные ориентированы головой на запад, иногда с отклонениями... Они уложены на спине, руки скрещены на животе или левая согнута в локте так, что кисть находится у подбородка. Как правило, захоронения одиночные. Инвентарь беден. Целые сосуды отсутствуют. В редких случаях их заменяют обломки, сложенные возле черепа. Единичными являются находки салтовских серёжек, подвесок, браслетов и оберегов» (Михеев, 1985, с. 17–18). В более поздней работе В.К.Михеев указывал, что погребальный обряд некрополя содержит 3 группы

захоронений: «1 — по классическому зливкинскому обряду с очень бедным инвентарем, 2 — по раннемусульманскому погребальному обряду...; 3 — погребения жертв военного разгрома городища». Некрополи указанного типа были им отнесены к населению «больших земледельческо-ремесленных центров и их округи, где погребальный обряд подвергался унификации под влиянием мировых религий» (Михеев, Копыл, 1989, с. 52–53).

С.И.Татаринов и А.Г.Копыл выделяли среди обнаруженных ими захоронений четыре типа, два из которых (типы 1 и 2) были определены как «безынвентарные погребения хазарского времени» (Копыл, Шамрай, Татаринов, 1977, с. 346; Копыл, Драголюбов, Татаринов, 1979, с. 310). Остальные представлены мусульманскими захоронениями (тип 3) и жертвами разгрома городища (тип 4).

М.Л.Швецов разделил захоронения могильника на 6 типов, входивших в две хронологические группы (раннюю и позднюю). Для интересующей нас ранней (1) группы (IX–X вв.) «характерны простые конструкции могильных ям, небольшая глубина погребений, иногда “скорченное” положение умершего, наличие редких находок... что сближает данные захоронения по обряду со “зливкинской” группой могильников». В отличие от «зливкинской» группы, относящейся к «сельскому населению Подонцовья», погребения Маяков характеризуются отсутствием «керамических сосудов и напутственной пищи». По мнению М.Л.Швецова, «данный элемент обряда постепенно исчезает или переосмысливается жителями городских поселений» (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 135–136).

О датировке мусульманского некрополя 4 Царина городища золотоордынским временем неоднократно писалось ранее. Отдельная статья была посвящена и вопросу наличия или отсутствия на участке «Б» захоронений, произведенных по обряду кремации (могильник 2 у В.К.Михеева) (Кравченко, 2022б). Рассмотрим вопрос о возможности нахождения на участке «Б» отдельного могильника, связанного с «жертвами разгрома городища» в IX в.

Согласно В.К.Михееву, в нем содержалось 9 погребений (Михеев, 1985, с. 18). Авторы раскопок, на которых он ссылался, относили к данному некрополю уже 15 захоронений,

выделенных ими в отдельный тип, в который входили скелеты «*в произвольных позах*» и «*коллективные погребения*» (Копыл, Татаринов, 1990, с. 55–56, рис. 3, табл. 4–5). Рассмотрение перечисленных авторами комплексов показывает, что все эти захоронения были представлены погребениями описанных нами выше групп, которые если чем и отличались от основной массы, то меньшей глубиной залегания и, соответственно, худшей сохранностью костных останков. Кроме этого, они находились посреди некрополя и были окружены со всех сторон другими могилами. Относить парные погребения исключительно к результатам военного разгрома нет оснований. Они встречаются на ямных могильниках хазарского и более позднего времени и не представляют для них чего-то необычного (см.: Винников, Сарапулкин, 2008, с. 25; Красильников, 1991, с. 66–67, рис. 3: 3; Артамонова, 1963, с. 30, 31, 33, 42–50; Прокофьев, 2009, с. 109). Кроме этого, парные захоронения присутствуют на обеих участках некрополя 3, т. е. они имеются как в пределах, так и за пределами предполагаемого места захоронения «жертв разгрома». Таким образом, говорить о наличии на некрополе 3 отдельного кладбища, связанного с «жертвами разгрома городища», вряд ли возможно. Что не исключает наличия захоронений этого типа на жилой части памятника. Группа их были исследована в раскопе III В.К.Михеева. Присутствуют они и на иных участках археологического комплекса (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 3–4; Кравченко, 2020а, с. 144).

Выше говорилось, что все исследователи некрополя 3 Царина городища указывали на сходство его захоронений с погребениями могильников «зливкинского» типа. В самом деле, захоронения группы 1 находят многочисленные параллели на «зливкинских» могильниках. Это касается погребений с руками, расположенными в нижней части корпуса или на тазовых костях погребенного. Характерным является и положение ног, иногда перекрещенных в голенях (Красильников, 1990, с. 33). В отдельных захоронениях некрополя 3 присутствуют древесные угольки, что свидетельствует об использовании в погребальном обряде огненного ритуала. Имеются на некрополях «зливкинского» типа и отдельные захоронения человеческих черепов. Ближайшие такие комплексы были расчищены на

могильнике у озера Волоковое, на противоположной стороне Северского Донца (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 218).

На этом описанное выше сходство с некрополями «зливкинского» типа заканчивается. Куда больше отличий, основным из которых является полное отсутствие в захоронениях могильника 3 керамических сосудов и костей животных от «напутственной пищи», являющихся наиболее многочисленной категорией находок на «зливкинских» некрополях. По мнению В.К.Михеева, роль посуды изредка выполняли обломки керамических сосудов, помещенные у черепа погребенных (Михеев, 1985, с. 18). Тексты отчетов свидетельствуют, что указанные фрагменты керамики и кости животных, как правило, залегали в заполнении могил либо выше, либо ниже их дна. В связи с этим нам представляется, что они попали туда вместе с грунтом, которым данные могилы были засыпаны. Учитывая же присутствие на территории участка «А» хорошо насыщенного материалом культурного слоя (Михеев, 1964, с. 21), а на участке «Б» смытого со склона археологического материала (Копыл, Татаринов, 1990, с. 56, рис. 5, 11–14; Швецов, Кравченко, 1988; 1989), эта версия попадания фрагментов керамики и костей животных в могилы выглядит весьма вероятной.

Характер инвентаря, найденного в отдельных захоронениях рассматриваемого нами могильника, свидетельствует о том, что некоторых погребенных хоронили с украшениями и, возможно, в одежде. О чем, собственно, и писали исследователи, ранее занимавшиеся памятником (Михеев, 1985, с. 18; Копыл, Татаринов, 1990, с. 56, рис. 5, 1–10). На участке «А» вещи присутствовали в четырех погребениях. В погр. № 15 (лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами) на правой руке был железный браслет с расплощенными концами. У погр. № 16 (уложен вытянуто на спине, головой на запад) в области грудной клетки найден наконечник скифской стрелы. У черепа погр. № 22 (вытянут на спине) расчищены бронзовые элипсоидная подвеска (справа) и литая серьга (слева). У кисти левой руки погр. № 26 обнаружен точильный брускок. Погребенный был вытянут на спине. Правая рука слегка согнута в локте, кисть в области таза. Левая согнута в локтевом суставе так, что кости

кисти находились у подбородка. Череп развернут вправо и чуть завален вниз. В погр. № VII «Большого раскопа» на костях левой руки был выявлен бронзовый кованый браслет (Михеев, 1968, с. 12, табл. XVIII, 1, 13). Скелет был уложен на правом боку в сильно скорченном положении (кости ног сильно согнуты в коленных суставах, так, что стопы находились у костей таза).

Схожая картина наблюдается и на участке «Б». Здесь, в захоронениях, расчищенных А.Г.Копылом и С.И.Татариновым, находки были представлены бронзовой пуговицей (погр. № 48), бубенцами (погр. № 47 и 57), железной и бронзовой пряжками (погр. № 12 и 46) и фрагментом кованой железной цепочки (погр. № 52). В захоронениях, раскопанных М.Л.Швецовым, были обнаружены бронзовая серьга с подвесной бронзовой бусиной (парное погр. № 8 раскопа № 23) (рис. 26: 2), три круглые железные пряжки, выявленные у тазовых костей погр. № 39 (раскоп 22), и половинка аббасидского дирхема (рис. 26: 3), которая находилась в кисти левой руки погр. № 44 этого же раскопа.

Таким образом, инвентарь, представленный украшениями, деталями одежды и обрезком аббасидского дирхема встречен в погребениях всех трех описанных нами групп (1–3). По времени своего бытования он относится к периоду существования салтово-маяцкой культуры. Куфические дирхемы VIII — начала IX в. и их обрезки, встречающиеся на памятниках хазарского времени в Доно-Донецком регионе (Кравченко, 2020 а, с. 131–132), по нашему мнению, имеют достаточно широкие хронологические рамки бытования. В пользу этого свидетельствует степень сохранности указанных монет, большая часть которых сильно или полностью истерта.

Кроме этого, на прилегающей к территории некрополя территории в салтовском слое были обнаружены два скопления керамики. Одно из них выявлено на участке «А» (раскоп № 31), на уровне 0,80–1 м от современной поверхности. Расположенные компактно скопление фрагментов сосудов и обломков верхнего камня жернова от ручной мельницы залегали плотным слоем на площади 1,3 x 2,2 м (рис. 17, 34). Керамика представлена обломками верхней части крупной амфоры (рис. 53: 1), фрагментами гончарного пифоса

(около 3/4 целого сосуда) (рис. 53: 2), венчиками гончарных горшков (рис. 53, 15: 7–9) и несколькими стенками амфоры. Все предметы имели на поверхности следы воздействия огня. Компактность залегания свидетельствует, что фрагменты сосудов находились в неглубокой яме, контуры которой проследить не удалось. Такие же скопления керамики, представленные развалами сосудов крупного размера, которые несли на себе следы воздействия высокой температуры, были расчищены в 1988–1989 гг. в раскопах № 22 и 24 на участке «Б». Обычно в каждом таком скоплении присутствуют обломки одного или нескольких крупных сосудов. Как правило, они не собираются полностью, отдельные фрагменты отсутствуют.

Все описанные выше комплексы были расчищены близ некрополей, что может свидетельствовать в пользу того, что они были с ними связаны. Вряд ли они имели отношение к погребениям, произведенным по обряду кремации. Против этого свидетельствует полное отсутствие кальцинированных костей как среди обломков сосудов, так и рядом с ними. Скорее всего, они могут быть как-то связаны с обрядовыми действиями, имеющими отношение или к поминкам, или к обряжению умершего перед погребением. Так, у мусульман посуда, использованная при омовении покойника, выбрасывалась. Иногда ее сбрасывали в специальные ямы, расположенные на (или возле) территории некрополя. Подобные комплексы зафиксированы на золотоордынских памятниках, в частности на территории г. Азака.

Особый интерес представляет факт наличия на могильнике 3 Царина городища значительного количества (более 20,7 %) захоронений 2 группы. Скорченные погребения не уникальны для некрополей «зливкинского» типа, однако они обычно представлены небольшим количеством комплексов. Так, на могильнике Червоная Гусаровка их не было вообще (Аксенов, 2017). В Мандровском могильнике скорченными были 2 детских захоронения (№ 40 и 44) (Винников, Сарапулкин, 2008, с. 23, 24, 46). На эталонном могильнике Зливки они присутствуют среди захоронений 4 типа (в округлых ямах), которые, возможно, к собственно некрополю хазарского времени отношения не имели (Швецов, 1991, с. 62). На могильнике у озера Волоковое

скорченными были три (погр. № 5, 13, 14) (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 218) из более чем 30 захоронений. Раскопки этого некрополя велись в два этапа. Вначале под руководством С.И.Татаринова было выявлено 22 погребения, которые были опубликованы. В публикации не указан факт наличия в верхнем слое некрополя тризн, представленных костями животных и керамическими сосудами. Затем исследования производились под руководством А.В.Шамрая. Материалы этих работ, в процессе которых было выявлено не менее 14 захоронений, опубликованы не были.

На могильнике «Лиманское озеро» из 41 погребения скорченным было 1 (погр. № 38). Не было выявлено скорченных захоронений и на могильнике у с. Желтое в ЛНР. Не встречено их и на могильнике «Серебрянский». Из 15 погребений этого некрополя 13 были вытянуты на спине, а 2 захоронения (№ 6 и 10) лежали ничком (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 338–342). Не было скорченных захоронений и в Крымском могильнике, в котором 43 % погребений не имели инвентаря (Савченко, 1986, с. 75). Таким образом, для могильников «зливкинского» типа указанные захоронения не характерны. По мнению Л.И. и К.И. Красильниковых, «скорченность не противоречит обычаям протоболгар». Однако в протоболгарских погребениях степной зоны она встречается крайне редко (Красильникова, Красильников, 2012, с. 204–205).

Гораздо чаще эта поза погребенных фигурирует в катакомбных могильниках лесостепи, где она характерна для женских погребений (Плетнева, 1989, с. 189, рис. 96). Довольно высокий процент захоронений, скорченных на правом или левом боку, был зафиксирован среди ямных погребений некрополя Дмитровского археологического комплекса (4 из 9 обнаруженных). Указанные могилы С.А.Плетнева считала погребениями женщин-аланок. От захоронений Царинского некрополя они отличались наличием керамических сосудов и инвентаря, иногда достаточно богатого. В одной из подбойных могил указанного некрополя также было выявлено скорченное женское захоронение. Встречены здесь и захоронения на спине с подогнутыми в коленях ногами (Плетнева, 1989, с. 255–260, рис. 115: 2, 116, 117: 2). Скорченные безынвентарные

захоронения известны и за пределами рассматриваемого нами региона. Кроме некрополей среднего течения Северского Донца, они встречены на могильниках хазарского времени Крыма (Тепсень) (Баранов, 1990, с. 119) и Тамани (Фанагория) (Атавин, 1986, с. 262–265). Имеются они в биритуальных некрополях Дунайской Болгарии, где их появление связывают с присутствием в среде протоболгар сарматского/аланского этнокомпонента (Коматарова-Балинова, 2013, с. 82–87).

Особый интерес представляет могильник «Черниково озеро», расположенный неподалеку (700 м) от некрополя «Серебрянский» на территории ЛНР (33 км к востоку от Царина городища). Основная часть из выявленных на нем 11 погребений, (кроме погр. №3), не содержала керамических сосудов. Погребения № 7, 10, 11 представляли единый комплекс парного захоронения. Погребения № 3, 6 и 8 были скорченными. Из них погр. № 3 и 8 были уложены на правом, а погр. № 6 — на левом боку (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 333–335, 337). Таким образом, по своим материалам могильник «Черниково озеро» имеет сходство с безынвентарным некрополем З Царина городища. При этом в отличие от Царинского некрополя, который был оставлен населением крупного ремесленно-торгового центра, указанный могильник являлся кладбищем маленького сельского поселения (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 344). Последнее позволяет усомниться еще в одном тезисе, ранее выдвигаемом исследователями Царина городища, определявшими некрополи рассматриваемого нами типа исключительно как могильники «населения больших земледельческо-ремесленных центров» или «жителей городских поселений».

Мы видим, что обряд рассматриваемого нами могильника имеет много отличий от некрополей «зливкинского» типа. При этом материалы некрополя З Царина городища находят параллели на памятниках, относящихся к более позднему времени, география которых выходит за пределы территории степей Северного Причерноморья.

Так, положение жернова на уровне древней дневной поверхности, зафиксированное в погр. II «Большого раскопа», имеет близкий по времени аналог на соседнем Сидоровском

археологическом комплексе, где на безынвентарном могильнике 3 было обнаружено погр. № 14, перекрытое на уровне древней дневной поверхности верхним камнем жернова (Кравченко, 2020, с. 56). Зафиксирован указанный обряд и на некрополе более позднего времени — Мамай-Сурка на Нижнем Днепре, где в погр. № 666 на уровне древней дневной поверхности над скелетом в области ног был уложен верхний камень жернова от ручной мельницы (Ельников, 2006, с. 275, рис. 165: 1–3). Аналоги указанному обряду уходят своими корнями в северокавказские древности. В частности, закрывание жерновами входов в катакомбы зафиксировано в Змейском могильнике XI–XII вв. в Северной Осетии (Куссаева, 1961, с. 53; Кузнецов, 1961, с. 66–67, 95, 96, 101, 130, рис. 23). Отголоски же этого обряда прослеживаются вплоть до этнографической современности (Калоев, 1967, с. 202).

Находит параллели на памятниках более позднего времени и факт находки наконечника скифской стрелы в погр. № 16 раскопа № 9. Наконечники скифских стрел присутствуют в ряде погребений могильника Мамай-Сурка (погр. № 192, 319, 473) (Ельников, 2001, с. 95, 147. рис. 31: 10–11; 51: 1–2; 2006, с. 108, рис. 63: 4–5). В.К.Михеев рассматривал находку стрелы в погр. № 16 как положенный с покойником в могилу амулет. Расположение стрел в могилах некрополя Мамай-Сурка свидетельствует, что, наиболее вероятно, они использовались не в качестве амулетов, а как магические предметы типа «громовых стрел».

Выше указывалось, что в погребениях группы 1 достаточно часто встречалось характерное положение рук, скрещенных на тазе, животе (9,7 %) или в районе груди (9,8 %) (Кравченко, 2004а?, с.24–39). На основной части могильников «зливкинского» типа количество таких погребений невелико, если не считать могильники Крыма хазарского времени (Баранов, 1990, с. 117–119) и связанный крымским христианским населением некрополь у Червоной Гусаровки (Аксенов, 2017, с. 65–66). Подобное положение рук, которое О.А.Артамонова связывала с влиянием христианства (Артамонова, 1963, с. 42, 58–59), достаточно часто встречается на некрополях оседлого степного населения постсалтовского времени. Таких захоронений много на могильнике Белой Вежи (Артамонова, 1963, с. 42, 58–59), среди

поздних захоронений могильников Зливки на Северском Донце (Швецов, 1991, с. 117–119) и Мартышкина Балка на Нижнем Дону (Масловский, 1997, с. 144; Прокофьев, 2009, с. 112), на котором был встречен и фрагментированный проволочный крестик (Дмитриенко, 2000, с. 220–225). Характерно оно для некрополей Нижнеднепровского региона (Мамай-Сурка), где в некоторых могилах присутствуют находки предметов христианского культа (Ельников, 2001, с. 75, 92, 98, рис. 25: 1–2, 31: 1–3, 33: 10; 2006, с. 178, рис. 109: 2). Доминирует оно на Новохарьковском могильнике на Среднем Дону, который авторы раскопок считали мусульманским (Винников, Цыбин, 2002), указывая при этом на возможность присутствия и христианских влияний на оставившее его население. Присутствуют на указанных некрополях и парные погребения, что не противоречит как более ранней салтовской, так и христианской традиции (Артамонова, 1963, с. 42–50; Ельников, 2001, с. 127, рис. 45: 1; Прокофьев, 2009, с. 109, рис. 2: 9).

Нет оснований исключать и влияние ислама на население, оставившее безынвентарный некрополь Царина городища. На сходство некоторых погребений с мусульманскими, а также факт, что поворот черепа лицевой частью к югу имеет значительный процент погребенных, обращалось внимание выше. Погребение № 14 (раскоп № 9) (рис. 79: 1), уложенное с полуразворотом на правый бок с развернутой к югу лицевой частью черепа, вообще не отличается от мусульманских. Имеет сходство с мусульманскими захоронениями и погребение № 22 того же раскопа (рис. 79: 6). При этом необходимо учитывать, что на археологическом комплексе существовал и раннемусульманский некрополь, который, возможно, функционировал одновременно с рассматриваемым нами могильником. Собственно, близкая картина наблюдается на Сидоровском археологическом комплексе, где соседствовали и сосуществовали два раннемусульманских некрополя (1 и 2) и могильник 3. Последний наряду с обычновенными вытянутыми на спине безынвентарными захоронениями содержал инвентарное погребение с керамическим сосудом (Михеев, 1971, с. 6) и погребения, произведенные по мусульманским канонам (Кравченко, 2020а, с. 54–56). Эти кладбища мало

отличались от некрополя З Царина городища и могильника на Черниковом озере.

Таким образом, рассмотренный нами некрополь, как и иные подобные ему (Сидоровский 3, Черниково озеро), отнести к категории могильников «зливкинского» типа не представляется возможным. К этим объектам более применимо название «безынвентарные некрополи» с указанием отношения их к хазарскому времени.

Могильник 5. Располагался на границе селищ 1 и 2 у линии укреплений, с внешней стороны, примерно в 250–300 м к западу от участка «Б» (рис. 10). В 1989 г. М.Л.Швецовым и автором здесь была расчищена группа из 14 мусульманских захоронений, относящаяся к разрушенному некрополю (рис. 27), который прилегал к внешней стороне линии укреплений городища хазарского времени (рис. 10). В отчетах и публикации указанный участок назван «Останец 2». М.Л.Швецов считал, что указанный некрополь датируется золотоордынским временем (Швецов, Кравченко, 1989; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 129–130, рис. 18). Судя по распространению погребений, некрополь изначально имел крупные размеры. Могилы располагались рядами на расстоянии 1–1,5 м друг от друга. Большинство погребений произведено в ямах с заплечиками вдоль длинных сторон. Умершего укладывали головой на запад, на правом боку или с разворотом на правый бок. Череп во всех случаях был развернут лицевой частью к югу. Руки находились в нижней части корпуса. Положение некоторых скелетов свидетельствует о том, что погребенные были спеленаны. Какой-либо инвентарь в расчищенных захоронениях отсутствовал. В верхнем слое, на территории некрополя, выше уровня впуска погребений были выявлены единичные фрагменты керамики. В числе их находились фрагменты сосудов хазарского времени и донышки двух поливных сосудов золотоордынского времени (рис. 81: 5–6).

3.2. Некрополи постхазарского периода

Могильник 6 выявлен в западной части селища 3, в раскопе 29 (рис. 29, 62). Захоронения были размещены на территории раскопа двумя группами. Одна из них (погр. 6–7) локализовалась в западной его части. Вторая (погр. 1–5) — в юго-восточной части, расположенной на склоне с мыса к руслу Ложникова Яра. Все погребения были впущены в слой зольника эпохи бронзы, из-за чего следы могильных ям прослежены не были (Кравченко, Цимиданов, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2005, с. 11, 14–15).

Погребение 1 представляло захоронение подростка. Скелет залегал вытянуто на спине, головой на запад – юго-запад, на уровне 0,67 м от современной поверхности. Череп стоял на основании. Руки и ноги вытянуты вдоль корпуса. Стопы сведены вместе. Инвентаря нет (рис. 82: 1).

Погребение 2. Захоронение собаки. Животное уложено на левом боку, головой на восток, на глубине 1 м. Наличие хвостовых позвонков свидетельствуют, что собака не подвергалась снятию шкуры (рис. 82: 2).

Погребение 3. Скелет взрослого человека был уложен на уровне 0,8 м, головой на запад, в сильно скорченном положении, на левом боку, с небольшим разворотом на живот. Таз с ногами подогнут так, что коленные суставы находятся у плечевых костей. Руки сильно согнуты в локтевых суставах, а кисти их сложены у подбородка. Инвентаря нет (рис. 82: 3).

Погребение 4. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, головой на запад, на уровне 0,76 м. Череп развернут лицевой частью вверх. Кости рук вытянуты вдоль корпуса. Кисти сложены на костях таза. Правая нога вытянута. Левая согнута в коленном суставе почти под прямым углом и завалена под правую ногу (рис. 82: 4). У правой ушной раковины обнаружена медная проволочная серьга в виде знака вопроса (рис. 82: 9).

Погребение 5. Фрагменты черепа ребенка. Зафиксированы на уровне 0,9 м. Иных костей скелета обнаружено не было (рис. 82: 5).

В западной части раскопа захоронения были впущены в заполнение помещения 3 с «древнерусской» керамикой.

Погребение 6 находилось у очага, практически на уровне пола помещения (рис. 62). Представляло захоронение взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад, со сведенными в коленных суставах ногами. Руки вытянуты вдоль корпуса, а кисти сложены вместе на костях таза (рис. 82: 6). На плечевой кости правой руки имелись две древние зарубки, которые представляли собой следы ударов острым предметом.

Погребение 7 (ребенок) (рис. 82: 7) находилось к востоку от очага, выше пола помещения. Скелет полностью расташен грызунами; сохранились череп и два ребра.

Могильник 7. В 1983 г. на восточной окраине селища 3 во время прокладки линии трубопровода траншеей была разрушена группа погребений. Расчистка их не производилась. Судя по остаткам захоронений в бровке траншеи, ей был прорезан ряд могил, вытянутых поперек склона в направлении террасы, расположенной на берегу Северского Донца. В заполнении могильных ям присутствовали следы древесины, что может свидетельствовать либо о наличии деревянных перекрытий, либо о присутствии гробовищ. В 1991 г. во время работ на раскопе 28, расположенному западнее указанного участка, было обнаружено детское погребение, которое могло относиться к крайним захоронениям этого могильника. Тогда же в раскопе 27, находящемся к северу от указанной траншеи, была выявлена группа из 6 захоронений, 4 из которых располагались компактной группой в юго-западном углу раскопа, практически напротив нее (рис. 28: 1). Указанные погребения прорезали котлованы помещений и ямы пеньковской культуры и хазарского времени. В юго-западной части раскопа они прорезали остатки слабо углубленной в грунт постройки, заполненной раковинами, в которых содержалась «древнерусская» керамика. Из-за того, что все захоронения были произведены в темном слое с большим количеством золы и культурных остатков, контуры могил выявить не удалось.

Погребение 3. Найдено в квадрате Н-3. Скелет поврежден. Судя по сохранившимся непотревоженными костям,

погребенный был уложен на спине, головой на запад. Инвентарь отсутствовал (рис. 75: 6).

Погребение 4. Крайнее к востоку в этой группе. Найдено на уровне 1,7 м от современной поверхности. Скелет лежал головой на запад, вытянуто, на правом боку. Ноги плотно сведены в коленных суставах, руки вытянуты вдоль корпуса, кости кистей сложены на костях таза. Судя по положению костей, погребенный был спеленан (рис. 75: 5).

Погребение 5. Скелет был зафиксирован на уровне 0,82 м от современной поверхности. Он практически находился у края котлована постройки, заполненной раковинами и содержащей «древнерусскую» керамику. Погребенный уложен на спине, головой на юго-восток, лицом вверху. Руки сильно согнуты в локтях, кости кистей сложены на груди. Правая нога вытянута и слегка согнута в коленном суставе. Левая была сильно согнута, берцовые кости смещены (рис. 75: 1). Инвентаря нет.

Погребение 6. Парное. Скелет взрослого уложен на уровне 0,81 м, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки и ноги вытянуты. Череп лежит на левом боку, развернут лицевой частью к северу. В районе тазовых костей лежит череп ребенка, кости ног которого находятся у коленных суставов погребенного взрослого (рис. 75: 2). В районе грудной клетки скелета взрослого на кости грудины обнаружен бронзовый бубенчик (рис. 76: 5), имеющий аналоги в захоронениях Саркела — Белой Вежи (Артамонова, 1963, рис. 45: 5 б) и могильника Мартышкина Балка (Прокофьев, 2009, с. 114, рис. 3: 7).

Погребение 7. Скелет уложен на спине, вытянуто, головой на запад с небольшим отклонением к северу. Череп лежит на левом боку, повернут к северу. Левая рука вытянута вдоль корпуса. Кисть на левом крыле таза. Правая рука слегка согнута в локте, кость кисти лежит на крестце (рис. 75: 3). Инвентаря нет.

Погребение 8. Обнаружен на глубине 1,21 м от современной поверхности. Скелет был уложен на животе вытянуто, головой на запад с небольшим отклонением к северу. Положение костей свидетельствует, что он, наиболее вероятно, был спеленан. Руки вытянуты вдоль корпуса, ноги сведены в коленях. Череп лежит на правом боку, лицевой частью развернут к западу (рис. 75: 4). На расстоянии 30 см к северу от берцовых костей в грунте

был обнаружен амулет из просверленной кости заячьей стопы (рис. 76: 4). Учитывая компактное расположение костей и то, что яма прослежена не была, наиболее вероятно, что указанный предмет происходит из культурного слоя и к погребению отношения не имеет.

3.3. Могильники золотоордынского времени

Могильник 4 расположен в пределах селища 2, на участке «Б». Большинство погребений этого некрополя было расчищено в раскопе 22, в который, вероятно, попала его центральная часть (рис. 15: 3–4). В этом раскопе под тонким слоем крошки шел плотный меловой материк, в котором прекрасно сохранились погребальные ямы. Все они имели прямоугольную форму; заплечики вдоль длинных сторон либо подбой в южной и ступеньку вдоль северной стены могильной ямы (погр. № 4, 7, 10–11, 13, 16–17, 19, 24, 37–38, 40, 46). Согласно данным указанного раскопа, подбойные могилы были у 31 % погребенных. Остальные могилы золотоордынского времени представляли собой ямы с заплечиками. Нижняя часть как подбоев, так и ям с заплечиками обычно имела вид характерной узкой камеры. Описанные выше погребения были стратиграфически более поздними, чем комплексы могильника 3 хазарского времени, расположенные на этом же участке.

Могилы располагались рядами, вытянутыми вниз по склону. Подавляющая часть погребенных (за исключением № 38, уложенного головой на север – северо-запад) была ориентирована головой в западный сектор. Значительная часть их имела разворот на правый бок либо была повернута черепом в южную сторону (около 65–70 %). При этом достаточно часто погребенные уложены лицом вверх. Встречается положение рук, сложенных в верхней части корпуса, характерное для христианских захоронений. Одно погребение (№ 41) было парным (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, рис. 11, 3). Скелет 1 был уложен вытянуто на спине, на перекрытии могилы, на уровне заплечиков. Руки сильно согнуты в локтях, кости кистей находятся на плечах в районе ключиц. Скелет 2

лежал на дне погребальной камеры на спине, череп развернут к югу³¹.

Вещей в могилах указанного некрополя нет.

Как видим, в состав памятника входило гораздо большее количество некрополей, чем было известно ранее. Все они относились к различным периодам его истории. Могильников раннего периода, когда на этой территории находились небольшие поселения, обнаружено не было. До сих пор в пределах археологического комплекса не найдено ни одного погребения эпохи энеолита, бронзы или раннего железного века. Нет находок и захоронений пеньковской культуры. При этом на селищах 2 и 3 присутствуют культурные напластования этих эпох. Вполне возможно, что некрополи раннего периода могли быть уничтожены в процессе жизнедеятельности крупного археологического объекта, каковым являлся указанный памятник в эпоху раннего и развитого средневековья. Нельзя исключать вариант, что они могли находиться на тех участках, где не производились ни строительные работы, ни стационарные археологические исследования, и до сих пор не выявлены. К таким участкам могут относиться восточная часть селища 2, террасы основного рукава Ложникова Яра и другие территории, прилегающие к Царинскому археологическому комплексу с южной и восточной сторон. Возможно, захоронения эпохи меди-бронзы группировались в курганных насыпях, которых имеется достаточно много близ территории памятника.

Все выявленные могильники, которых в настоящее время известно 6, относятся к периоду существования памятника как крупного археологического объекта.

Предполагается, что к археологическому комплексу прилегал еще ряд некрополей. Эти пока не выявленные могильники могут находиться близ восточной и юго-западной границ археологического комплекса, где раскопки не производились, однако были найдены кости от разрушенных захоронений.

³¹ Согласно определению В.К.Ходжайова, оба скелета принадлежали мужчинам. Скелет 2, лежавший в погребальной камере, — мужчине возрастом 40–45 лет. Скелет 1, который лежал на заплечиках, — мужчине 17–18 лет (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 175, табл. 1).

ГЛАВА 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЦАРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Материалы, полученные в результате изучения Царинского археологического комплекса, позволяют в общих чертах представить этапы существования этого памятника. Вне сомнений, в настоящий момент можно увидеть только основные черты его истории и провести приблизительные границы поселенческих объектов, существовавших в пределах его территории в различные периоды. В процессе дальнейших исследований эти выводы будут уточнены и конкретизированы.

4.1. Ранние поселения на территории памятника

Ранние периоды заселения представлены на террасе правого берега Северского Донца, где расположено селище 3. Это наиболее древняя часть памятника, где присутствуют материалы эпохи неолита и энеолита, поздней бронзы, раннесредневековых пеньковской и салтово-маяцкой культур. Верхние слои связаны с функционированием здесь памятника в постхазарское время (X–XIII вв.) и золотоординского населенного пункта (XIII–XIV вв.). В эти напластования были впущены погребения, которые по содержащимся в них предметам датируются рубежом XVIII–XIX вв. (рис. 75: 7–8; 76: 1–3).

Наиболее раннее поселение относится к периоду неолита — энеолита (рис. 88: А). Немногочисленные находки этого времени концентрируются в раскопах № 26 и 27, причем в раскопе № 27 они находятся в переотложенном состоянии. Здесь были найдены кремневые и кварцитовые отщепы, нуклеус

(рис. 71: 3–13), фрагменты неолитической керамики и каменный «утюжок» (рис. 71: 14). В раскопе 26 в нижней части освещенного гумуса, подстилающего слой зольника эпохи поздней бронзы, сохранились небольшие участки слоя, в которых были встречены кремневые отщепы, обломки круглодонного керамического сосуда со слегка отогнутым венчиком, украшенного беспорядочными расчесами и оттисками штампа по корпусу (рис. 71: 1), и кремневый нож, выполненный в технике отжимной ретуши (рис. 71: 2). Отдельные предметы были найдены в яру, неподалеку от описанной террасы (Михеев, 1964, с. 5). Судя по всему, остатки раннего поселения были уничтожены в процессе функционирования памятника.

В эпоху средней бронзы на территории археологического комплекса также существовало поселение. Керамика этого периода в небольшом количестве встречена в раскопах № 1, 26, 27 и 29. Основная же часть находок привязана к склону правого берега Ложникова Яра, поврежденному в процессе строительства подстанции. В раскопах № 28 и 30 был обнаружен слабо насыщенный слой, где материалы эпохи средней бронзы находились на глубине 2 м, под стерильной прослойкой и слоем эпохи Развитого Средневековья. Вероятно, рассматриваемое нами поселение располагалось на высокой террасе правого берега Ложникова Яра, к югу от места его впадения в Северский Донец (рис. 88: Б).

В раскопах № 26–27 зафиксирован слой зольника позднего этапа срубной культуры, в котором присутствовало большое количество костей животных, кремневые отщепы, изделия из бронзы (рис. 83: 20–21) и кости (рис. 83: 22–24), а также керамика (рис. 83: 1–19), которая составляла большинство находок. Вероятно, срубное поселение функционировало на речной террасе, справа от места впадения в реку Ложникова Яра (рис. 88: В). Керамический комплекс представлен фрагментами острореберных и баночных слабопрофилированных горшков, большинство которых либо были без орнамента, либо с орнаментом в верхней части сосуда. Среди орнаментальных мотивов — расчлененный насечками валик, пояса насечек, горизонтальный зигзаг с заштрихованными треугольниками и изредка меандр. М.Л.Швецов отнес зольник к сабатиновскому времени.

Представляется, что среди материалов этого поселения встречаются отдельные находки, относящиеся и к периоду средней бронзы.

На левом берегу Ложникова Яра, в раскопе № 29, был зафиксирован еще один зольник, относящийся к рубежу поздней бронзы и раннего железного века. Представляется, что поселение указанного периода было вытянуто вдоль рукава Ложникова Яра от места впадения его в реку Северский Донец и почти до ответвления от яра крупного отвершка, ограничивающего территорию Царинского археологического комплекса с юга (рис. 88: Г). С.И.Татаринов относил данный зольник к бондарихинской культуре. По мнению В.В.Цимиданова, близких аналогов керамике этого зольника в среднем течении Северского Донца не было известно. Среди нее присутствуют профилированные тонкостенные горшки, форма которых близка бондарихинским. Основная же масса керамики находит параллели в срубной культуре (Кравченко, Цимиданов, Мирошниченко, Петренко, 2005, с. 9). На данном поселении керамика бондарихинского и срубного облика стратиграфически не разделялась и являлась частями одного керамического комплекса. Поверхность сосудов слажена, черепок на изломе черный, обжиг неравномерный. В одном случае (рис. 84: 3) внутренняя поверхность сосуда подлощена. Орнамент представлен вдавлениями по срезу и наружному краю венчика. Имеются пояса пальцевых вдавлений по тулowi — довольно глубоких и образующих внутри сосуда подобие «жемчужин». Значительная часть керамики орнаментирована налепными валиками, иногда в сочетании с расположеннымми ниже валика наклонными насечками (рис. 84). Днище одного из сосудов внутри имело неглубокие пальцевые вдавления.

Единичными находками представлены наконечники стрел скифского времени. Один из них был обнаружен при погребенном 16 в могильнике 3. Второй аналогичный наконечник выявлен в слое раскопа № 27 (рис. 76: 7). Подобная ситуация встречается на ряде памятников рассматриваемого нами региона. Так, находки скифских наконечников стрел неоднократно встречались на поселении «Казачья Пристань» (Либеров, 1962). При всем этом исследования, производимые на данном

памятнике в 1998–1999 и 2003 гг., показали полное отсутствие на нем материалов и слоя скифского времени. Учитывая факт отсутствия на Царинском комплексе поселенческого материала, сопровождающего находки наконечников стрел, следует признать, что появление этих предметов связано с эпизодическим посещением этой территории населением Донецкого края скифского времени.

Не совсем ясны границы поселения, относящегося к концу раннего железного века, слой которого был зафиксирован в раскопах № 20 и 31 (рис. 88: Д). По всей видимости, это был небольшой памятник, который располагался на террасе левого берега Ложникова Яра у места ответвления от него крупного отвершка. Время его функционирования определяется по материалу, обнаруженному в помещении раскопа № 31 (Кравченко, 2012, с. 143–144, рис. 4). Находки представлены обломками клыков дикого кабана (рис. 52: 15) и фрагментами лепных сосудов с примесью в тесте мелкого шамота (рис. 52: 1–14). Основная часть их принадлежит горшкам S-видного профиля, орнаментированным по краю венчика пальцевыми вдавлениями или косыми насечками. Реже встречаются сосуды, имеющие резко (почти под прямым углом) отогнутый венчик. Интересен факт наличия среди материалов венчика сероглиняного гончарного сосуда. Указанная керамика близка материалам, обнаруженным при раскопках Святогорского (Кравченко, 2012, с. 142–143, рис. 3) и Теплинского (Михеев, 1972, с. 5) городищ. Таким образом, мы можем датировать материалы указанного поселения первыми веками нашей эры.

4.2. Поселение пеньковской археологической культуры

Расположенный на территории селища З памятник эпохи Великого переселения народов вызывает интерес уже в связи с тем, что это первое средневековое поселение, возникшее на данном участке. Оно хронологически предшествует появлению здесь объектов хазарского времени, т. е. того периода, когда происходит формирование Царинского археологического комплекса.

Сооружения *пеньковской культуры* были выявлены в ряде раскопов, что позволило определить размеры поселения (рис. 19) и получить общие сведения об его планировке (рис. 89: Е). Постройки располагались на террасе, вытянутой вдоль берега Северского Донца. В раскопах 28 и 30, которые находились к югу от площадки террасы, слоя и комплексов пеньковской культуры выявлено не было. Судя по конфигурации террасы и размерам сооружений, общее количество жилищ на поселении могло достигать десятка. Факт же наличия стратиграфии в раскопе № 26 (помещения 3 и 5) свидетельствует о том, что не все выявленные постройки функционировали в одно время. Наиболее вероятным будет предположить, что на террасе одновременно находилось 6–7 построек. Это совпадает с данными небольших пеньковских поселений, расположенных как в пределах рассматриваемого региона, так и на иных территориях, входящих в ареал распространения пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, с. 22).

Отопительные сооружения были обнаружены только в двух постройках (помещение 3 раскопа № 26 и помещение 5 раскопа № 29). Факт отсутствия в жилищах отопительных сооружений фиксируется на поселениях Днепровского Левобережья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114–115). Последнее связано либо с хозяйственным назначением построек, либо с тем, что отопление их могло производиться при помощи переносных приспособлений типа жаровен, присутствующих на памятниках последующего времени (рис. 74: 2) (Кравченко, 2020, с. 94). В качестве жаровен могли использоваться крупные сковороды или тазы типа, выявленного в помещении 5 раскопа № 29 (рис. 65: 4). Все хозяйствственные ямы были сконцентрированы на восточной окраине селища, за пределами жилищ. Подобная ситуация встречается на пеньковских поселениях (Приходнюк, 1998, с. 22).

Время существования поселения определяется V–VII вв. Материалов первой половины VIII в. в изученных комплексах обнаружено не было. Группа памятников, в которую входило рассматриваемое поселение, функционировала в отрезок времени, насыщенный историческими событиями. Существование в этот период на границе со степью группы неукрепленных

поселений было невозможно без союзнических отношений с населением степного региона. Контакты же со степняками у пеньковского населения были. Об их наличии свидетельствуют орнаментация некоторых керамических сосудов насечками по краю венчика, отдельные находки предметов и украшений, имеющих параллели в степной зоне, и факт присутствия на пеньковских поселениях «юртообразных» построек (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 115, 121–122; Приходнюк, 1998, с. 25–27; Швецов, 2018 б, с. 176).

Таким образом, в V–VII вв. в устье Ложникова Яра проживала небольшая община. Полиэтническое население пеньковских памятников большинство исследователей связывает с племенами антов. Точки зрения на процесс формирования этого населения и преобладание в его составе славянских либо неславянских, этнических компонентов являются предметом дискуссии (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 108–111, 141–148; Приходнюк, 1998, с. 13–20). Показательно, что в среднем течении Северского Донца большинство поселений, имеющих слой пеньковской культуры, продолжает существовать и в хазарское время³².

На основании имеющегося в распоряжении археологического материала сейчас трудно говорить, как и когда попали в среднее течение Северского Донца носители славянской традиции. Возможно, данное население пришло из заселенных славянами лесостепных территорий уже в период существования Хазарского каганата (Прокофьев, 2007, с. 223). Не исключено, что носителями этой традиции могло быть и население, проживавшее в буферной со степью зоне и поглощенное выходцами из степи в VIII в. В VIII–IX вв., по мнению авторов,

³² Интерес представляет вопрос о верхней дате пеньковских древностей, который неоднократно поднимался исследователями (см.: Гавритухин, Обломский, 1996, с. 119–120, 129–130). О.М.Приходнюк считал, что верхняя граница существования пеньковской культуры не выходит за конец VII в. (Приходнюк, 1998, с. 40–60). В более поздней своей работе он допускал, что потомки пеньковского населения существовали и в начале VIII ст. (Приходнюк, 2001, с. 60). По мнению Е.А.Горюнова, «*верхняя граница пеньковской культуры приходится на конец VII – начало VIII в., т. е. соответствует времени зарытия большинства “антских” кладов и гибели Пастырского поселения*» (Горюнов, 1981, с. 81). Началом VIII в. датировал верхнюю границу существования пеньковских древностей М.В.Любичев (Любичев, 1994, с. 129–134). Близкой точки зрения придерживался М.Л.Швецов (Швецов, 2018 б, с. 177).

«этническая ситуация в степном Подонцовье характеризуется определенной смешанностью этнокультурных традиций, включающих в себя 4–5 этносов. Это, прежде всего, праболгары, как основное ядро населения салтово-маяцкой культуры, затем прослеживаются следы аланского населения, признаки славян, компонент среднеазиатского этноса и, наконец, тюркоязычных кочевников» (Апареева, Красильников, 2001, с. 301). Славянское население вместе с аланами, булгарами и другими тюркскими группами приняло участие в формировании этнического облика жителей Доно-Донецкого региона хазарского времени и наложило свой отпечаток на их яркую и самобытную материальную культуру.

4.3. Царинский археологический комплекс в хазарское время

В VIII–X вв. в устье Ложникова Яра происходит формирование крупного населенного пункта, представляющего городище с прилегающими к нему селищами и некрополями, — Царинского археологического комплекса. В этот период была заселена площадка городища, а также территория селищ 2 и 3 (рис. 89: Ж). Говорить о наличии материалов СМК на селище 1, как предполагал В.К.Михеев (Михеев, 1968 а, с. 25), мы не можем. Раскопки, производившиеся в непосредственной близости от линий укреплений, не дали материалов СМК, а основная часть находок на селище относится к золотоордынскому периоду существования памятника.

Имеющиеся в распоряжении данные позволяют проследить основные этапы формирования археологического комплекса хазарского времени.

Наиболее ранними его участками являлись селища 2 и 3. Причем на селище 3 основная часть салтовских построек была выявлена в пределах раскопа № 26, расположенного в центральной части террасы. В западной части раскопа № 27 найдена только одна постройка, которая планиграфически тяготела к группе сооружений раскопа № 26. На остальной площади раскопа № 27 зафиксированы только хозяйственныe ямы. Этот

факт свидетельствует в пользу того, что здесь находилась восточная окраина поселения хазарского времени. В слое раскопа № 27 присутствует архаичная салтовская посуда (рис. 61: 5). Кроме этого, здесь был выявлен фрагмент лепного горшка (рис. 64: 8; 65: 11), имеющего сходство с керамикой поселения Полное (Прокофьев, 2007, с. 218, рис. 5). Все это свидетельствует в пользу того, что указанная часть памятника обживалась уже во второй половине VIII в.

Постройки на территории памятника СМК представлены разнообразными сооружениями, конструктивные особенности которых показывают многообразие строительных традиций, отражающих культурные и этнические влияния на население рассматриваемого региона в эпоху Раннего Средневековья. Так, выделяется группа юртообразных/круглоплановых жилищ, остатки которых были выявлены в пределах «Большого» раскопа и на селище 3. Указанный тип построек присутствует не на всех памятниках салтово-маяцкой культуры (перечень объектов см. в: Флеров, 1990). Их нет, например, на соседнем Сидоровском археологическом комплексе. Наличие круглоплановых сооружений на одних памятниках хазарского времени при отсутствии их на других поселениях обращает на себя внимание. Несмотря на то, что Царинский археологический комплекс является одним из самых ранних салтовских памятников Донецкого региона, это явление не было связано с хронологическими рамками его бытования. В пользу этого свидетельствуют как стратиграфические данные, так и факт практически полного отсутствия лепной посуды в круглоплановых сооружениях рассматриваемого памятника. Так, в раскопе № 26, в узле из трех разновременных сооружений, помещение этого типа перекрывает самую раннюю постройку.

Появление в среднем течении Северского Донца круглоплановых сооружений, достаточно хорошо представленных в Приазовском регионе (Гриб, Швецов, 2017 б, с. 293–298), в лесостепи и на территории Предкавказья, вероятно, было связано с бытovanием традиции, которая распространялась с определенными группами населения. По мнению В.С.Флерова, такой группой были «недавно осевшие кочевники-праболгары» (Флеров, 1996, с. 60). Могли быть и иные этнические группы,

пришедшие с перечисленных выше территорий. Вероятно, это население использовалось как конное войско, которое принимало участие в охране крепостей, расположенных в пограничных районах государства. Нам представляется, что движение указанных групп населения в среднее течение Северского Донца произошло в период строительства на западных окраинах каганата укрепленных поселений. В это время на городищах в среднем течении Северского Донца, наряду с проживавшим здесь ранее тюркским и иранским населением, а также потомками населения пеньковской культуры, появляются новые этнические группы, в перемещении которых, вероятно, была заинтересована правящая верхушка хазарского государства. Среди вновь прибывшего населения были мусульмане среднеазиатского происхождения, а также представители тюркских народов. О присутствии на Царинском археологическом комплексе конных воинов свидетельствует наличие на памятнике большого количества находок предметов конского снаряжения и оружия, характерного для всадников (Кравченко, 2020 б: 200–201, 204–205, рис. 1: 5–7; 2–5; 8). Маркером присутствия на поселении этой группы населения были и круглоплановые постройки. Близкая ситуация наблюдается на других укрепленных поселениях: в Саркеле (Артамонов, 1958, с. 30–31; Белецкий, 1959, с. 42–45), Правобережном Цимлянском городище (Плетнева, 1994, с. 283–315), крепостях Предкавказья, Плиске и других памятниках (Флеров, 1996).

Наиболее ранняя постройка в стратифицированной группе сооружений раскопа № 26 (помещение 2) имеет в качестве отопительного сооружения глинобитную печь. Распространение подобных отопительных сооружений на памятниках СМК, вероятно, связано со славянским влиянием. Исследователями неоднократно отмечалось присутствие следов этого влияния на поселениях салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкого региона. Особенно четко оно проявляется в домостроительстве (Плетнева, 1962; Колода, 1999, с. 71; Апареева, Красильников, 2001, с. 301; Красильников, 2001, с. 301, 320; Прокофьев, 2007; Кравченко, 2020 а, с. 80–81, 138; 2022). На салтовских памятни-

ках часто встречаются глинобитные печи³³ и печи-каменки, широко распространенные на славянских землях. Корпус печей-каменок зачастую был сложен из нетермостойкого известняка, а топка вымощена изнутриложенными на глиняную основу керамическими фрагментами (Кравченко, 2020, с. 80). Образец подобной печи на данном памятнике мы видим еще в материалах поселения пеньковской культуры (помещение 5 раскопа № 29). Интерес представляет присутствие в регионе полуzemлянок с характерным положением печи, находящейся при входе в постройку, с топкой, развернутой поперек входа (Кравченко, 2020 а, с. 71).

Основная часть жилых и хозяйственных сооружений, выявленных на Царинском археологическом комплексе, представлена углубленными в грунт полуzemлянками и наземными постройками. К ним относится большинство построек, расчищенных как на селищах 2 и 3, так и на городище, где остатки зольников, наиболее вероятно, были скоплениями золы, глиняной обмазки и горелого грунта на месте располагавшихся здесь наземных сооружений. На городище присутствовали и постройки полуzemляночного типа, образцом которых является помещение, расчищенное в раскопе № 32. Обращает внимание факт наличия в раскопе 1 у В.К.Михеева землянки (помещения 1). Постройки со столь глубокими котлованами на рассматриваемой нами территории встречаются очень редко.

К хозяйственным постройкам относился ряд ям, расчищенных на памятнике. Особый интерес представляют крупные ямы подпрямоугольных очертаний, охарактеризованные В.К.Михеевым как «погреба» (Михеев, 1964, с. 16–17; 1965, с. 12, 16–17). Содержащийся в них бытовой и хозяйственный инвентарь свидетельствует об использовании их в качестве хозяйственных помещений. Не исключено, что указанные погреба могли быть углубленной в землю частью наземных хозяйственных построек, следы которых не прослеживались в темном культурном слое памятника. Остатки таких сооружений фиксировались в культурном слое в виде скопления бытовых предметов, фрагментов керамики и глиняной обмазки. Последняя являлась остатками конструкции стен (Михеев, 1985, с. 14).

³³ Последние встречаются реже.

Многочисленные хозяйствственные ямы, выявленные на Царинском комплексе, по своему назначению подразделяются на ряд типов. Наряду с неглубокими мусорными ямами присутствовали глубокие и крупные, служившие для различных хозяйственных нужд. В некоторых из них (ямы 3, 5, 8 и др.) находили комплекты жерновов или отдельные жернова от ручных мельниц (Михеев, 1964, с. 10–12; 1965, с. 13–14). Следует сказать, что количество жерновов, выявленных на салтовском Царином городище, велико. Об их находках упоминал еще Н.В.Сибилев (Сибилев, 1930, с. 11). Большое количество целых жерновов и их обломков было найдено в процессе работ В.К.Михеева (Михеев, 1963, с. 6; 1985, рис. 27). Целые и фрагментированные их экземпляры неоднократно встречались и в дальнейшем (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 12). Кроме них на памятнике присутствует большое количество лощеных тарных сосудов (рис. 85), служивших для хранения припасов, о чем упоминалось раньше (Кравченко, 2009 б) и многочисленного сельскохозяйственного инвентаря (серпы, косы, наральники, чресла, мотыги и т. д.) (Михеев, 1985, с. 16). То есть находки с Царинского археологического комплекса однозначно свидетельствуют, что его население в хазарское время занималось не только ремеслами (о чем неоднократно писалось всеми авторами), но и переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции. В этом плане показательно отличие указанного памятника от соседнего Сидоровского археологического комплекса, ориентированного исключительно на потребление этой продукции, но никак не на ее производство и переработку. На Сидорово практически полностью отсутствуют находки орудий труда, связанных с сельским хозяйством, кроме нескольких находок сломанных серпов, мотыги и трех жерновых камней.

Ряд ям служил для хранения продуктов. Выделяется группа ям (ямы 13, 15, 25), в которых находились вкопанные в землю пифосы (Михеев, 1964, с. 13–14, 17–18). Наряду с ними встречаются комплексы (яма 26), в которых содержатся крупные сосуды с выбитым дном (Михеев, 1965, с. 18). Подобные сооружения, выявленные на территории Сидоровского археологического комплекса, были охарактеризованы, как санитарные (Кравченко, 2020, с. 76). Там же были обнаружены и отопи-

тельные сооружения, сделанные из нижней части вертикально установленного груболепного пифоса (Кравченко, 2020 а, с. 77, рис. 154: 4; 159). Близкое им отопительное сооружение было найдено на территории селища 2 вместе с погребением в нем ребенка.

Городище является самой поздней частью Царинского археологического комплекса хазарского времени. Строительство его производилось на месте небольшого поселения, находившегося на вершине холма. В пользу его существования свидетельствует факт наличия на верхушке холма слоя с культурными остатками, на который были уложены валы строящегося городища (Михеев, 1963; 1985). Вероятно, оно изначально выполняло охранную (или сигнальную) функцию. Логично предположить, что это поселение находилось на краю площадки треугольного мыса, вошедшего в дальнейшем в укрепленную часть памятника. Вероятно наличие на нем какого-нибудь частокола, следы которого могут быть обнаружены в процессе дальнейших исследований. С расположенным внизу поселением верхняя часть соединялась при помощи спуска, выходившего на селище 3. В связи с этим в раскопе № 29, находящемся в нижней части этого спуска, слоя хазарского времени нет, да и находки VIII–Х вв. там практически полностью отсутствуют.

Строительство городища на Царинском комплексе, судя по всем данным, велось в тот же период, когда строились городище Сидоровского комплекса и прочие «городища с земляными валами» в среднем течении Северского Донца. В основании валов Сидоровского городища были зафиксированы фрагменты кувшинов с ленточными ручками, которые появляются на этой территории не ранее второй половины IX в. (Кравченко, 2020 а, с. 34). В конструкции этих двух памятников наблюдается много общего. Оба они строились с учетом максимального использования всевозможных природных преград, что, вероятно, свидетельствует не о наличии какой-то специфической традиции строительства этих укреплений (о чем ранее предполагалось) (Плетнева, 1967, с. 22–24; 2000, с. 68; Михеев, 1985, с. 12; Кравченко, 2020, с. 29), а о спешном характере этого строительства. Со стороны реки оба городища имеют мощные эскарпы, делающие склон непроприступным. Вероятно, в этот период на восточ-

ной окраине городища был эскарпирован въезд, ранее представлявший обыкновенную тропу. Во время указанных работ в нижней части площадки мыса был срезан слой с материалами пеньковской культуры (что прослежено в раскопе № 29). Строители обеих городищ старались укрепить не только площадки городищенских холмов, но и прилегающие к ним селища (Михеев, 1964, с. 4–5). На Сидоровском комплексе таковым являлось селище 1 (Кравченко, 2020, с. 31). На Царинском — селище 2. При всем этом работы по укреплению селищ на обеих памятниках так и остались незавершенными.

Благодаря остаткам зольников на поверхности памятника можно проследить основные детали планировки Царина городища хазарского времени (рис. 10). В пользу того, что его зольники относились именно к этому периоду, свидетельствуют как их планиграфические данные (все зольники находятся в пределах линии укреплений городища салтово-маяцкой культуры, не выходя за его границы), так и материал, выявленный в комплексах раскопа № 32, разбитого на территории зольника 7, большинство сооружений которого относилось к хазарскому времени. Учитывая густоту объектов, обнаруженных в небольшом раскопе, зольники никоим образом не являлись кучами золы, располагавшимися на свободных от застройки участках поселения, а были именно остатками жилых и хозяйственных сооружений. Крупные размеры некоторых из них позволяют считать их не остатками отдельных сгоревших построек, а скоплениями золистого грунта, оставшимися на месте сгоревших групп сооружений или усадеб, в числе которых, кроме углубленных, могли присутствовать и наземные строения. Характер расположения зольников свидетельствует, что на площадке городища находилось два параллельных ряда усадеб, в которых имелись как деревянные наземные строения, так и углубленные в грунт сооружения полуземляночного типа. Постройки сопровождались прилегающими к ним многочисленными хозяйственными комплексами. Между двумя рядами усадеб пролегала дорога, пересекавшая городище по его центральной оси, от выезда на территорию селища 1 на его западной окраине до спуска на территорию селища 3, прилегавшего к восточной окраине укрепленной части памятника хазарского времени.

Таким образом, отсутствие археологических комплексов в разбитых на городище раскопах В.К.Михеева не было связано с тем, что большинство этих раскопов имело малую площадь. В относительно крупных раскопах никаких комплексов также выявлено не было. Основной причиной этого явления, вероятно, было то, что жилые и хозяйственные сооружения на территории городища располагались в определенном порядке, который просто не совпал с системой размещения раскопов, заложенных В.К.Михеевым на этой части памятника.

Наиболее интересным представляется то, что в раскопе № 32 между комплексами хазарского времени не было выявлено случаев стратиграфии. Этот факт позволяет поставить вопрос о том, сколь продолжительный период существовало городище. Для ответа на него имеющихся в распоряжении материалов недостаточно. В качестве рабочей версии можно предположить, что укрепленная часть памятника существовала недолго. Возможно, в пределах жизни одного-двух поколений. Более того, рвы и валы оборонительной линии Царина городища выглядят очень слабыми и несовершенными (рис. 21: 1) по отношению к укреплениям иных памятников (хотя бы к тому же Сидоровскому археологическому комплексу) (Кравченко, 2020 б, с. 29–35). Создается впечатление, что они просто не были достроены. Следствием этого явилась гибель населенного пункта хазарского времени в результате разгрома, следы которого читаются как на городище (зольники, материалы раскопа 32), так и на остальной территории памятника салтово-маяцкой культуры.

К жилой части памятника прилегают некрополи, из которых наиболее ранним, вероятно, является могильник 1, расположенный в западной части селища 3. На нем было расчищено 6 погребений (рис. 77). Рассматривать его как крупный некрополь (что наблюдается на планах у В.К.Михеева и С.И.Татаринова) (Михеев, 1985, с. 16, рис. 3: 1; Дадашов, Татаринов, 2009, с. 20, рис. 27) нельзя. Скорее всего, близ восточно-го въезда/входа на городище находилось небольшое кладбище, содержащее захоронения зливкинского типа, которое насчитывало в лучшем случае несколько десятков могил. Возможно, на нем были погребены люди, проживавшие в селище 3, являв-

шемся наиболее ранней частью памятника. На основании имеющихся в распоряжении материалов определить датировку большинства сохранившихся погребений можно в пределах VIII–IX вв. Обнаруженное А.И.Приваловым захоронение с серьгами (рис. 77: 9–10; 81: 3) относится к IX в.

Намного больше информации имеется о могильнике 3, наиболее крупном некрополе археологического комплекса хазарского времени (рис. 79–80). Некрополи этого типа сосуществовали в среднем течении Северского Донца наряду с раннемусульманскими кладбищами и языческими могильниками «зливкинского» типа. Тем не менее по обряду они находятся ближе к степным могильникам последующего периода, таким как поздний некрополь Зливок (Зливки 2) и Мартышкина балка, чем к эталонному могильнику Зливки-1 хазарского времени. Однако они отличаются и от них высоким процентом скорченных погребений. Указанные некрополи были оставлены полиэтническим и поликонфессиональным населением, на формирование этнического лица которого повлияло перемещение групп населения из лесостепи на степное пограничье. Причины этой миграции пока не ясны. Возможно, она связана с запустением ряда лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры. Переселенцы принесли с собой обычай хоронить погребенных в скорченном положении и некоторые обряды, которые дожили до этнографической современности у ираноязычных народов Северного Кавказа. В погребальном обряде безынвентарных некрополей прослеживается влияние мировых религий (христианства и ислама) без преобладания признаков какой-либо из них. Вероятно, в период их функционирования процесс выбора веры находился на начальной стадии.

Возникли эти кладбища на позднем этапе существования салтово-маяцкой культуры, во второй половине либо в конце IX ст. По крайней мере, городища, у которых были обнаружены некрополи рассматриваемого типа, несут на себе следы военных действий, завершившихся разгромом этих поселений. Сходство обряда указанных могильников со степными некрополями постсалтовского времени может свидетельствовать в пользу того, что после гибели салтово-маяцкой культуры насе-

ление, оставившее их, приняло участие в сложных этнических процессах, связанных с формированием степного оседлого населения последующего времени — эпохи Развитого Средневековья.

К хазарскому времени относится и могильник 5 (рис. 27), погребения которого были произведены по мусульманским канонам. Отношение могильника к этому периоду подтверждается рядом наблюдений. Его погребения имеют сходство с захоронениями раннемусульманских некрополей 1 и 2 Сидоровского археологического комплекса. При этом они резко отличаются от захоронений расположенного неподалеку золотоордынского могильника 4 как по преобладающему типу погребальных сооружений, так и по обряду и состоянию костных останков. В пользу датировки хазарским временем свидетельствует и место расположения этого могильника, который прилегает к линии укреплений городища (рис. 10). Слабая степень изученности некрополя не позволяет говорить о том, насколько велики были его размеры и какой процент его территории был уничтожен.

В первой трети X в. Царинский археологический комплекс подвергся сокрушительному разгрому. Судя по всему, он был неожиданным, благодаря чему в сгоревших жилых и хозяйственных постройках, хозяйственных ямах, погребах, осталось большое количество разнообразных предметов. Разгром сопровождался сильным пожаром, которым была охвачена вся территория населенного пункта. В результате воздействия высокой температуры многие сосуды, брошенные в постройках и на поселении, были деформированы, а иногда даже ошлакованы (что у разных авторов вызвало предположение о существовании в населенном пункте могильника с кремациями). Крупные железные предметы покрылись слоем копоти или нагара, отдельные мелкие предметы после обжига совершенно разрушились (что наблюдалось на примере вещей из заполнения котлована помещения в раскопе 32). На стенах ям и котлованов построек местами встречаются горелые пятна, а дно большинства хозяйственных ям покрыто слоем древесного угля. Результатом разгрома была гибель поселения. Укрепленная его часть так и не была восстановлена, и в дальнейшем длительный пери-

од времени жизнь продолжалась только на селище 3. Верхняя же территория археологического комплекса не была заселена вплоть до золотоордынского времени.

4.4. Памятник постсалтовского времени (Х–XIII вв.)

Поселение этого периода на территории селища 3 (рис. 89: 3) входит в группу поселений с «древнерусской» керамикой. Оно располагалось на берегу Северского Донца, на высокой террасе по обе стороны Ложникова Яра. Памятник находился неподалеку (до 2 км) от брода на реке Северский Донец. Он имел топографию, характерную для селищ подобного типа, расположенных в среднем течении Северского Донца.

Границы поселения четко фиксировались в раскопах № 26–30. По ним видно, что жителями памятника эпохи Развитого Средневековья были заселены ровные террасы и мысовидные площадки у места впадения яра в реку. В целом поселение имело размеры не менее 250 x 100 м и было вытянуто длинной своей осью вдоль русла реки Северский Донец. Показательно, что за пределами селища 3 материалов, связанных с указанным поселением, выявлено не было.

В процессе исследований памятника на нем было расчищено 14 жилых и хозяйственных построек, 15 хозяйственных ям и группа погребений. Говоря о количестве обнаруженных сооружений, следует учитывать характер этих построек, большинство которых представляло слабо углубленные в грунт либо наземные строения. Их контуры обычно плохо читаются в темном культурном слое, поврежденном природными или техногенными факторами. В связи с этим можно предположить, что на изученных участках селища 3 количество жилых сооружений могло быть намного большим. То же относится и к неглубоким хозяйственным ямам. Так, в пределах раскопа № 29 встречено несколько скоплений средневекового археологического материала. Одно из них, расположенное на склоне в южной части раскопа (скопление 6), могло являться как свалкой,

так и неглубокой сбросной ямой, контуры которой не фиксировались в слое.

Исследования показывают, что постройки были вытянуты вдоль Северского Донца и занимали не только приречную террасу, но и нижнюю часть склонов холмов, расположенных к югу от нее. Какой-либо системы в их расположении проследить не удалось. С двух сторон поселение было ограждено некрополями (могильники 6 и 7), которые прилегали к нему с запада и востока, как бы замыкающими жилую часть.

Могильник 6, погребения которого были обнаружены в раскопе № 29 (рис. 82), прилегал к поселению с «древнерусской» керамикой с западной стороны. Наиболее вероятно, он поднимался на склон над поселением, занимая часть бывшего въезда на городище. Функционировал указанный некрополь в золотоордынское время и, вероятно, в XI–XIII вв.

Могильник 7, крайние захоронения которого были обнаружены в раскопах № 27–28 (рис. 75: 1–6) и в срезе траншеи трубопровода, прорытой на памятнике в 1983 г., наиболее вероятно, прилегал к расположенному на территории селища 3 поселению с «древнерусской» керамикой с восточной стороны. Изученные захоронения этого некрополя свидетельствуют о функционировании его в XI–XIII вв. и, возможно, в более позднее, золотоордынское время.

Учитывая то, что селище с «древнерусской» керамикой существовало продолжительный промежуток времени (в пользу чего свидетельствует наличие фрагментов амфор класса SSS в слое, чугуна в отдельных комплексах и стратиграфии среди его построек), можно предположить, что данные некрополи могли существовать не в один период. Тем не менее, используя имеющиеся в нашем распоряжении данные, решить указанный вопрос в настоящее время не представляется возможным.

Материалы исследований указанного памятника неоднократно публиковались (Кравченко, 2000; 2009 а). В связи с этим остановимся на их выводах.

Основная часть ранних построек представляла незначительно углубленные в грунт строения, имевшие в качестве отопительного сооружения открытые очаги различных видов, расположенные в одном из углов или в центральной части по-

мешения. Две постройки (помещения 1 и 2), выявленные в раскопе № 29, относились к позднему этапу истории памятника. Они представляли относительно крупные полуzemлянки, которые отапливались при помощи печей, подковообразной формы с небольшой глинобитной площадкой перед устьем. Материал для их сооружения — белая глина — брался здесь же, на склоне городища³⁴. По нашему мнению, подобное разнообразие жилищ на указанном селище свидетельствует о неоднородном этническом составе населения, проживавшего здесь в XI–XIV вв. Факт того, что сооружения различных этапов существования памятника имеют значительные отличия друг от друга, вероятно, свидетельствует в пользу того, что этнический состав населения не был постоянным и с течением времени хозяйствственные сооружения представляют остатки погребов или построек хозяйственного назначения, отличающиеся от обычных ям правильной формой и размерами. Одна из них, яма 2 раскопа № 26, представляла глубокую яму (2,4 м) киркообразной формы, аналогии которой известны на памятниках эпохи Развитого Средневековья на Нижнем Днепре (Козловский, 1992, с. 18, рис. 8; Ельников, 2006, с. 159–162, рис. 98: 2) и на Нижнем Дону (Прокофьев, 2005, с. 110, рис. 5: 1). Показательно заполнение указанных комплексов, в котором содержалось очень большое количество чешуи и костей рыб, а также костей животных. Среди последних достаточно часто встречаются кости дикого кабана. Все это свидетельствует о значительной роли промыслов в хозяйстве жителей указанного поселения. Об этом же говорят и закладные жертвы, к которым можно отнести вмурованные под обмазку очагов рыболовные крючки и оселок, блесну, грузила от рыболовецких сетей (Кравченко, 2000, с. 80, рис. 7: 5). При этом среди материалов поселения практически полностью отсутствуют находки, связанные с земледелием. Среди находок нет ни единого серпа, отсутствуют косы, наральники, чресла, наконечники плугов. Единственной находкой представлено крупное тесло-мотыжка.

Показательно отсутствие зернотерок и жерновов от ручных мельниц. Встреченные обломки от них принадлежат старым

³⁴ Жители нынешнего села Маяки до сих пор используют указанную глину для сооружения и ремонта печей.

салтовским жерновам, которые использовались как точильные камни, о чем свидетельствуют следы на них. Таким образом, хозяйственная деятельность жителей указанных поселений резко отличалась от хозяйства как населения предшествующей салтово-маяцкой культуры, так и населения современных им древнерусских поселений, находящихся к северу. В хозяйстве жителей рассматриваемого нами памятника, по имеющимся в распоряжении материалам, четко читается промысловый уклад с большим упором на рыбную ловлю. Вероятно, в качестве подсобной отрасли присутствовало придомное животноводство, дополняемое охотой.

В целом материальная культура указанного поселения несет на себе влияние традиций как степи, так и Древней Руси. Общий уклад хозяйства его жителей был степным. Характерными для степного региона являются и постройки раннего времени. О ранней их датировке свидетельствуют встреченные в них фрагменты поливных сосудов — узкогорлых кувшинов, выполненных из теста светло-серого или бледно-розового цвета, с большой примесью мелкозернистого песка. Полива нанесена прямо по черепку. Орнамент прочерчен. Композиции представлены параллельными линиями, пространство между которыми заполнено наколами либо оттисками трубочки (рис. 86: 2–3). Подобная орнаментация встречается на сосудах с «пышным» орнаментом, известных в материалах Белой Вежи и Самосдельского городища. На сосуде, обнаруженном в заполнении помещении 2 раскопа 28 (Кравченко, 2000, с. 77, рис. 6: 1), у основания горлышка был налеплен валик круглой в поперечном сечении формы, напоминающий декор на стеклянных сосудах (рис. 86: 1). В керамическом комплексе поселения наблюдается существенное разнообразие как в составе теста сосудов, так и в технике их формовки (рис. 86: 5–12). Многие горшки по форме и орнаментации имеют сходство со степной керамикой предшествующего периода. Большинство «древнерусских» горшков выполнено небрежно: стенки обработаны грубо, имеют различную толщину, неравномерно прокалены, следы обрезки нижней части сосудов ножом не заглажены, небрежно нанесена орнаментация. Создается впечатление, что

они представляют огрубленную реплику с керамики, производящейся на русских землях.

Вероятно, в конце XIII в. неподалеку от указанного поселения возник золотоордынский памятник. В слое поселения появляются золотоордынские монеты, в котлованах поздних построек встречаются фрагменты чугунных котлов. При этом население памятника продолжает пользоваться привычной «древнерусской» керамикой, к которой в небольшом количестве добавляются фрагменты амфор и красноглиняных кувшинообразных сосудов, характерных для золотоордынских центров. Показательно практически полное отсутствие среди посуды на этой части памятника фрагментов белоглиняных горшков, которые встречаются среди материалов на золотоордынской части археологического комплекса.

Время гибели указанного населенного пункта определяется материалом, обнаруженным в заполнении поздних котлованов, перекрытых горелым слоем. В одном из них (помещение 2 раскопа № 29) были обнаружены останки погибших жителей, оставленные без погребения (рис. 33). Характерное расположение отдельных костей (рис. 73) свидетельствует в пользу того, что полуразложившиеся трупы растаскивались животными параллельно с процессом разрушения постройки. Предметы и керамический комплекс позволяют отнести поздние постройки к XIV в. (Беляева, Кубищев, 1995, с. 46–48, мал. 36–37). Костяной наконечник рукояти ножа из помещения 2 (рис. 31) находит аналоги в материалах золотоордынского Болгара (Закирова, 1988, с. 233, рис. 103, 10). Возможно, указанное поселение прекратило существование в конце XIV в.

4.5. Золотоордынское время (XIII–XIV вв.)

В XIII–XIV веках Царинский археологический комплекс вновь превратился в крупный населенный пункт (рис. 89: И). В этот период он был заселен по всей площади, за исключением селища 2, в западной части которого находился могильник 4. Площадь археологического комплекса золотоордынского времени составляла около 70 га.

Центральная часть поселения XIII–XIV вв. располагалась в стороне от старой, функционировавшей издревле части памятника. Она находилась на плато — самой высокой части холма. Именно на этой территории в непосредственной близости к нынешнему селу Маяки были обнаружены основная часть кирпичных кладок, большинство монет, находки поливной посуды, в частности, такой элитной, как китайский фаянс и селадон, и большинство прочих элитных предметов. Здесь же были найдены медальон с перегородчатыми эмалями с изображением Святого Николая (рис. 81: 4), шиферная иконка с изображением Святого Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских (рис. 81: 3) и прочие яркие находки. Близ этого участка располагался раскоп 25, в котором были расчищены культурные на пластования всего периода функционирования золотоордынского памятника. В этом же районе найдены явные следы активной ремесленной деятельности. На распаханном поле подобрано множество чугунных предметов: литки, всплески, слитки меди, украшения и т. д. Напомним, что этот участок находился в непосредственной близости от брода через Северский Донец, расположенного на территории нынешнего села Маяки. И близ этого же участка был построен Маяцкий городок Нового времени, который, согласно свидетельству источника, сооружен на «Мояцком городище».

Как видим, это сообщение находит подтверждение. Вероятно, наиболее ранняя (укрепленная) часть Маяцкого городка Нового времени все же находилась в урочище Ратуша, которое прилегает к западной части средневекового Царинского археологического комплекса, где в 1663 г., к моменту сооружения укреплений городка, еще были видны остатки построек, возведенных в предыдущий, богатый событиями период истории Донецких степей.

Памятник золотоордынского времени исследован недостаточно, однако богат огромным количеством подъемного материала. Эти находки дают общее представление о материальной культуре крупного населенного пункта (Кравченко, 2015). Материалы дополняются данными небольших раскопов и зачисток, произведенных на пересекающих памятник дорогах. Отдельные золотоордынские комплексы, выявленные в рас-

копе 32, наряду с многочисленными находками из подъемного материала, свидетельствуют, что в XIII–XIV вв. верхняя часть памятника также была заселена.

Материалы раскопа № 25 (рис. 56–57), самого крупного на этой части памятника, были опубликованы М.Л.Швецовым (Швецов, 2012, с. 97–116). Основные выводы его статьи в деталях повторяют текст отчета и более раннюю тезисную публикацию (Кравченко, Швецов, 1990 б) с добавлением к ней сведений о памятниках золотоордынского времени на рассматриваемой территории и неверными ссылками на литературу и отчеты³⁵. Следует указать, что в публикации неверно указано и место нахождения раскопа (Швецов, 2012, рис. 1), из-за чего объект, расположенный на северо-западной окраине археологического комплекса, был перемещен в центральную часть. Тем не менее узел из стратифицированных сооружений, вскрытый в указанном раскопе, свидетельствует об интенсивном функционировании памятника на этом месте в течение всего золотоордынского времени.

О могильнике 4, прилегающем к золотоордынскому Царину городищу, неоднократно писалось (Михеев, 1985, с. 18; Кравченко, Швецов, 1990 а, с. 22–24; Кравченко, 2015, с. 452). Его материалы были опубликованы группой авторов (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012). Прекрасные иллюстрации данной работы (несомненная заслуга художников) дают хорошее представление о характере этого некрополя и подтверждают ранее выдвинутую версию о его датировке золотоордынским временем. Значительный интерес представляют антропологические данные, приведенные Т.К.Ходжайовым в приложениях к данной статье. При этом в работе присутствует большое количество неточностей в ссылках на публикации. Неверно указано название и авторство отдельных работ. К числу откро-

³⁵ В этой и других работах данного автора фигурирует отчет, который якобы находится в фондах ИА НАНУ (Киев) под № 53/1990 — «Швецов М.Л., Приходнюк О.М. Отчет об археологических работах Донецкой археологической экспедиции в 1989 г.». Найти указанный отчет автору не удалось. В фондах ИА НАНУ присутствуют отчеты № 3/1989 «Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г., 19 с. + 25 рис.» и отчет № 249/1989 «Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г., 22 с.». В последнем отчете дается информация об исследованиях 1989 г. на Царином городище, о которых здесь и идет речь.

венных ошибок можно отнести предлагаемую авторами статьи типологию погребений. Попытка разделить захоронения некрополя 4 золотоординского времени на ряд хронологических групп, в частности выделить среди них погребения XI–XII вв., выглядит странно и представляется несостоительной (Ходжайлов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 216–217, 223, рис. 22, 23). На этом некрополе было расчищено не менее 65 захоронений, основная часть которых была выявлена в раскопах № 22–23 и 33. Несколько разрушенных погребений расчищено в разные годы на дороге, которая ограничивала указанный участок с севера. Наблюдения за планиграфией показывает, что территория некрополя была раскопана практически полностью. Таким образом, могильник имел относительно небольшие размеры, и представлять его как основной некрополь памятника золотоординского времени нет оснований. Вероятно, он являлся одним из могильников золотоординского Царина городища.

Часть подъемного материала, характеризующего данный объект, была издана в обобщающей работе, посвященной памятникам золотоординского времени Донбасса (Кравченко, 2015, с. 451–462). Чуть позже группой авторов было опубликовано значительное количество артефактов, происходящих с золотоординского Царина городища (Матеріальна та духовна культура..., 2017). В издании были приведены фотографии находок из экспедиций В.К.Михеева, М.Л.Швецова и автора настоящей работы, а также большое количество вещей, найденных в разные годы в подъемном материале на территории памятника. Среди них выделяется группа предметов, которые представлялись этими же авторами в публикациях более раннего времени как находки с Царина городища (Шамрай, Соловкин, Филиппов, 2009; 2010; 2011; 2012; Шамрай, Филиппов, 2013). Ряд из них не вызывает сомнений, однако сообщения о находке на территории Царинского комплекса более 70 (!!!) предметов христианского культа явно противоречит логике. Выше мы приводили данные о раскопах, которые были заложены на памятнике разными исследователями за годы его изучения. Подчеркнем, что ни в одном из этих раскопов не было выявлено ни единого подобного предмета. За многие годы сбора подъемного материала на памятнике было подобрано всего

три таких предмета, о которых писалось выше. Более того, если посмотреть данные по крупным золотоордынским центрам, то мы увидим, что и там количество подобных находок редко превышает десяток или два десятка. Предположение, что указанными лицами был разграблен средневековый некрополь, не выдерживает критики, поскольку в ранних некрополях находки подобных предметов крайне немногочисленны (см.: Панова, 2004, с. 157–161). Не много их встречается и в местах, где располагались средневековые храмы. Таким образом, нам остается предположить, что мы имеем дело с умышленной фальсификацией, когда предметы, не имеющие отношения к археологическому объекту, выдаются за вещи, на нем найденные. Не вдаваясь в вопрос о цели, которую могли преследовать подобные публикации³⁶, укажем, что этот блок данных существенно искаивает не только облик материальной культуры населения Царина городища, но и общую картину исторических процессов, происходивших на территории региона.

Опубликованные материалы помогают в общих чертах представить историю функционирования золотоордынского Царинского археологического комплекса. По нашему мнению, крупное золотоордынское поселение начинает формироваться здесь уже в конце XIII или в самом начале XIV в., неподалеку от поселения с «древнерусской» керамикой, существовавшего на берегу Северского Донца в предшествующий период. В пользу этого свидетельствуют находки на памятнике пулов, выпущенных в Крыму в конце XIII или начале XIV ст. Памятник располагался близ крупного торгового пути, идущего из Крыма, и относительно недалеко от золотоордынского центра — Азака, что нашло отражение в его материальной культуре. Так, подавляющее большинство поливной керамики, встреченной на памятнике, имеет крымское происхождение. Неполивная керамика Царина городища имеет сходство с посудой Азака.

³⁶ Внешне появление таких публикаций выглядит абсурдно. Тем не менее они преследовали определенные цели. Среди них: демонстрация наличия необычайно мощного пласта христианского населения на землях, расположенных близ Святогорской Лавры; присутствие в регионе огромного количества «киево-русских» древностей, соответственно, значительная роль Киевской Руси в формировании оседлой жизни на этой территории (с вытекающими отсюда чисто политическими выводами).

Вероятно, к середине XIV в. указанный памятник стал большим поселением, расположенным в сфере влияния золотоордынского Азака (Кравченко, 2019 б). Здесь расцвели ремесло и торговля. Возможно, в этот период здесь уже функционировали и чугунолитейные мастерские. Именно этим временем датируется клад золотоордынских дангов, выявленный в Ложниковом Яру³⁷, многие монеты которого были выпущены в Азаке и несли на себе имя Джанибек-хана.

В период Смуты в Золотой Орде памятник становится одним из крупнейших центров в рассматриваемом регионе. В пользу роста его влияния свидетельствует значительное количество находок монет с именами ханов смутного времени — Абдаллаха и Мухаммед-Булака. Вероятно, немалую роль в этом сыграл разгром зимой 1369/70 г. города Азака Абдаллахом (Масловский, 2014). С окончанием Смуты и приходом к власти Тохтамыша населенный пункт на Царином городище продолжает существовать. Тем не менее монетных находок этого времени несравненно меньше, что может свидетельствовать о начале упадка.

Время окончательной гибели золотоордынского Царина городища неизвестно. Вероятно, в конце XIV в., в тот же период, когда было разгромлено поселение с «древнерусской» керамикой, находящееся на берегу Северского Донца, пострадал и золотоордынский памятник. Тем не менее он продолжал существовать еще некоторое время. Самые поздние находки на нем относятся к первой трети XV в.³⁸ Вероятно, Царинский археологический комплекс не смог пережить распад Золотой Орды и последующую борьбу между претендентами на ее престол, которая происходила на широких просторах восточноевропейских степей.

Подводя итог, следует сказать, что Царинский археологический комплекс функционировал в течение всей эпохи Средневековья как крупное поселение, которое в отдельные периоды своей истории вырастало до уровня центра, игравшего видную

³⁷ Информация о кладе (126 монет) была получена от Л.Н.Булавы, которому автор выражает благодарность. Клад был продан на аукционе «Виолити» и нынешнее местонахождение его монет не известно.

³⁸ Определение С.В.Шполянского.

роль в жизни населения среднего течения Северского Донца и сопредельных с ним степных территорий. Благодаря этому средневековые материалы памятника имеют первостепенное значение для изучения политических, культурных и этнических процессов, происходивших на территории Донецких степей, а также ремесленной и хозяйственной деятельности проживавшего здесь полиэтничного населения. Царинский археологический комплекс является уникальным памятником, материалы которого отражают тысячелетнюю историю оседлой жизни на территории Доно-Донецкого региона.

Литература и источники

- Аксенов В.С., Торттика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–Х вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. — С. 191–218.
- Аксенов В.С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблеми історії та археології України. — Харків, 2003. — С. 64–68.
- Аксенов В.С. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Червоная Гусаровка на Северском Донце. — Харьков, 2017. — 140 с.
- Анареева Е.К., Красильников К.И. Славянские признаки у праболгар Среднедонечья // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії / Матеріали І Всеукраїнськоїнаукової конференції. — Луганськ, 2001. — С. 297–301.
- Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. — Вып. 62. — М.-Л.: АН СССР, 1958. — С. 7–84.
- Артамонова О.А. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. — Вып. 109. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. — С. 9–209.
- Атавин А.Г. Средневековые погребения из Фанагории. — СА. — 1. — 1986. — С. 262–266.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — К.: Наук. думка, 1990. — 168 с.
- Белецкий В.Д. Жилища Саркела — Белой Вежи. — МИА. — № 75. — М.-Л.: АН СССР. — 1959. — С. 40–134.
- Беляєва С.О., Кубишев А.І. Поселення Дніпровського Лівобережжя Х–ХVст. — К.: Наукова думка, 1995.
- Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI–XIII вв.). — Киев: Логос, 1997. — 224 с.
- Винников А.З., Цыбин М.В. Материалы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 193 с.
- Винников А.З., Сарапулкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). — Воронеж: ВГПУ, 2008. — 107 с.
- Гавритухин И.О., Приймак В.В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы. Славянские древности. Stratum + 2001–2002. — СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. — С. 91–99.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Раннеславянский мир / Ред. Г.Е.Афанасьев, И.П.Русанова. — Вып. 3. — М., 1996. — 296 с.
- Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцова в контексте венгерской проблематики // Материалы III Международного мадьярского симпозиума. — Будапешт, 2018. — С. 367–402.
- Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Ленинград: Наука, 1981. — 133 с.

- Гриб В.К. Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И. История и материалы одной экспедиции на Донце // Святогірський альманах 2014. — Донецьк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2014. — С. 64–96.*
- Гриб В.К. Доброе Поле — памятник раннесредневекового времени в Северо-Восточной части Донецкого края // Донецький археологічний збірник № 18–19. — Вінниця, 2014–2015. — С. 286–300.*
- Гриб В.К., Швецов М.Л. Новые материалы из старых архивов // Святогірський альманах 2017. — Харків: Вид. «Федорко», 2017 а. — С. 30–50.*
- Гриб В.К., Швецов М.Л. Жилища и хозяйственные постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья // Археологические записки (Сб. статей) / Донское археологическое общество; (Гл. ред. В.Я.Кияшко). Вып. 9. 2017 б. — С.292 — 313.*
- Давыденко В.В., Пирко В.А. Маяцкая крепость — первый укрепленный по-границенно-сторожевой пункт XVII в. (фортификация и планировка) // Святогірський альманах (2007). — Донецк: ООО «РА Ваш імідж», 2007. — С. 76–95.*
- Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев Яр» — новый памятник X–XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах № 25. — Донецк, 2011. — С. 25–269.*
- Дадашов О.С., Татаринов С.И. Бахмутский край и хазарский каганат — Артемовск: Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Бахмутское региональное отделение, 2009. — 59 с.*
- Дмитриенко М.В. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. — Вып. 16. — Азов, 2000. — С. 220–224.*
- Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). — Т. 1. — Запорожье: Запорожский государственный университет, 2001. — 275 с.*
- Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). — Т. 2. — Запорожье: Запорожский государственный университет, 2006. — 356 с.*
- Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М.: Наука, 1988.*
- Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). — М.: Наука, 1967. — 242 с.*
- Квятковский В.И. Раннесредневековые жилища поселения Пятницкое I // Салтово-маяцкая археологическая культура. — Вып. 3. — Харьков: Вид. Савчук О.О.; ОКЗ. «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. — С. 58–72.*
- Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА. — № 1. — 1979. — С. 270–275.*
- Книга Большому Чертежу. Подгот. к печ. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. — 228 с.*
- Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. — К., 1992.*

- Колода В.В. Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова // Проблемы археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. — Харьков, 1999.
- Колода В.В., Горбаненко С.А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // Славянские древности. Stratum + 2001–2002. — СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. — С. 448–465.
- Коматарова-Балинова Е. Хокери и псевдохокери от биритуалните некрополи в Североизточна България: Възможности за интерпретация // Салтово-маяцка археологична култура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць / Упоряд. Г.Є.Свистун. — Вып. 3. — Х.: Вид. Савчук О.О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. — С. 82–87.
- Копыл А.Г., Драголюбов А.В., Татаринов С.И. Работы в Донецкой области // АО 1976. — М.: Наука, 1977. — С. 310.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце. — СА. — № 1. — 1979. — С. 267–269.
- Копыл А.Г., Шамрай А.В., Татаринов С.И. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Маяки // АО 1978. М: Наука, 1979. — С. 346.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань: АН СССР, Казанский научный центр, 1990. — С. 52–71.
- Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. — Донецк, 1989. — С. 55–57.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О могильниках золотоордынской эпохи Подонцова // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции. — Ч. 3. — Херсон, 1990 а. — С. 22–24.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О хронологии III этапа функционирования Царина городища // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. конференции. Луганск, 1990 б. — С. 134–136.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царином городище в 1990 году // Архив ИА НАНУ № 1990 в / 188.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологическом исследовании посада городища у с. Маяки Славянского района Донецкой области в 1991 г. // Архив ИА НАНУ № 1991 / 167.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Новые данные о христианском населении края в XIII–XIV вв. // Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию заповедника. — Славяногорск, 1995. — С. 70–79.
- Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея в Славянском районе в 1998 г. // Архив ИА НАНУ № 1998 / 101.

- Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья / Гл. ред. А.В.Евглевский. — Т. 1. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2000. — С. 75–100.
- Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Погодович Ю.Б. Поселение Явор в среднем течении Северского Донца // Донецкий археологический сборник. № 10. — Донецк, 2002. — С. 87–107.
- Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 3. — Донецк, 2003. — С. 348–362.
- Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах Т. 3. / Отв. ред. В.К.Михеев. — К.–Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004 а. — С. 242–276.
- Кравченко Э.Е. Безынвентарные могильники западной окраины Хазарии (к вопросу о распространении в каганате монотеистических религий) // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике (3–5 февраля 2004 г., Москва). — Ч. 1. — М., 2004 б. — С. 24–39.
- Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А.В.Евглевский. — Т. 4. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2005. — С. 153–186.
- Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г. // Архив ИА НАНУ № 2005 / 25.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // Архив ИА НАНУ № 2008 / 82.
- Кравченко Э.Е. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А.Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года / Донские древности. 209. Вып. 10 / Отв. ред. А.А.Горбенко. — Азов: Изд-во Азовского музея заповедника, 2009 а. — С. 242–263.
- Кравченко Э.Е. Два археологических комплекса в среднем течении Северского Донца (сравнительная характеристика) // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы/Подред. К.А.Руденко. — Казань: Школа, 2009 б. — С. 136–147.
- Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец / Исследования по средневековой археологии Евразии. — Казань: РИЦ, 2012. — С. 142–153.
- Кравченко Э.Е. Шамрай А.В. О группе комплексов с Царина городища (среднее течение Северского Донца) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали ІІ Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 10-й річниці надання Святогірському Успенському монастиреві статусу Лаври (2004),

- 170-річчю відновлення Святогірського Успенського монастиря (1844), 80-річчю створення краєзнавчого музею М.В.Сібільовим у Святогірську (1934). 25–26 вересня 2014 року, Святогірськ. — Донецьк: ТОВ «Східний видавничий дім», Ваш імідж, 2014. — С. 183–192.
- Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. — Казань, Симферополь, Кишинев: StratumPlus, 2015. — С. 407–474.*
- Кравченко Э.Е. Поселение у с. Обрыв — новый средневековый памятник на азовском побережье в Донбассе // Средневековая археология. Материалы VIII Международной конференции «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Археология Евразийских степей № 4. — Казань, 2018. — С. 88–92.*
- Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. — Т. 2: Памяти Г.А.Фёдорова-Давыдова / Под ред. С.Г.Бочарова, А.Г.Ситдикова. — Кишинев: Казань, 2019 а. — (Археологические источники Восточной Европы). — С. 669–690.*
- Кравченко Э.Е. Азак и поселения Донецкого края (о связях двух регионов в золотоордынского времени) // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции Азов (14–18 октября 2019 г. Азов). — Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2019 б. — С. 121–124.*
- Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей / Глав. ред. А.Г.Ситдиков. — № 4. — Казань, 2020 а. — 344 с.*
- Кравченко Э.Е. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // АЕС. — № 6. — Казань, 2020 б. — С. 198–223.*
- Кравченко Э.Е. Новые сведения о находках чугуна на золотоордынских памятниках Донецкого региона // АЕС. № 4. — Казань, 2022 а. — С. 198–205.*
- Кравченко Э.Е. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец // Поволжская археология. — № 2. — 2022 б. — С. 56–71.*
- Кравченко Э.Е. Группа построек хазарского времени археологического комплекса у с. Маяки (по материалам раскопок 1990 г.) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии Евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). — Т. 4. — Алматы–Туркестан, 2022 в. — С. 226–242.*
- Кравченко Э.Е., Чепига Г.Г. Исследования на городище археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца (по материалам 2008 г.) // Сборник материалов научной онлайн-конференции «Проблемы изучения взаимодействия Доно-Донецкого региона и дельты Волги в эпоху средневековья. — Донецк, 2024. — С. 31–37.*

- Кравченко Э.Е. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца в XVII–XVIII вв. // Уфимский Археологический Вестник. — Вып. 1. — Уфа, 2024.
- Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья. — СА. — № 3. — 1986. — С. 48–60.
- Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое / К.И.Красильников // Проблеми на прабългарската история и култура. — Т. 2. — София: Аргес. 1991. — С. 62–81.
- Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцова VIII – нач. X вв. Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. — Донецк, 2001. — С. 303–322.
- Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – начало X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А.В.Евлевский. — Т. 2. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. — С. 323–332.
- Красильникова Л.И., Красильников К.И. Погребальные обряды праболгар по материалам степной и лесостепной зон салтово-маяцкой культуры (СМК) (предварительные замечания) // Дивногорский сборник. Ч. 3. Воронеж: Научная книга, 2012. — С. 193–208.
- Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.)// Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. — Т. 1. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. — С. 62–135.
- Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. — Т. 1. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. — С. 51–61.
- Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // Лесостепные культуры скифского времени // МИА. — № 113. — М., 1962.
- Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII в. // Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1994.
- Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. — № 74. — М.–Л.: АН СССР, 1958 а. — С. 327.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. — К.: Наукова думка, 1988. — 147 с.
- Масловский А.Н. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. / Отв. ред. В.Я.Кияшко. — Вып. 14. — Азов: Издательство Азовского краеведческого музея, 1997. — С. 143–153.
- Масловский А.Н. Резня 1370 года в Азаке // Донской временник. Год 2015–й. — Ростов-на-Дону: Дон. гос. публ. б-ка., 2014. — Вып. 23. — С. 125–131.
- Макарова Т.И. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска. — СА. — 3. — 1985. — С. 241–246.

- Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII–XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки / Автори укладачі Дедов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. — Київ: Вид. САМ, 2017. — 95 с.
- Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.). — СА. — № 3. — 1978. — С. 101–113.
- Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4.
- Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // Архив ИА НАНУ № 1964 / 28.
- Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г. // Архив ИА НАНУ № 1965 / 18.
- Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. // Архив ИА НАНУ № 1966/80.
- Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1968 а / 48.
- Михеев В.К. Клад железных изделий с селища салтовской культуры. — СА. — № 2. 1968 б.
- Михеев В.К. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ им. А.М. Горького в 1971 г. // Архив ИА НАНУ № 1971 / 76.
- Михеев В.К. Отчет о разведках и раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. // Архив ИА НАНУ № 1972 / 79.
- Михеев В.К. До питання про ремісниче виробництво салтівської культури. — № 9. — Вестник ХГУ, историческая серия, 1973.
- Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. — Вип. 9. — К., 1973. — С. 90–99.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Х.: Изд. ХГУ, 1985. — 147 с.
- Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцо-вья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. научно-практического семинара. — Донецк, 1989. — С. 50–53.
- Михеев В.К. Погребальный обряд Красногоровского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань: АН СССР, Казанский научный центр, 1990. — С. 45–52.
- Нахапетян В., Шамрай А. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието // Археология. — Кн. 2. — София, 1990. — С. 41–45.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. — М., 1983.
- Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское времена (середина III — первая половина V в. н. э.) // Раннеславянский мир. — Вып. 5. — М.: Наука, 2002. — 255 с.

- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. — М.: Радуница, 2004. — 181 с.
- Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI–XVIII вв. — К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. — 136 с.
- Пирко В.А., Чепига Г.Г. Село Маяки (вторая половина XVII–XVIII вв.) // Нові сторінки історії Донбасу: ст. Кн. 7 / [голов. ред. З.Г.Лихолобова]. — Донецьк, 1999. — С. 209–217.
- Пирко В.О. Джерела до історії населених пунктів Донеччини XVI–XVIII ст. / Укладач В.О.Пірко. — Донецьк, 2001. — 103 с.
- Плетнєва С.А. Подгоровский могильник // СА. — № 3.— 1962. — С. 241–251.
- Плетнєва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — Вып. 142. — М.: Наука, 1967. — 209 с.
- Плетнєва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М.: Наука, 1989. — 286 с.
- Плетнєва С.А.ПравобережноеЗимлянскоегородище.Раскопки1958–1959гг./ С.А.Плетнєва // МАИЭТ. — Вып. IV. — Симферополь: Таврия, 1994. — С. 271–397.
- Плетнєва С.А. Очерки хазарской археологии. — М.–Иерусалим: Гешарим, 2000. — 239 с.
- Плетнєва С.А. О значении зольников на поселениях хазарского времени в бассейне Дона // Stratum plus, № 5. 2001–2002. — Кишинев, 2003. — С. 264–269.
- Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 году // НА ИА НАНУ № 1989 / 3.
- Приходнюк О.М. Пеньковская культура. — Воронеж: Воронежский университет, 1998. — 170 с.
- Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). — Київ–Чернівці: вид. «Прут», 2001. — 284 с.
- Прокофьев Р.В. Раскопки древнерусского поселения на Северском Донце. Предварительные итоги //Археологические записки. — Вып. 4. — Ростов-на-Дону, 2005.
- Прокофьев Р.В. Поселение IX века на левобережье Северского Донца. Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. — Вып. II — М.–Иерусалим: Гешарим, 2007. — С. 215–239.
- Прокофьев Р.В. Средневековый грунтовый могильник Мартышкина Балка на Нижнем Дону // Российская археология. — № 3.— 2009. — С. 106–117.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. — Т. 1. — М.: Наука. Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1986. — С. 70–101.
- Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. — Вып. 4. — Изюм, 1930. — 28 с.
- Соловьев Д.С., Котенъков С.А. Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // АЕС. — № 3. — 2022. — С. 304–313.
- Татаринов С.И., Копыл С.Г., Колесник А.В., Дегерменджи С.М. Отчет об археологических разведках и раскопках Артемовской экспедиции. — 1976.
- Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В. Два праболгарских могильника на Северском Донце. — СА. — № 1. — 1986. — С. 209–221.

- Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М.: ИА РАН, 1996. — 100 с.
- Флеров В.С. «Города»? Археологический аспект проблемы // Тюркские народы в древности и средневековье. Тюркологический сборник 2003–2004. — М., 2005.
- Флёррова В.Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII века. — СПб.: Алексея, 2001. — 352 с.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцового эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2012. — С. 125–192.
- Чернигова Н.В. Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII–X вв. // Вісник Харківського державного університету. Історія. — Вип. 30. — Харків: Вид. ХДУ, 1998. — С. 52–58.
- Шамрай А., Духін О. Ювелірні центри на Сіверському Дінці // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ, 22–24 квітня 1997 року. Наукові матеріали. — Київ: ун-т ім. Тараса Шевченка, каф. археології та музеєзнавства [ред. кол. Андрощук Ф.О. та ін. ; упоряд. Піоро В.І.]. — Київ: Вид.-поліграф. центр «Київський університет», 1997. — С. 135–138.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2009. — Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2009. — С. 56–61.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Христианское население среднего течения Северского Донца в X–XIII вв. // Святогірський альманах, 2010. — Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2010. — С. 49–55.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Свинцовая булла князя Изяслава Мстиславовича из Подонцового // Святогірський альманах 2011. — Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2011. — С. 65–69.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Новые данные о древнерусских находках в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2012. — Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2012. — С. 55–61.
- Шамрай А.В., Филиппов А.П. Кресты-энколпионы с территории среднего течения Северского Донца // Святогірський альманах (2013). — Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2013. — С. 69–74.
- Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчёт об археологических исследованиях экспедиции в 1988 г. // Архив ИА НАНУ № 1988 / 165.
- Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. // Архив ИА НАНУ № 1989 / 249.
- Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Подонцовые-Приазовье в эпоху раннего средневековья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1990.
- Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. — Т. 2. — София: Аргес, 1991. — С. 109–123.

- Швецов М., Кравченко Е. Нові матеріали до історії ісламу в Україні //Історія релігії в Україні. Тези повідомлень. — Ч. 5. — Київ–Львів, 1995. — С. 503–505.
- Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В.Евглевский. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2001. — С. 333–346.
- Швецов М.Л. О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В.Евглевский. — Донецк: Изд. ДонНУ, 2012. — С. 97–116.
- Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху средневековья (на примере Подонцовья — Приазовья) // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья. — Донецк, 2018 а. — С. 117–121.
- Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VIII вв. // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья. — Донецк, 2018 б. — С. 172–184.
- Швецов М.Л. Праболгары Подонцовья и Приазовья VII–XIII вв. — вопрос государственности? // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья. — Донецк, 2018 в. — С. 185–208.
- Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1960 г. // Архив ИА НАНУ № 1960 / 27.

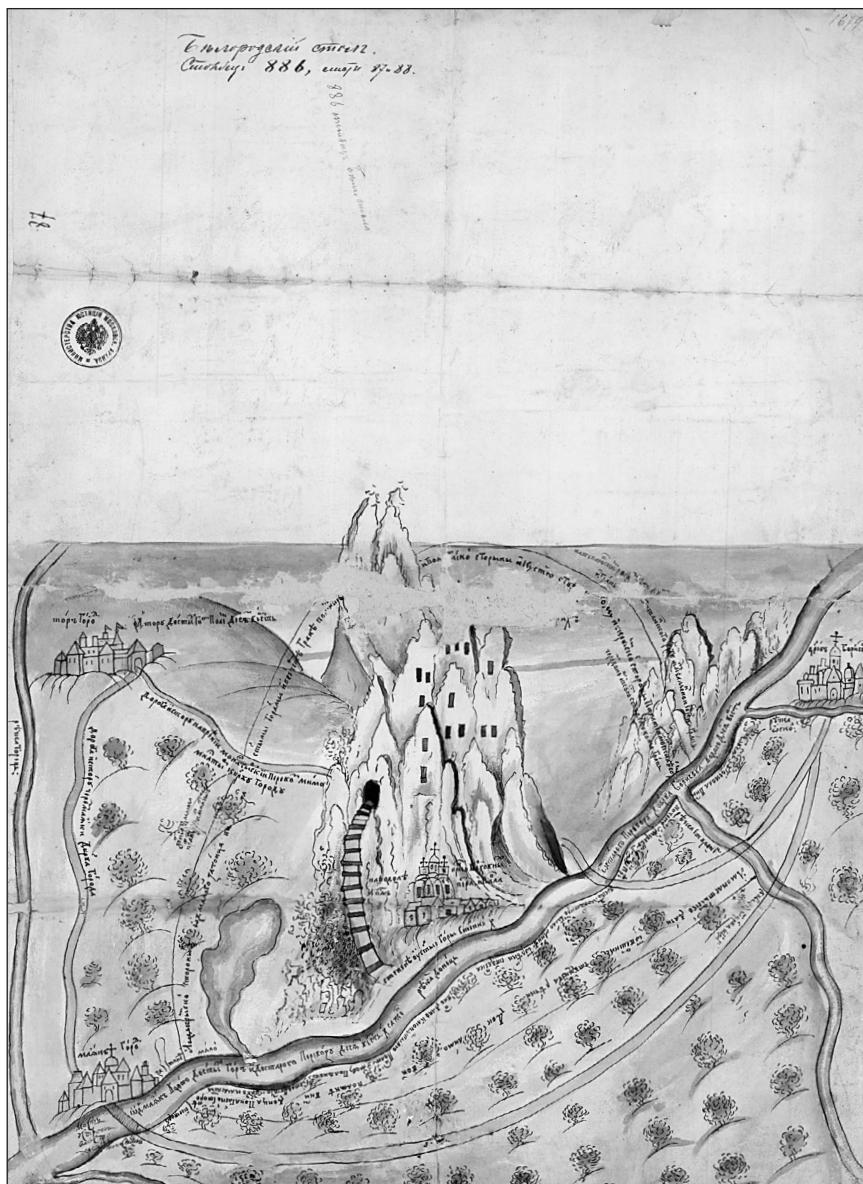

Рис. 1. План Святогорского монастыря с близлежащими населенными пунктами. 1679 г.

Рис. 2. Царино городище. Вид с востока. Фото 1936 г.

Рис. 3. Вид с юго-запада на селище 2. На дальнем плане видны работы экспедиции Г.Г.Афендика на «траншеях» 1 и 2. Фото 1936 г.

Рис. 4. Царино городище. Вид с востока. На переднем плане раскоп 29.
За ним виден пандус, по которому пролегал
восточный въезд на городище. 2005 г.

Рис. 5. Царино городище и центральная часть селища 2.
Вид юго-востока

Рис. 6. Вид на западную оконечность Царина городища
со стороны с. Маяки

Рис. 7. Селище 3 (передний план) и восточный склон Царина городища

Рис. 8. На заднем плане видно село Маяки.
Основной рукав Ложникова Яра. Вид с севера

Рис. 9. Селище 2. Вид с запада

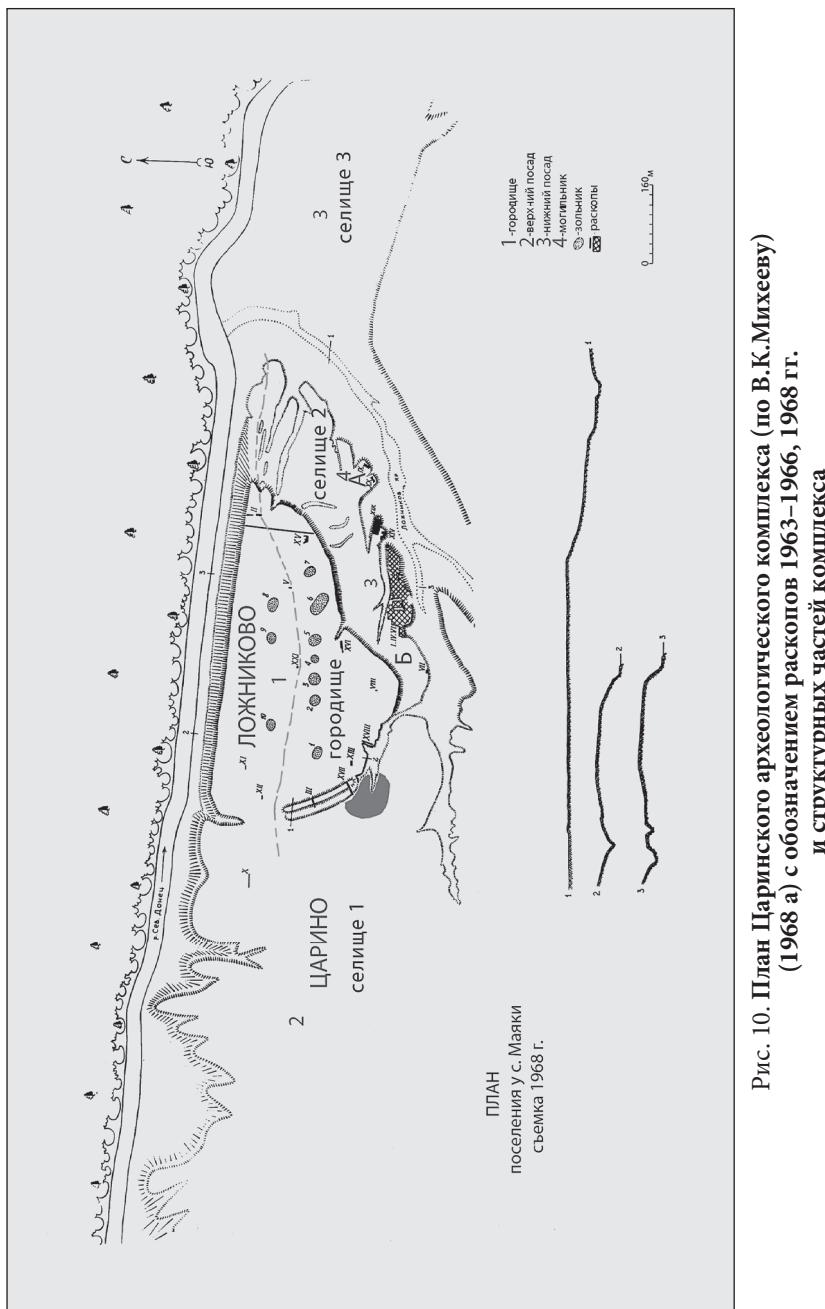

Рис. 10. План Царинского археологического комплекса (по В.К.Михееву)
(1968 а) с обозначением раскопов 1963-1966, 1968 гг.
и структурных частей комплекса

Рис. 11. Вид на селище 2 с северо-запада

Рис. 12. Селище 1. Вид на остатки линии укреплений городища у рукава отвершка Ложникова Яра

Рис. 13. Селище 1. Вид центральной части селища у развилки грунтовых дорог

Рис. 14. Восточная часть селища 1. Вид с юго-востока

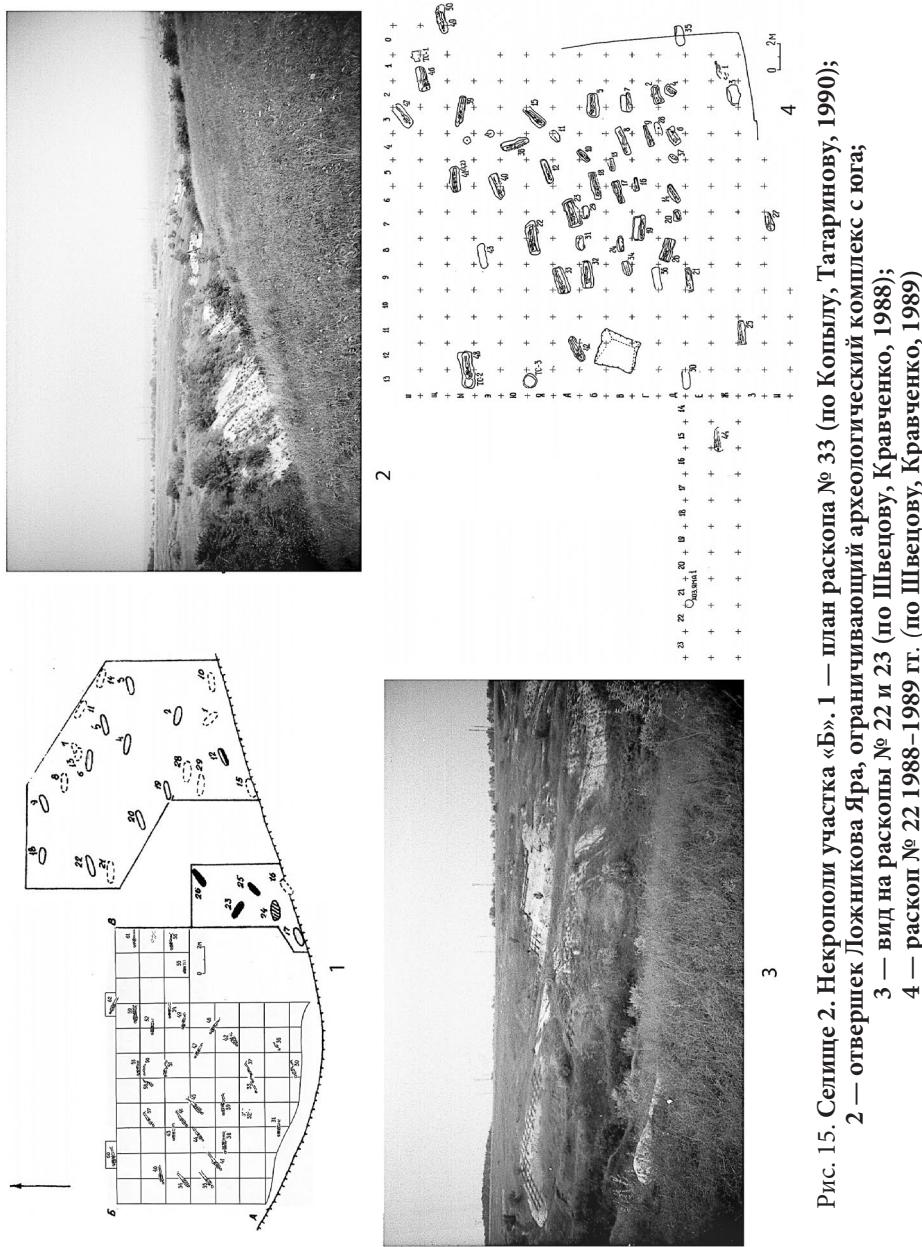

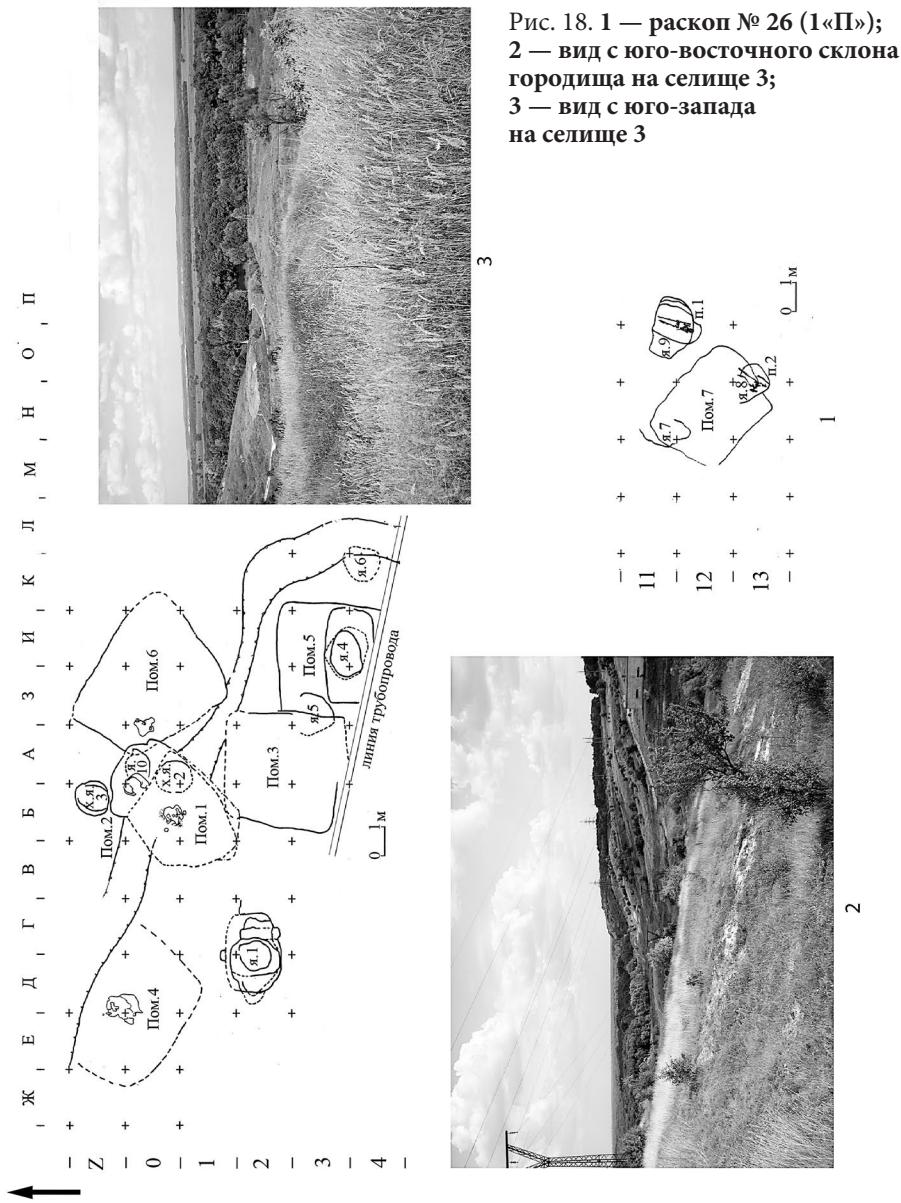
Рис. 15. Селище 2. Некрополи участка «Б». 1 — план раскопа № 33 (по Колыту, Тагаринову, 1990);
 2 — отверстие ложника Яра, ограничивающее археологический комплекс с юга;
 3 — вид на раскопы № 22 и 23 (по Швецову, Кравченко, 1988);
 4 — раскоп № 22 1988–1989 гг. (по Швецову, Кравченко, 1989)

Рис. 16. Площадка селища 2 с обозначением места расположения раскопов № 9, 20 и 31

Рис. 17. Скопление 1 в раскопе № 31. Фото 2008 г.

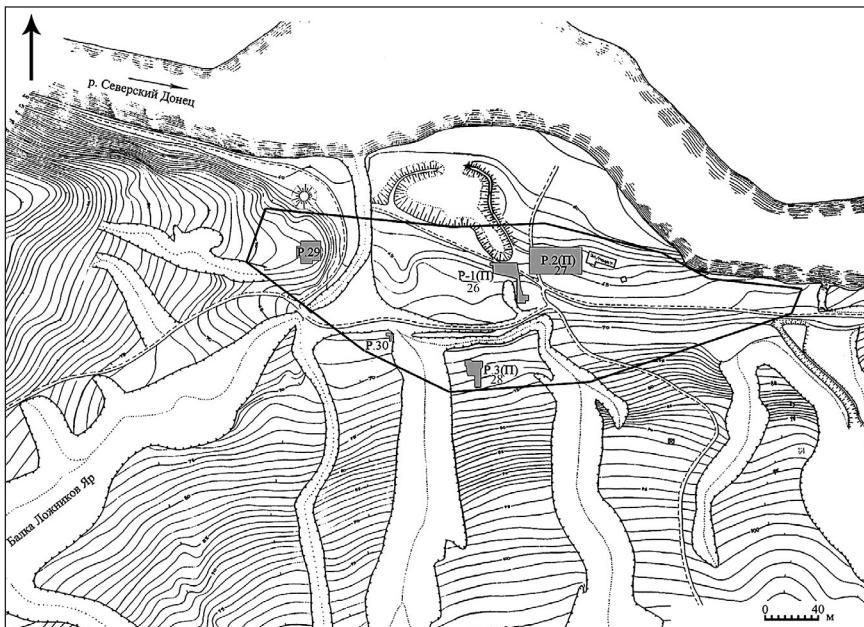

Рис. 19. План селища 3 с местом расположения раскопов № 26–30

Рис. 20. Вид селища 3 с юго-запада с обозначением мест расположения раскопов № 26–30. На дальнем плане — городище Осианская Гора

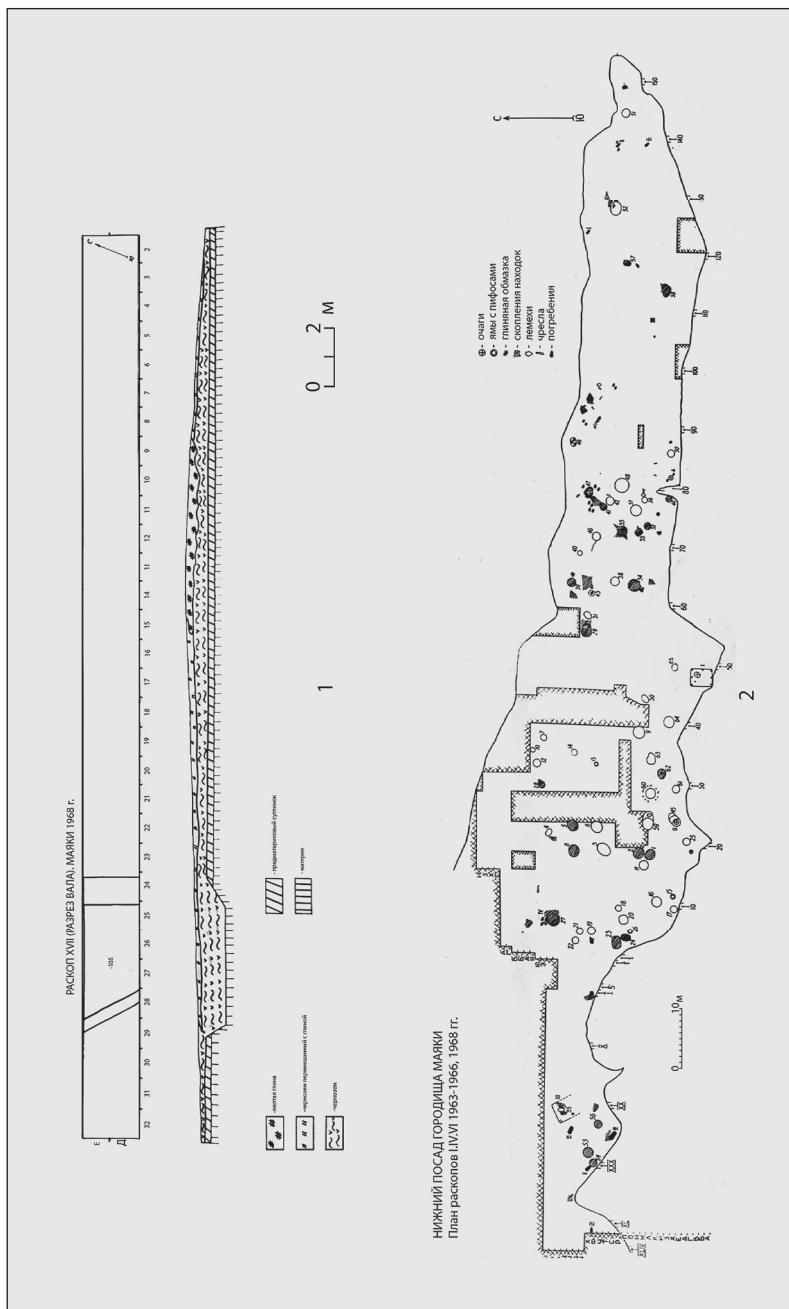
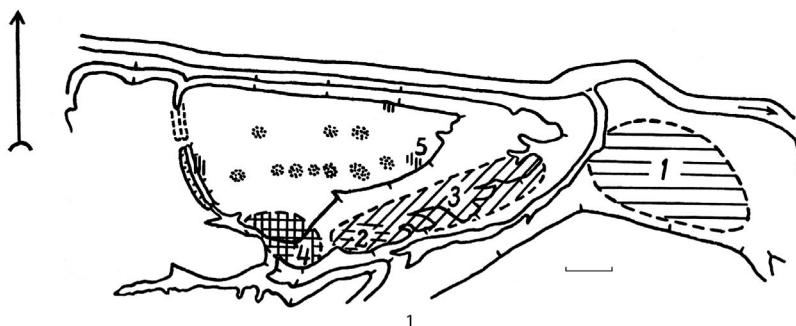

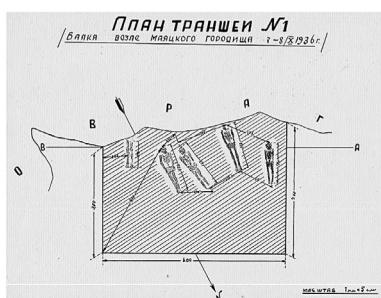
Рис. 21. 1 — общий план и разрез раскопа XVII (по В.К.Михееву, 1968 а);
2 — общий план «Большого» раскопа (I, IV, VI) (по В.К.Михееву, 1968 а)

2

3

4

Рис. 22. 1 — план некрополей 1-4 городища у села Маяки (по В.К.Михееву, 1985); 2 — работы Г.Г.Афендика на траншеях № 1 и 2. Фото 1936 г.; 3 — траншея № 1. Фото 1936 г.; 4 — план траншеи № 1 (по Г.Г.Афендику)

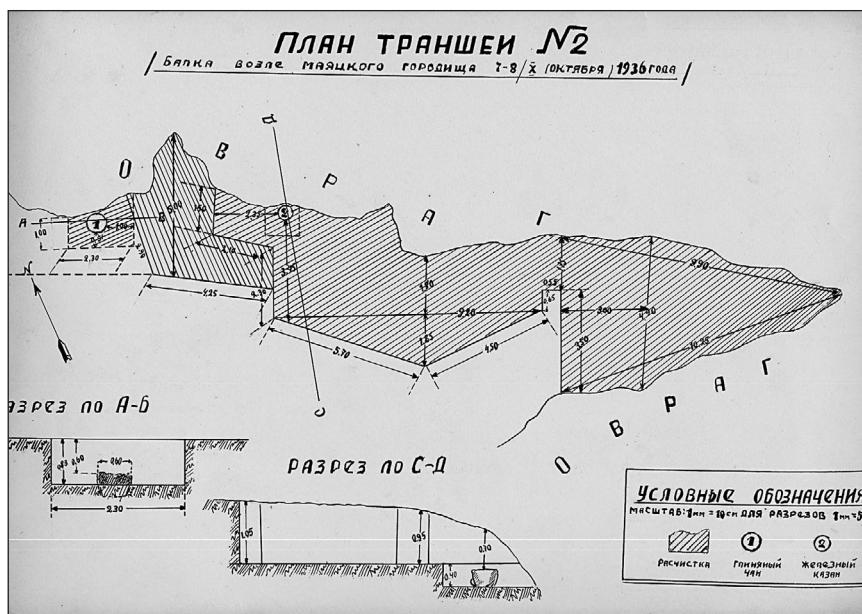
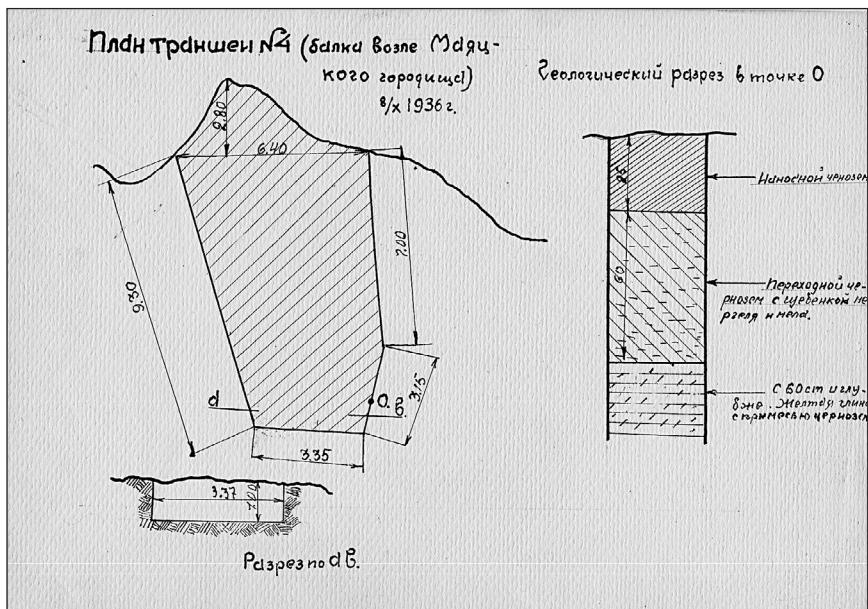
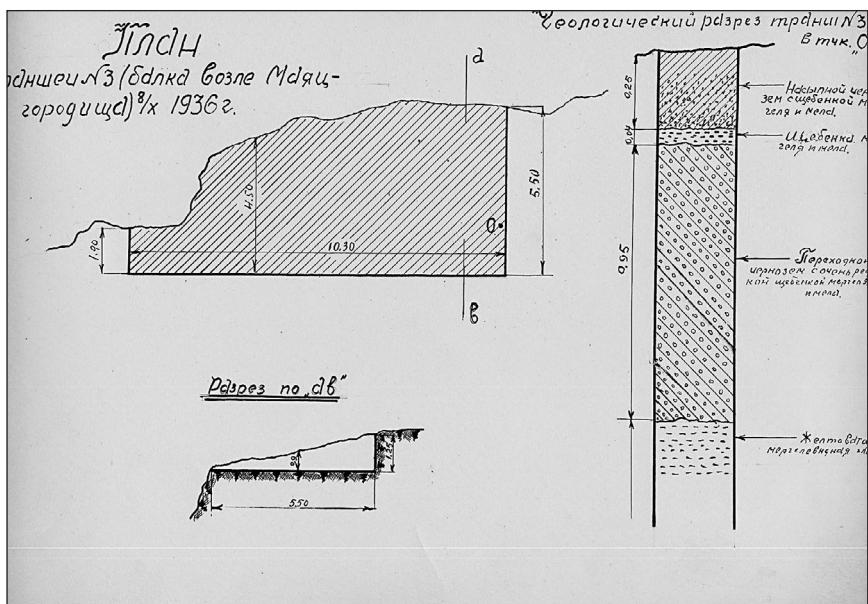

Рис. 23. 1 — план траншеи № 2 (по Г.Г.Афендику)

Рис. 24. Нахodka железного котла в траншее № 2. Фото 1936 г.

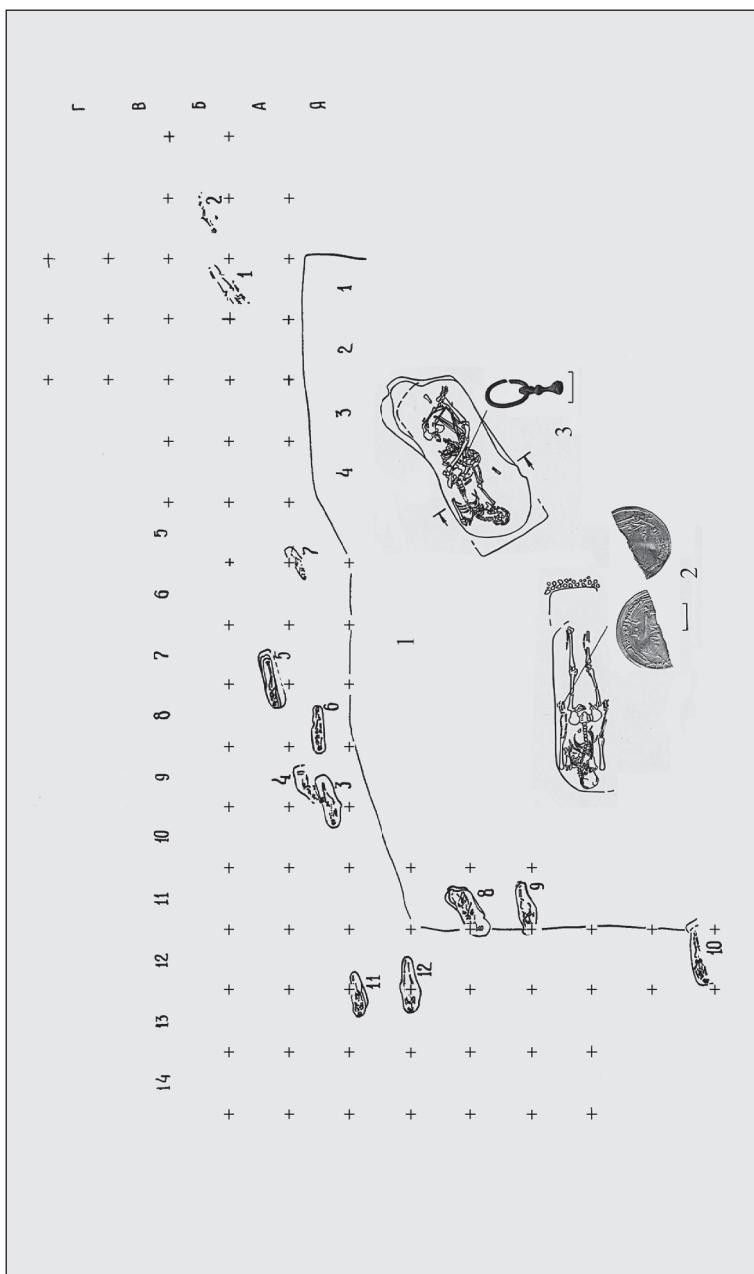

Рис. 26. Раскоп № 23 1988 г. 1 — общий план раскопа № 23 (по Швецову, Кравченко, 1988); 2 — план погребения 44 раскопа № 22 с фото монеты из него (по Ходжайову, Швецову, Ходжайовой, Фризену, 2012); 3 — план потребления 8 раскопа № 23 с фото серти из него (по Ходжайову, Швецову, Ходжайовой, Фризену, 2012)

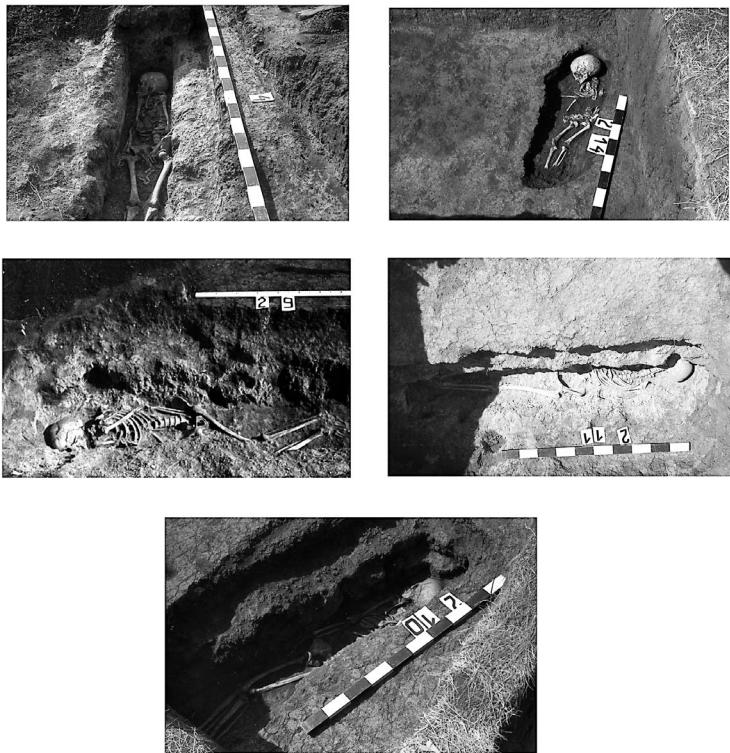
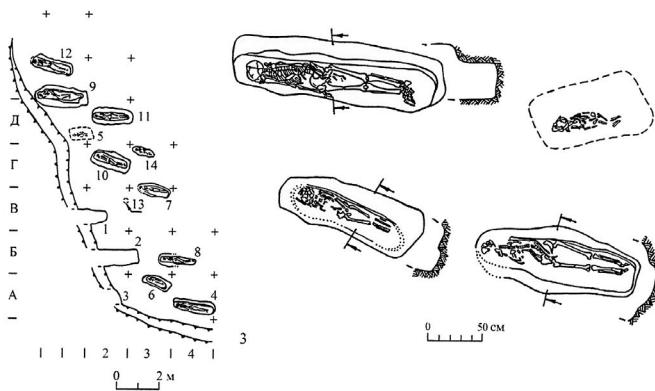

Рис. 27. 1 — общий план и чертежи захоронений из раскопа № 35 (по Швецову, Кравченко, 1989); фото погребений раскопа № 35

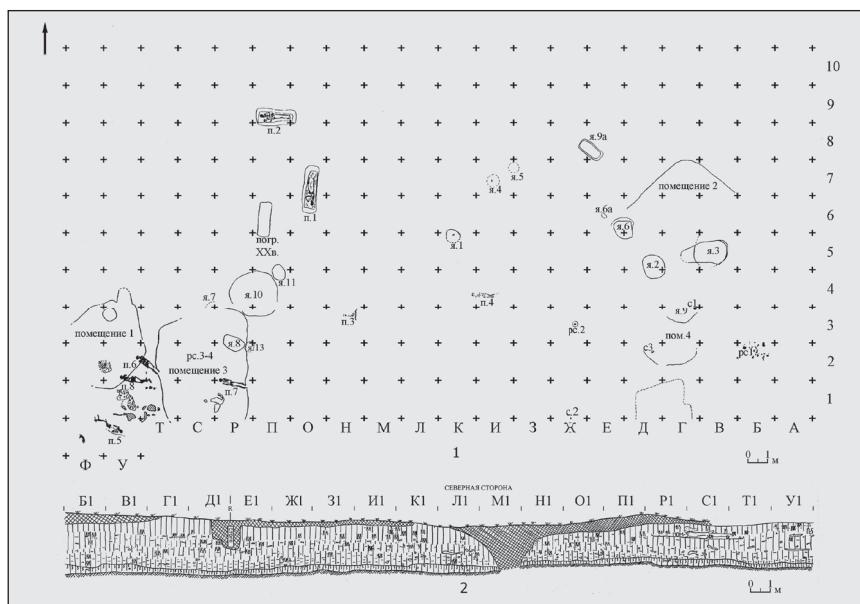

Рис. 28. Раскоп № 27 1990–1991 гг. Общий план и разрез раскопа

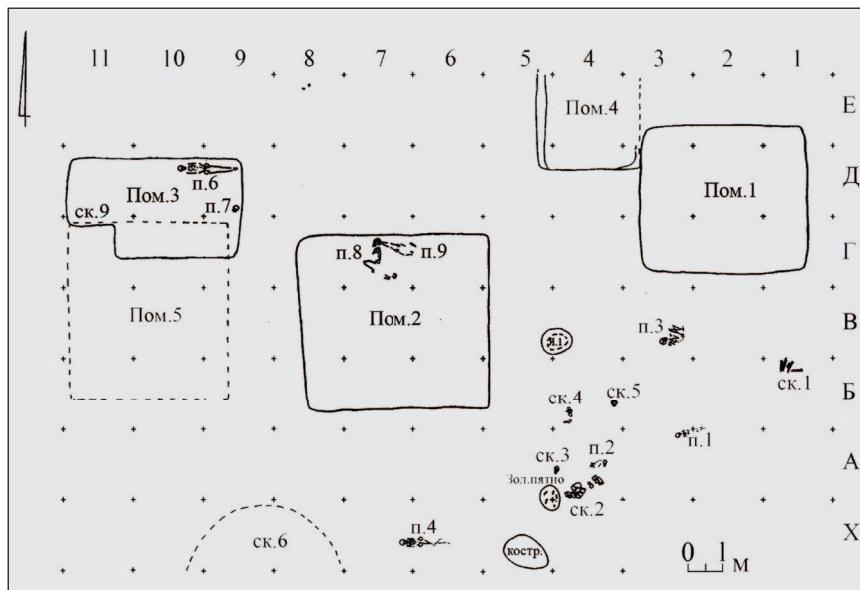

Рис. 29. Раскоп № 29 2005 г. Общий план

158 Э.Е.Кравченко. ЦАРИНО ГОРОДИЩЕ. Формирование поселенческой структуры

Рис. 30. Фото места расположения раскопа № 30 2005 г.

Рис. 31. Деталь костяной рукояти из помещения 2
раскопа № 29. 2005 г.

Рис. 32. Место расположения раскопа № 32. Фото 2008 г.

Рис. 33. Раскоп № 29. 2005 г. Помещение 2

Рис. 34. Раскоп № 31 2008 г. 1 — общий план; 2 — разрез раскопа; 3 — скопление 1 в салтовском слое; 4 — план помещения из нижнего слоя раскопа

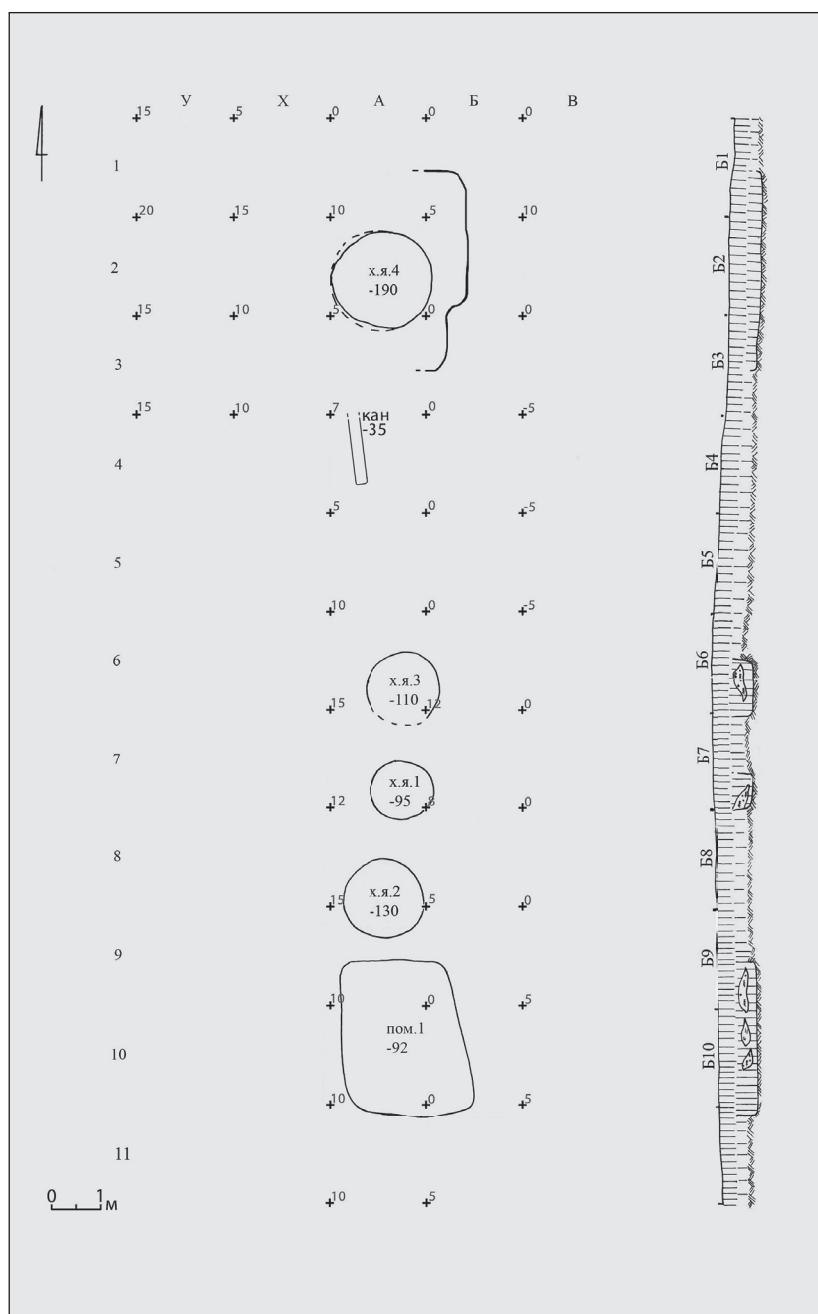

Рис. 35. Общий план и разрез раскопа № 32. 2008 г.

Рис. 36. Работы на раскопе № 37. 2012 г.
На переднем плане А.Н.Петренко, рядом — А.В.Шамрай и А.И.Духин

Рис. 37. Комплекс, выявленный в раскопе № 37. 2012 г.

Рис. 38. Царинский археологический комплекс. Северо-восточный угол Царина городища. Виден эскарп

Рис. 39. Эскарп на северном склоне Царина городища

Рис. 40. Ровная площадка эскарпа

Рис. 41. Ровик на площадке эскарпа

Рис. 42. Фото ямы в карьере
на юго-восточном склоне
городища. Фото 1988 г.

Рис. 43. Фото ямы в карьере
на юго-восточном склоне
городища после расчистки.
Фото 1988 г.

Рис. 44. Пятно канала в верхнем слое раскопа № 32.
Зачистка ниже пахотного слоя

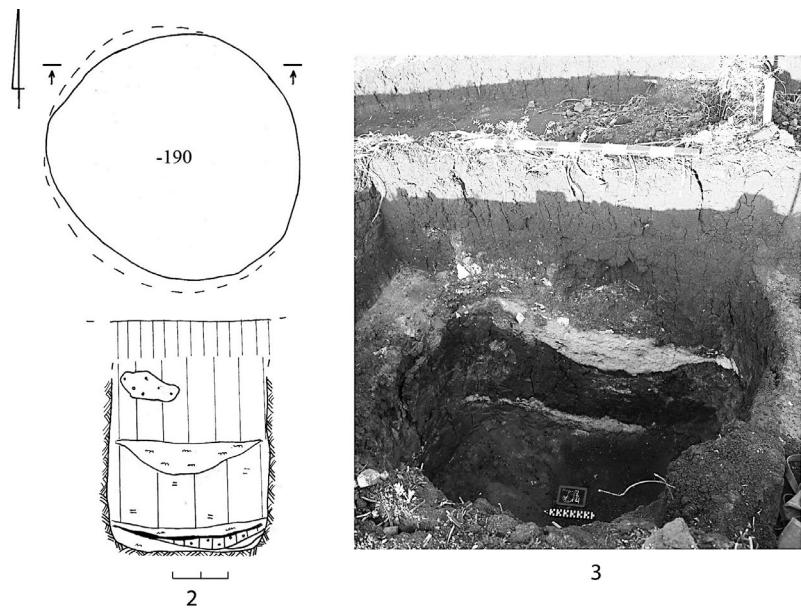

Рис. 45. Раскоп № 32. 2008 г. 1 — план и разрез ямы 4; 2 — фото ямы 4

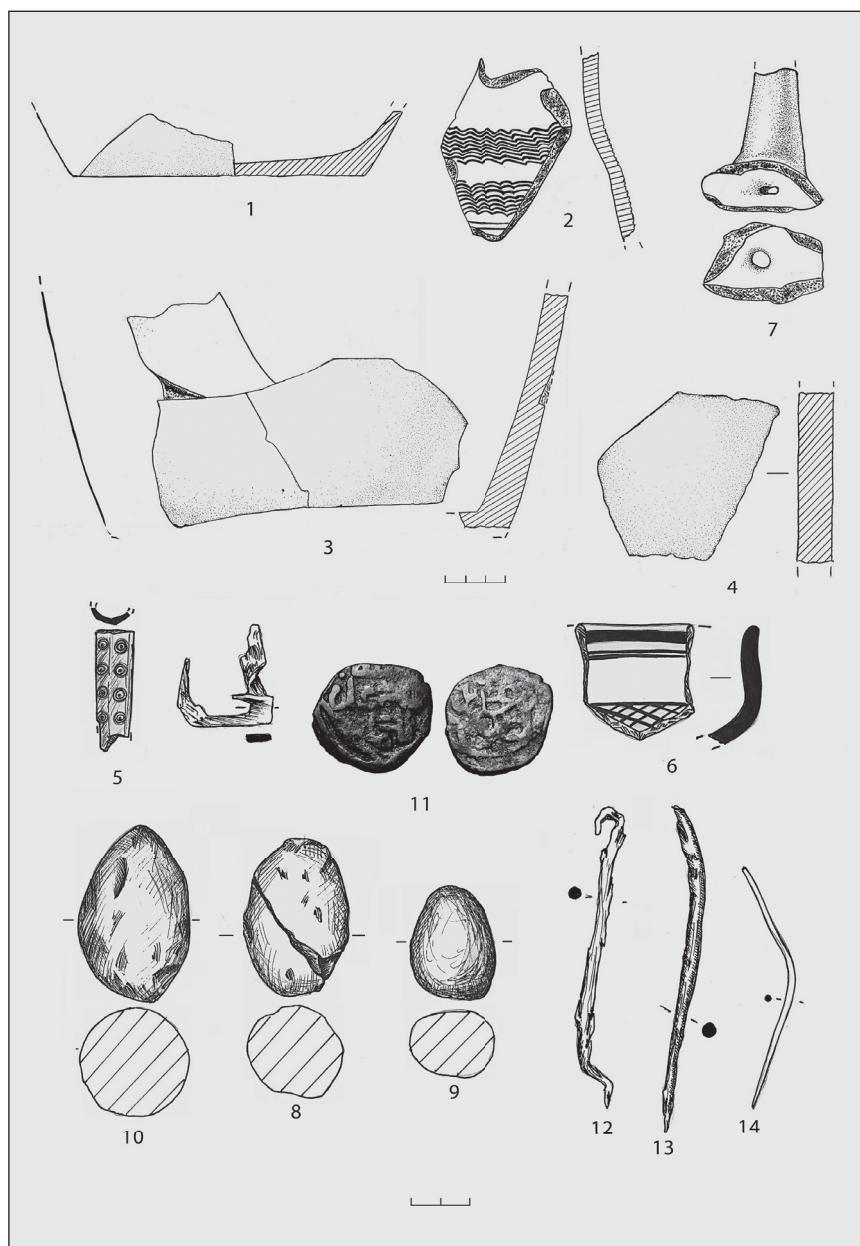

Рис. 46. Раскоп № 32. 2008 г. Предметы из заполнения ямы 4

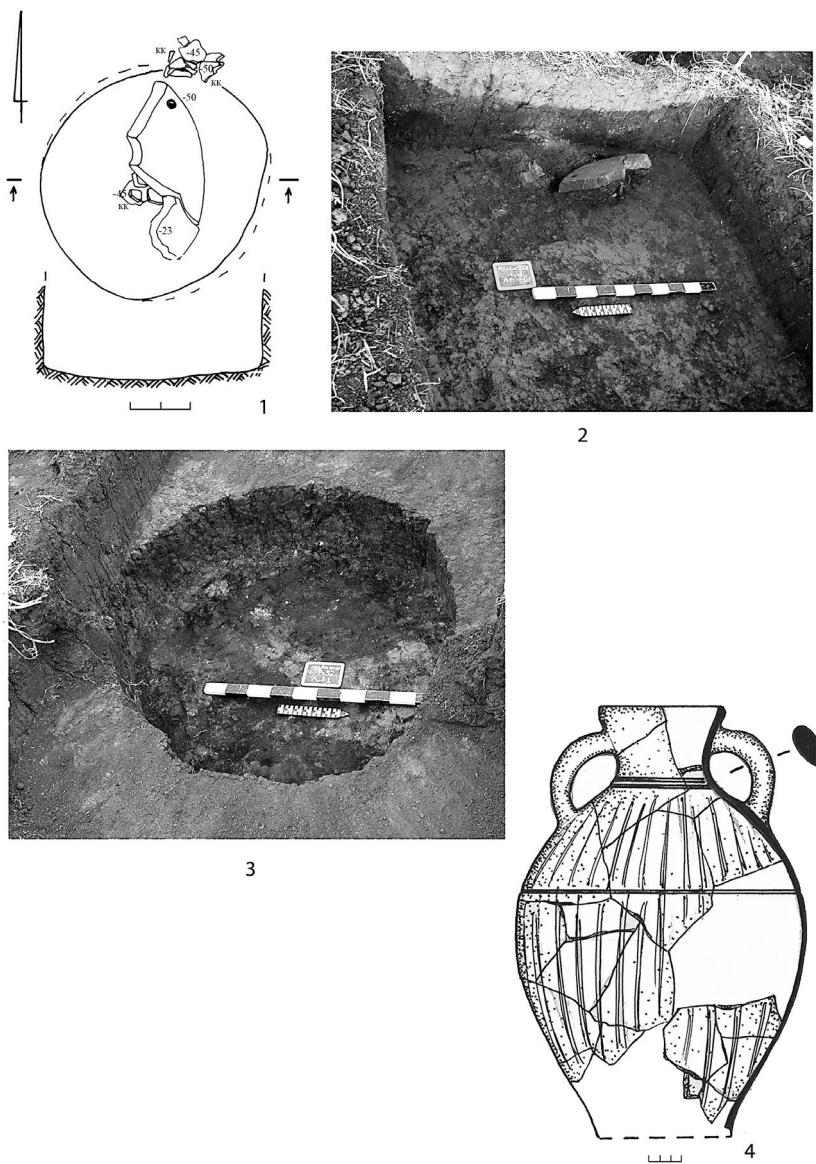

Рис. 47. Раскоп № 32. 2008 г. Хозяйственная яма 1. 1 — план и разрез ямы; 2 — фото зачистки ямы на уровне -50 см; фото расчищенной ямы 1; 4 — сосуд из заполнения ямы 1

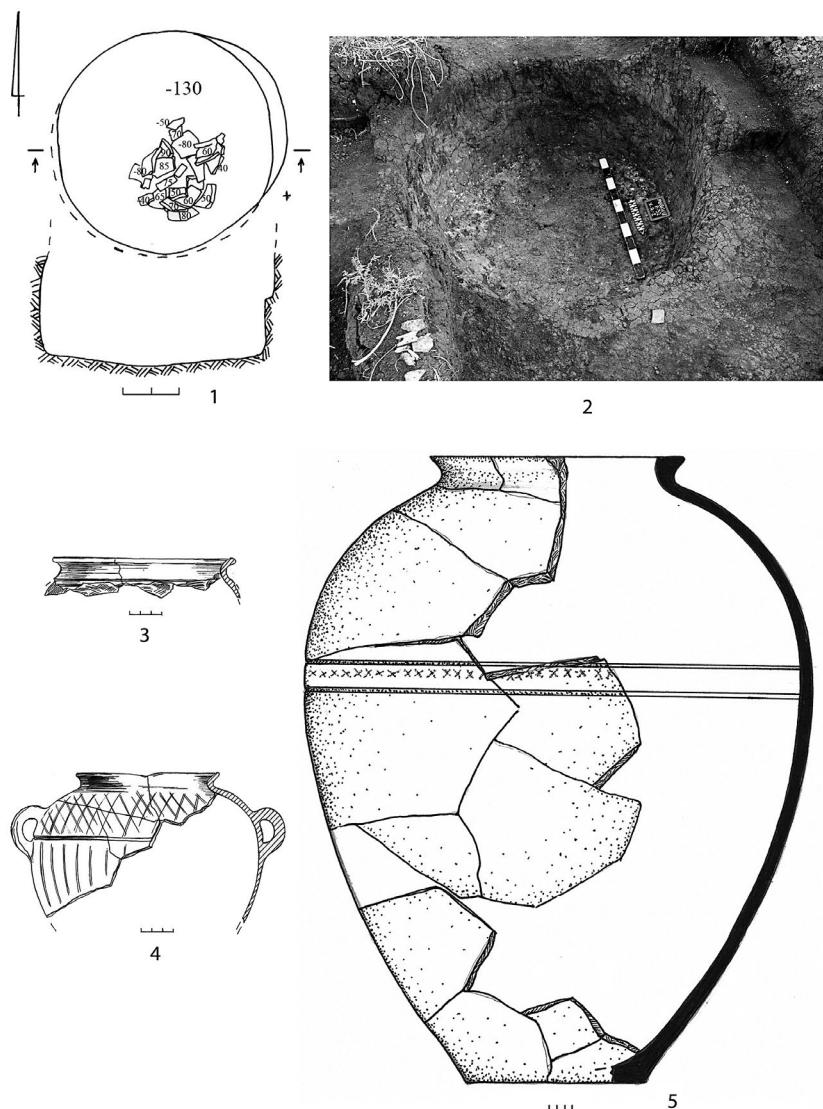

Рис. 48. Раскоп № 32. 2008 г. Хозяйственная яма 2. 1 — план ямы; 2 — фото расчищенного комплекса; 3—5 — керамика из заполнения ямы

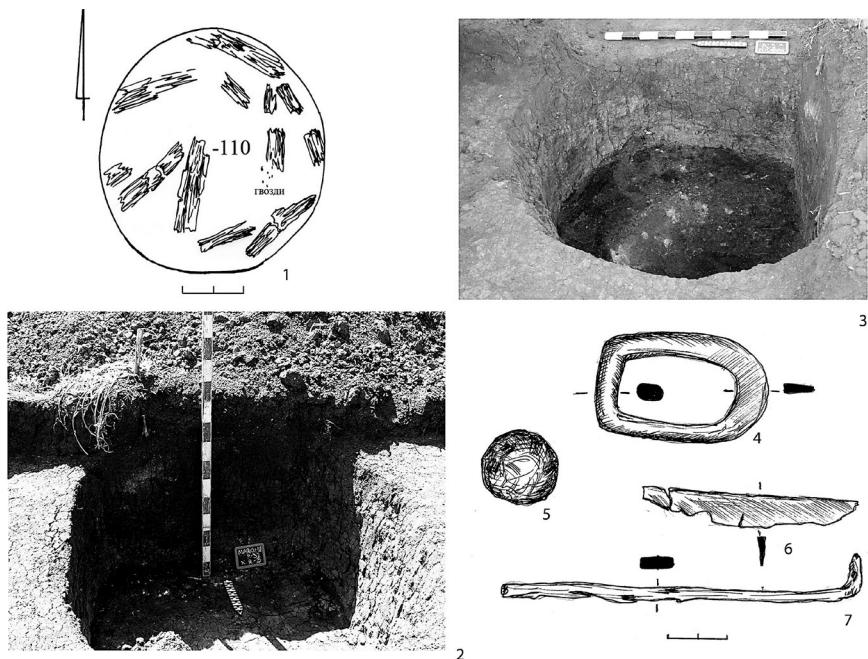

Рис. 49. Раскоп № 32 2008 г. Хозяйственная яма 3. 1 — план; 2—3 — фото расчищенной ямы; 4—7 — металлические предметы из заполнения ямы

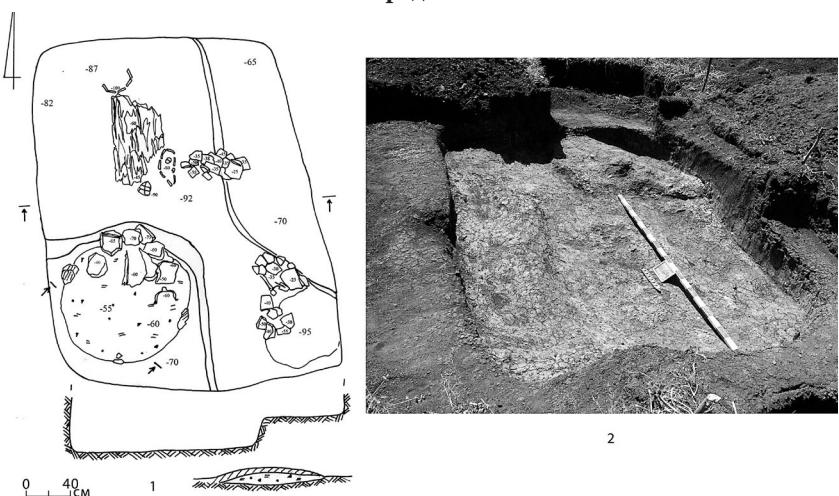

Рис. 50. Помещение 1 раскопа № 32. 1 — план и разрез помещения; 2 — фото помещения

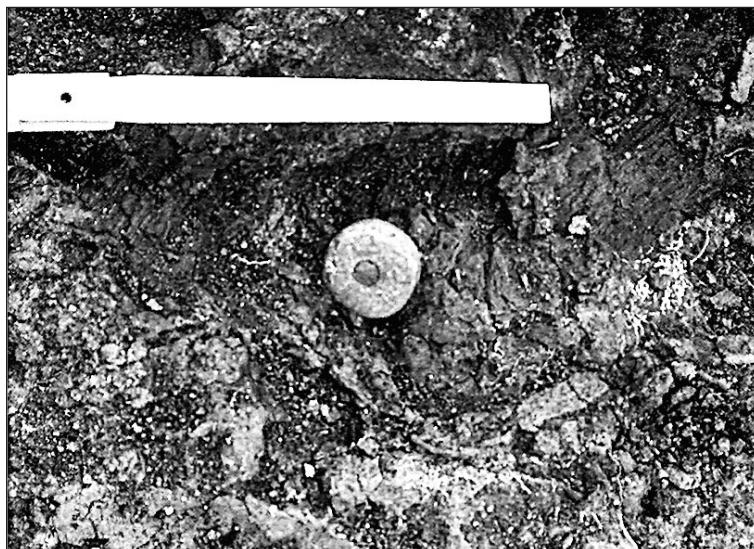
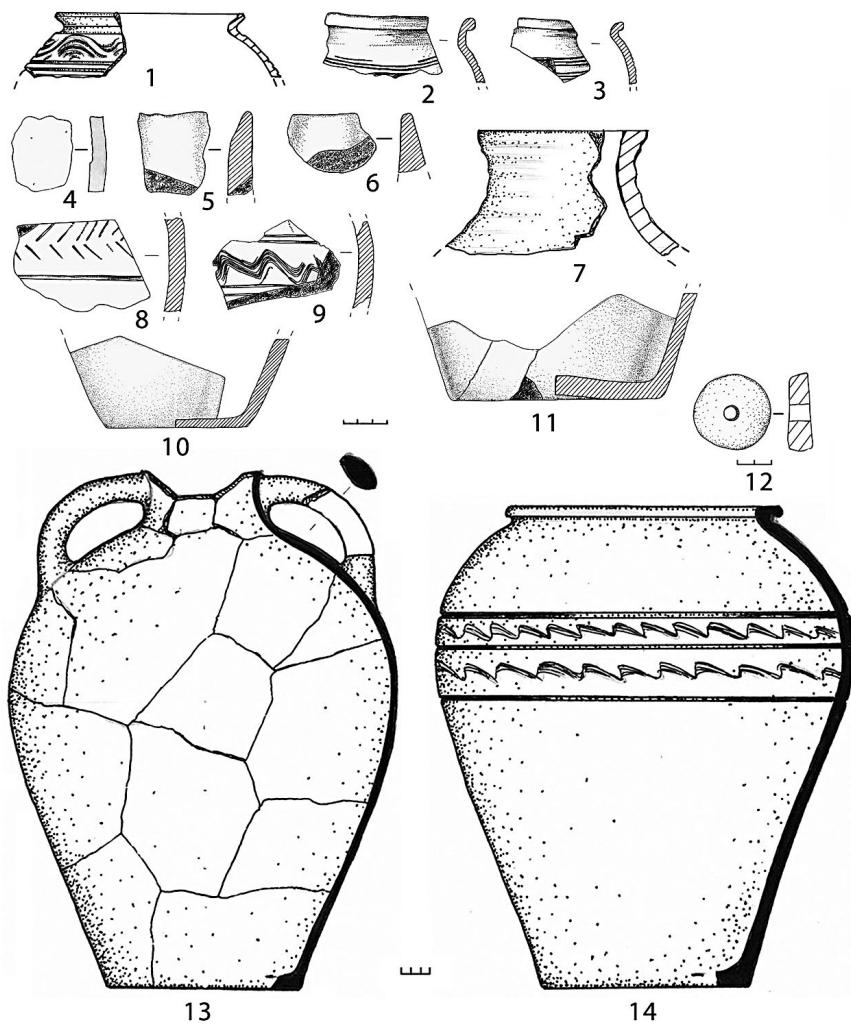

Рис. 51. Помещение 1 раскопа № 32. 1-14 — керамика из заполнения помещения; 2-3 — фрагменты керамики и металлические предметы на дне котлована, разрушенные воздействием высокой температуры

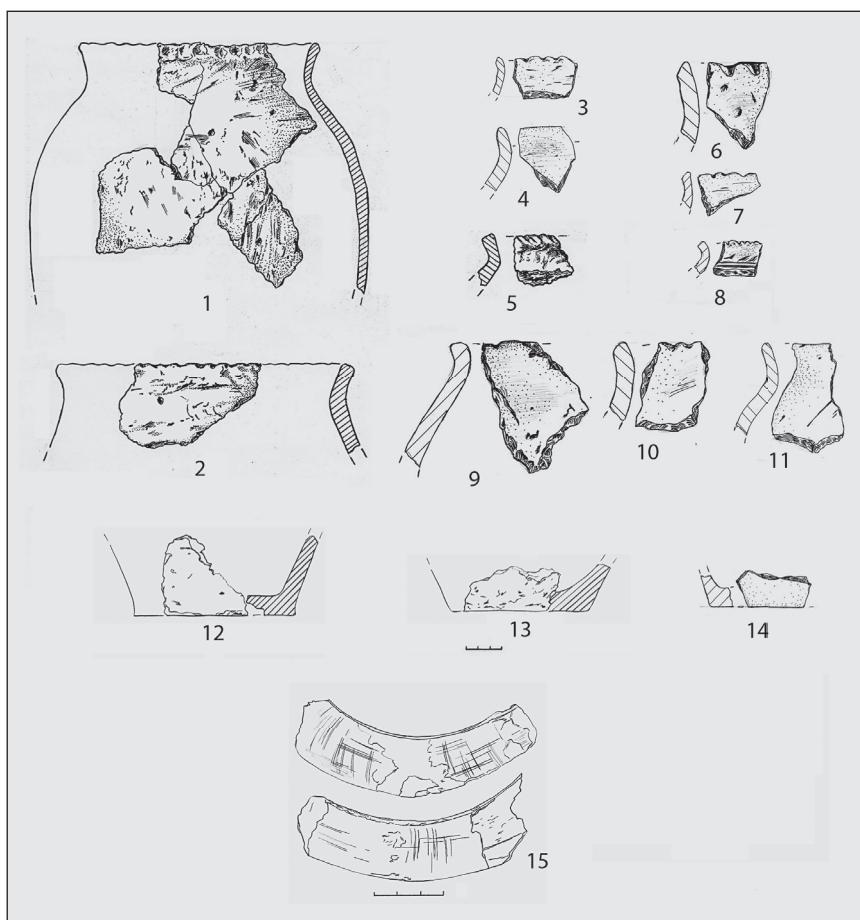

Рис. 52. Керамика и клык дикого кабана из заполнения помещения в нижнем слое раскопа № 31. 2008 г.

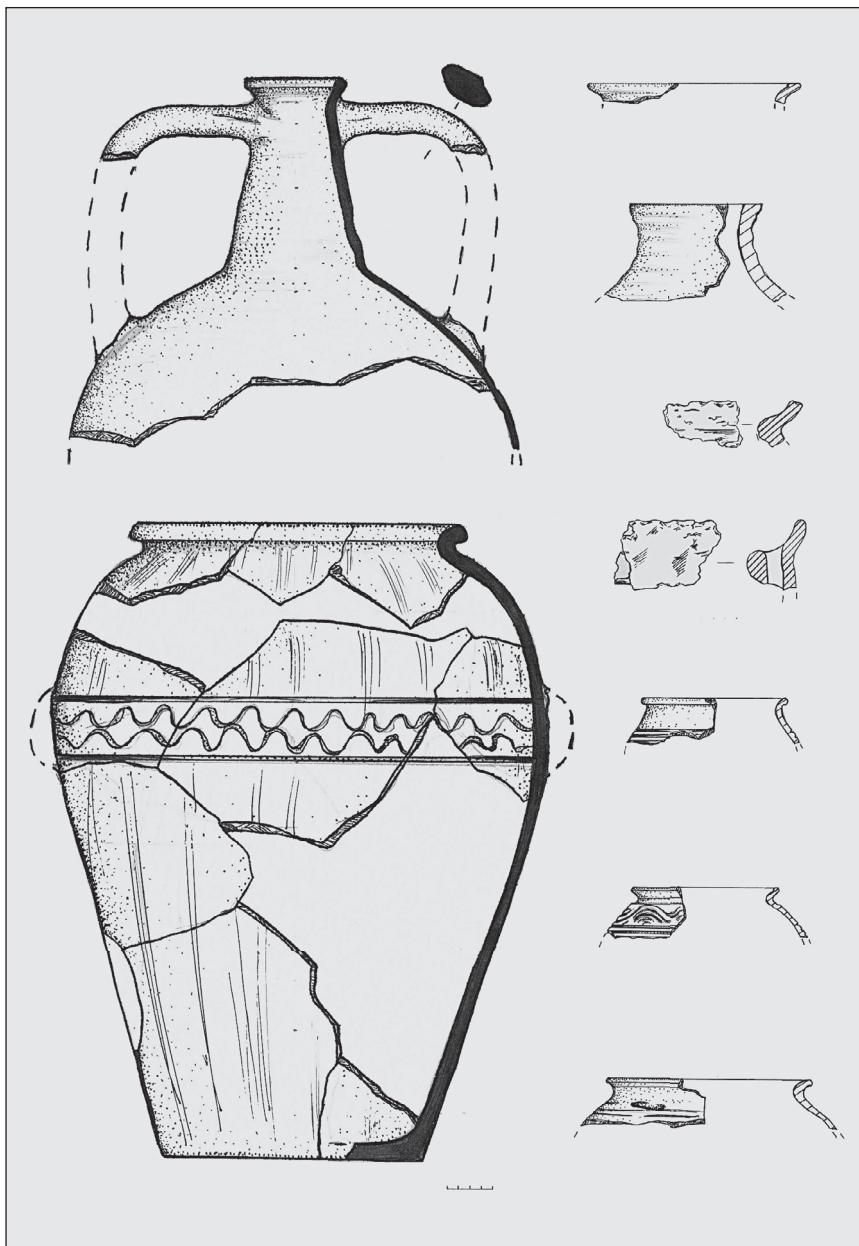

Рис. 53. Керамические изделия из скопления 1
и верхнего слоя раскопа № 31

Рис. 54. Развал керамического пифоса, расчищенный А.В.Шамраем на площадке в западной части селища 2

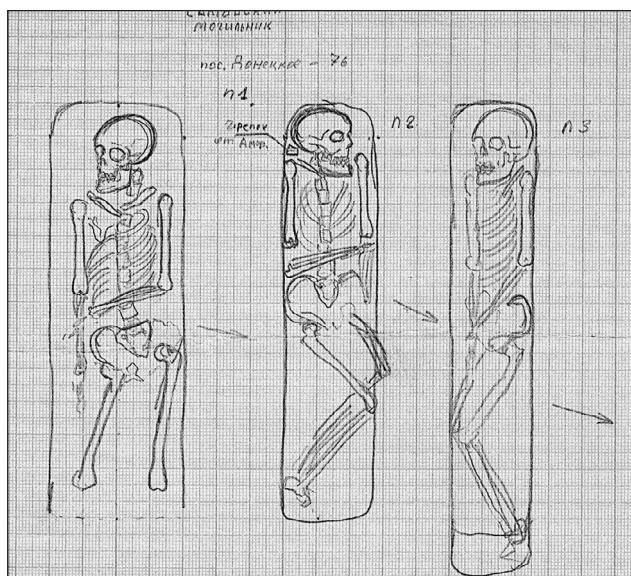

Рис. 55. Захоронения, расчищенные А.И.Приваловым на селище 2.
1976 г.

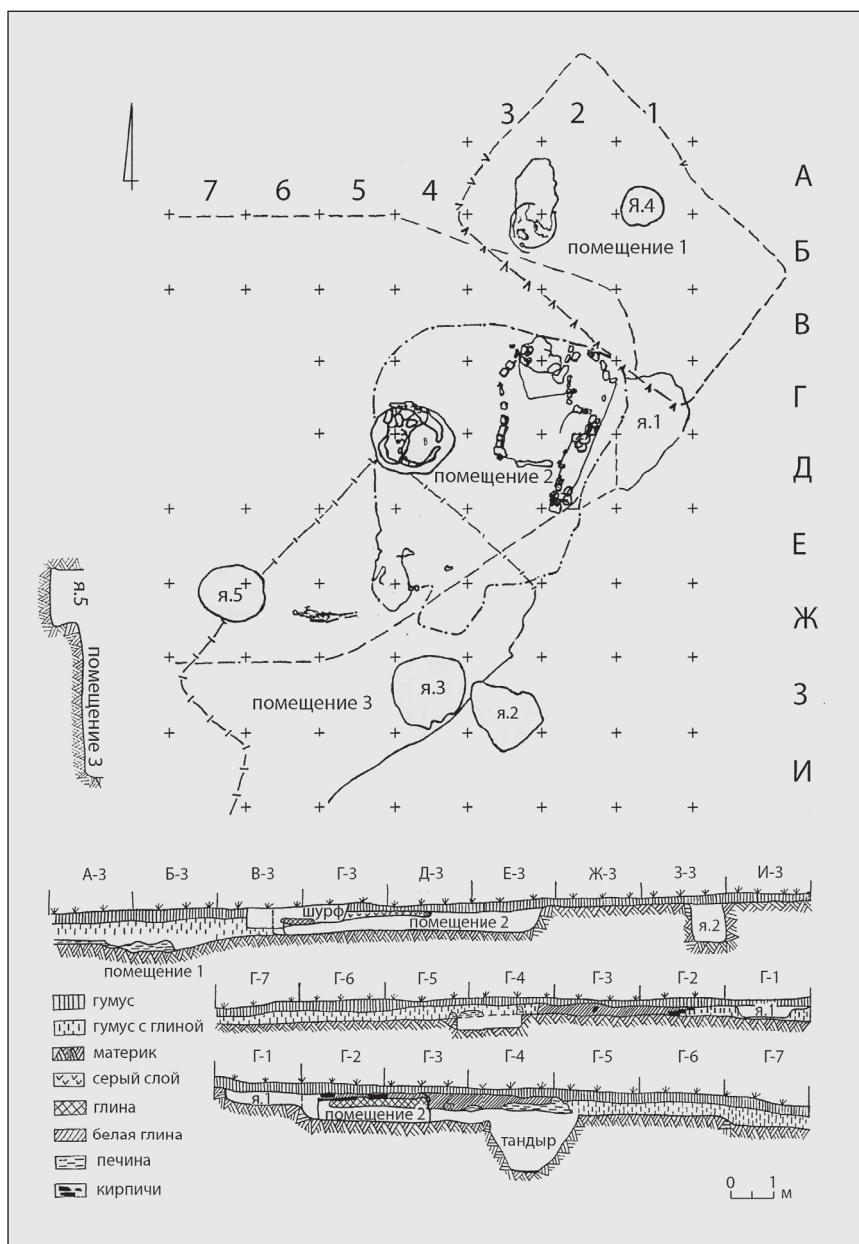

Рис. 56. Общий план и разрезы раскопа № 25 (1«Г»).
1989 г. (по Швецову, 2012)

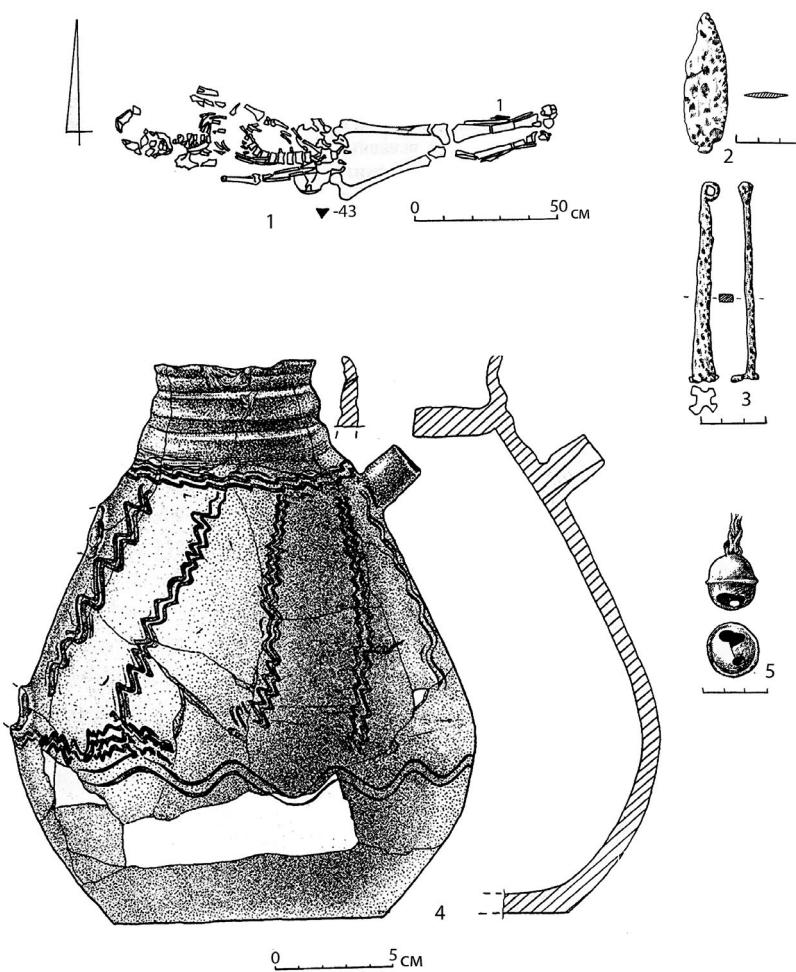

Рис. 57. Погребение и предметы из раскопа № 25 (по Швецову, 2012)

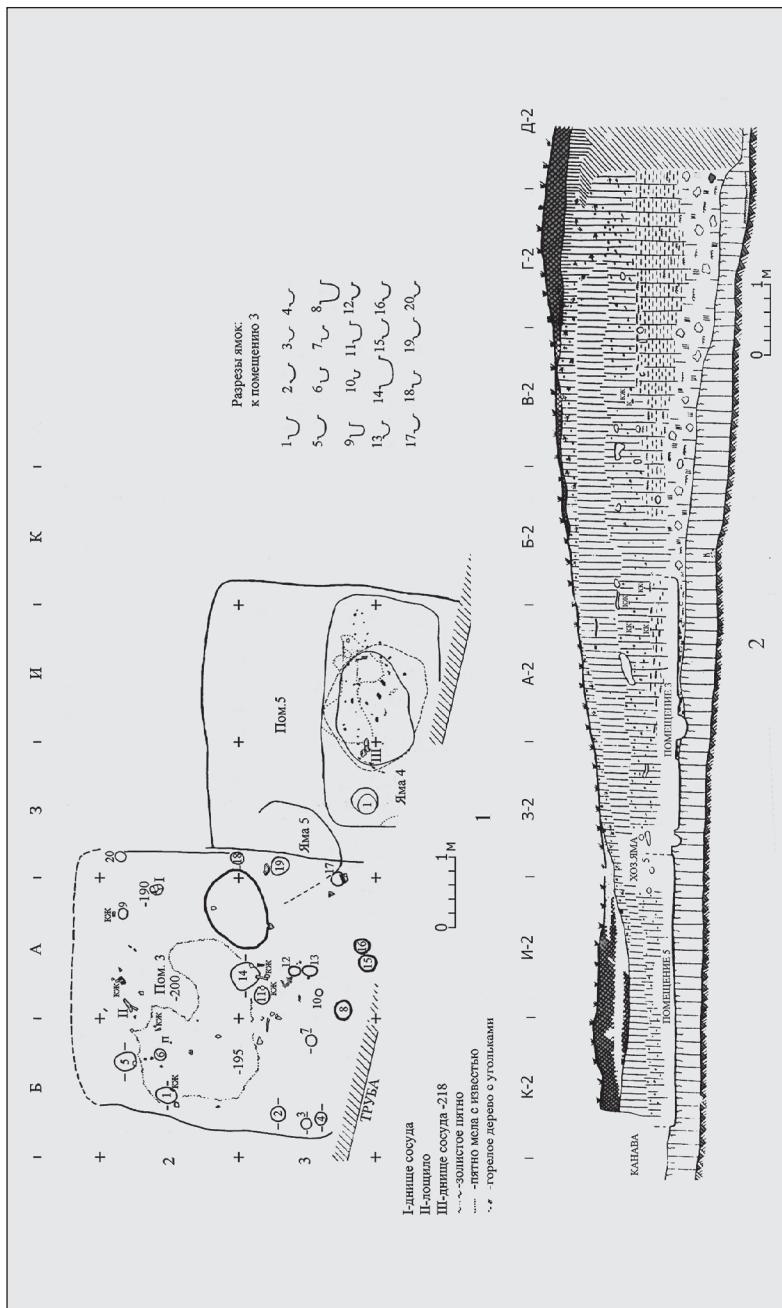

Рис. 58. Раскоп № 26 1990 г. на селище 3, 1 — общие планы помещений 3 и 5 (пеньковская культура);
2 — разрез культурных напластований раскопа

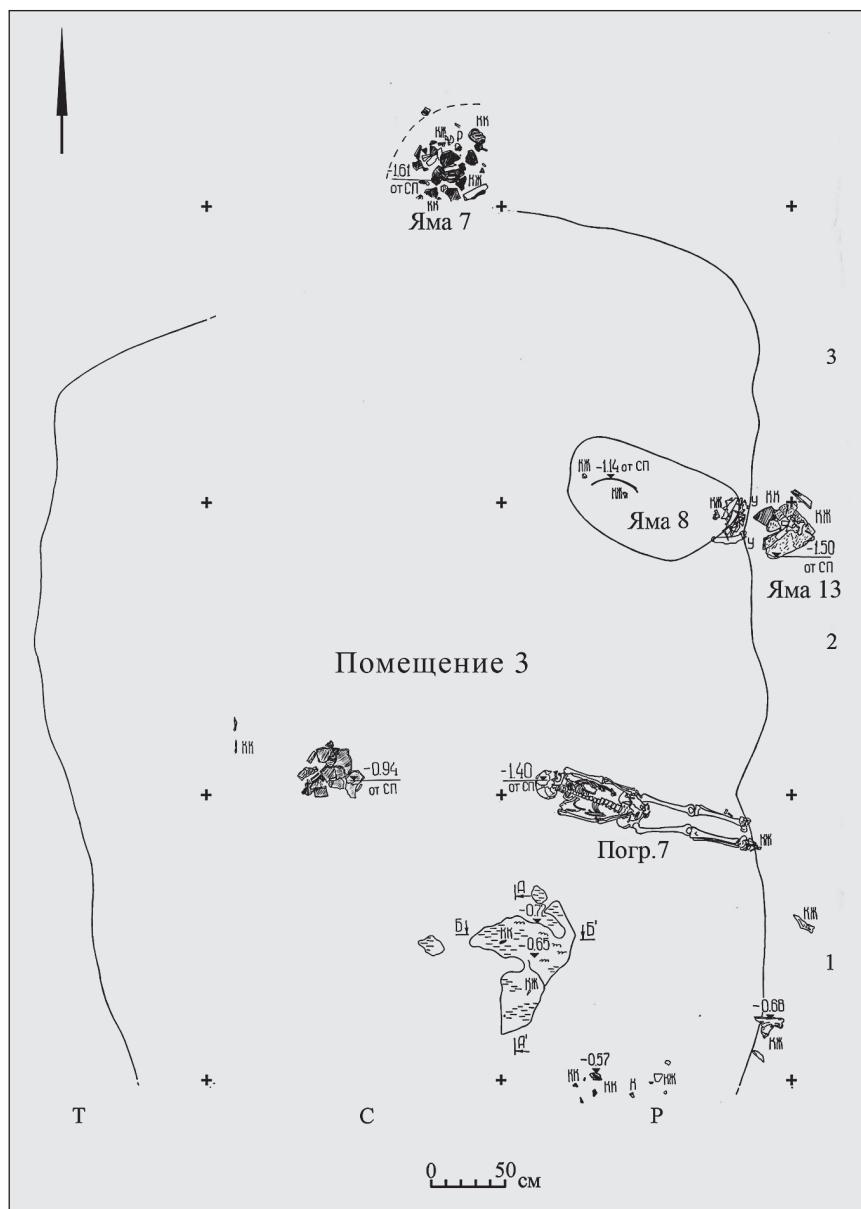

Рис. 59. Общий план помещения 3 раскопа № 27 (пеньковская культура) с прорезавшими его более поздними комплексами (по Кравченко, Швецову, 1991)

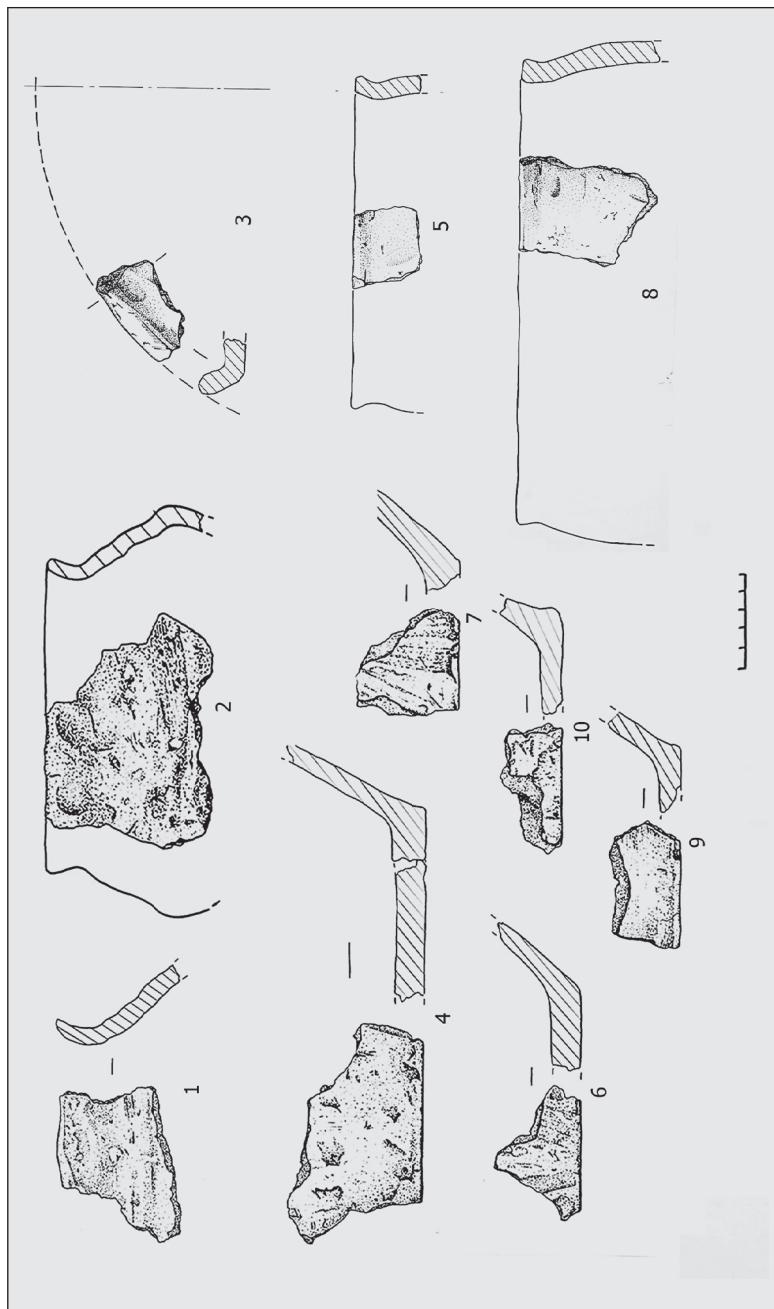

Рис. 60. Селище 3. Керамика из слоя пеньковской культуры раскопа № 27

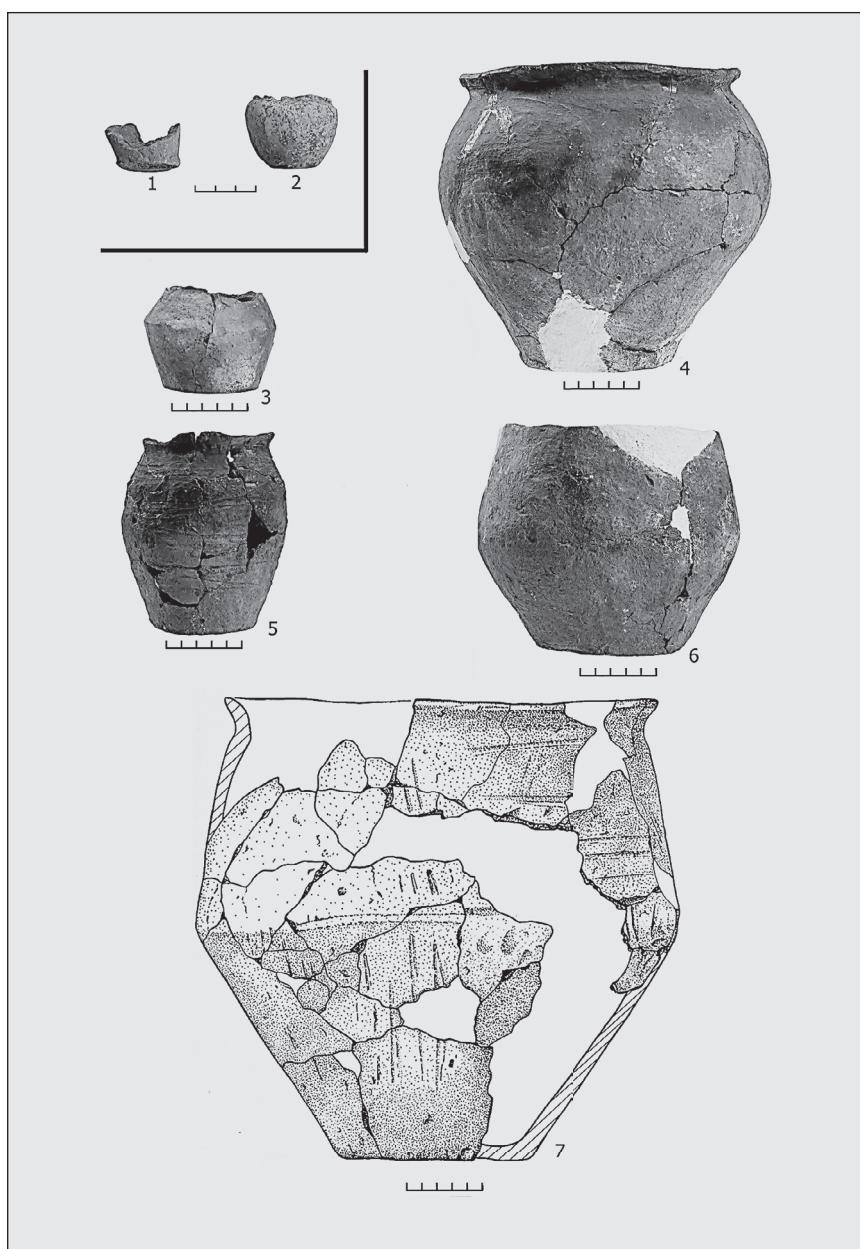

Рис. 61. Селище 3. Керамические сосуды из раннесредневековых слоев раскопа № 27

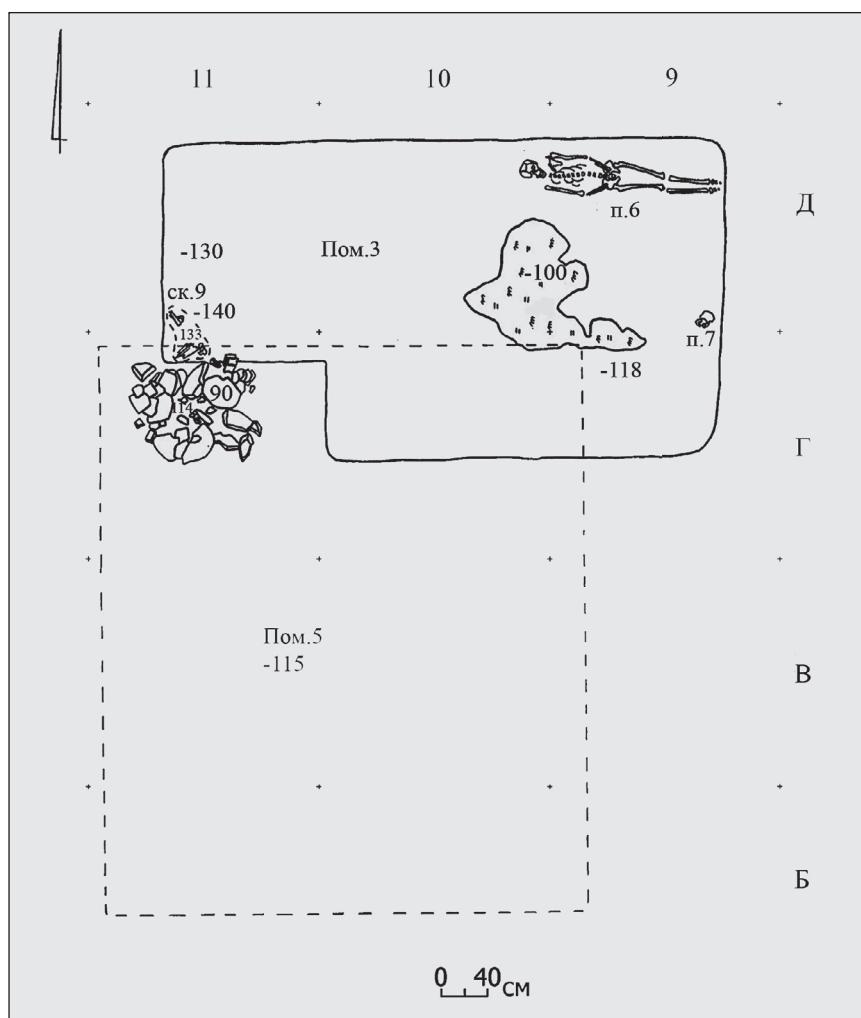

Рис. 62. Селище 3. План помещений 3 и 5 и погребения 6
раскопа № 29. 2005 г.

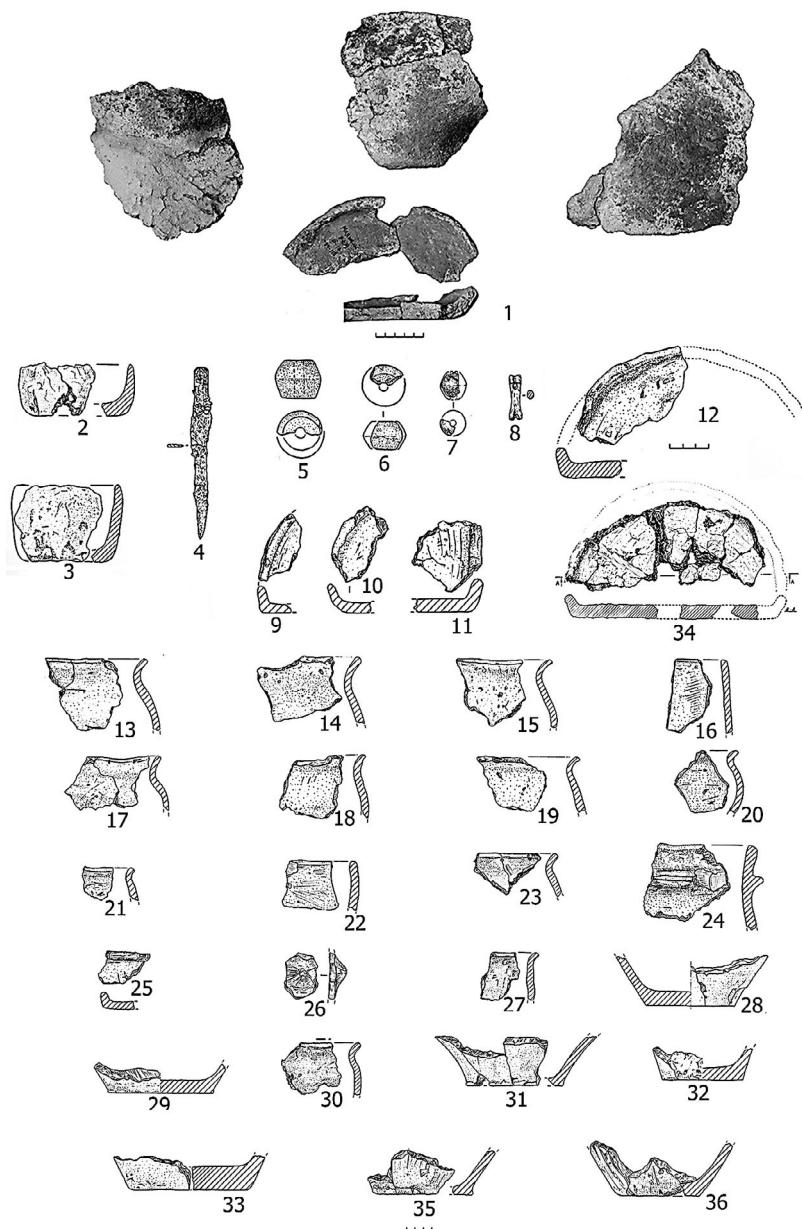

Рис. 63. Селище 3. Керамика из комплексов пеньковской культуры.
1 — раскоп № 29, помещение 5; 2—36 — раскоп № 26, помещения 2 и 5

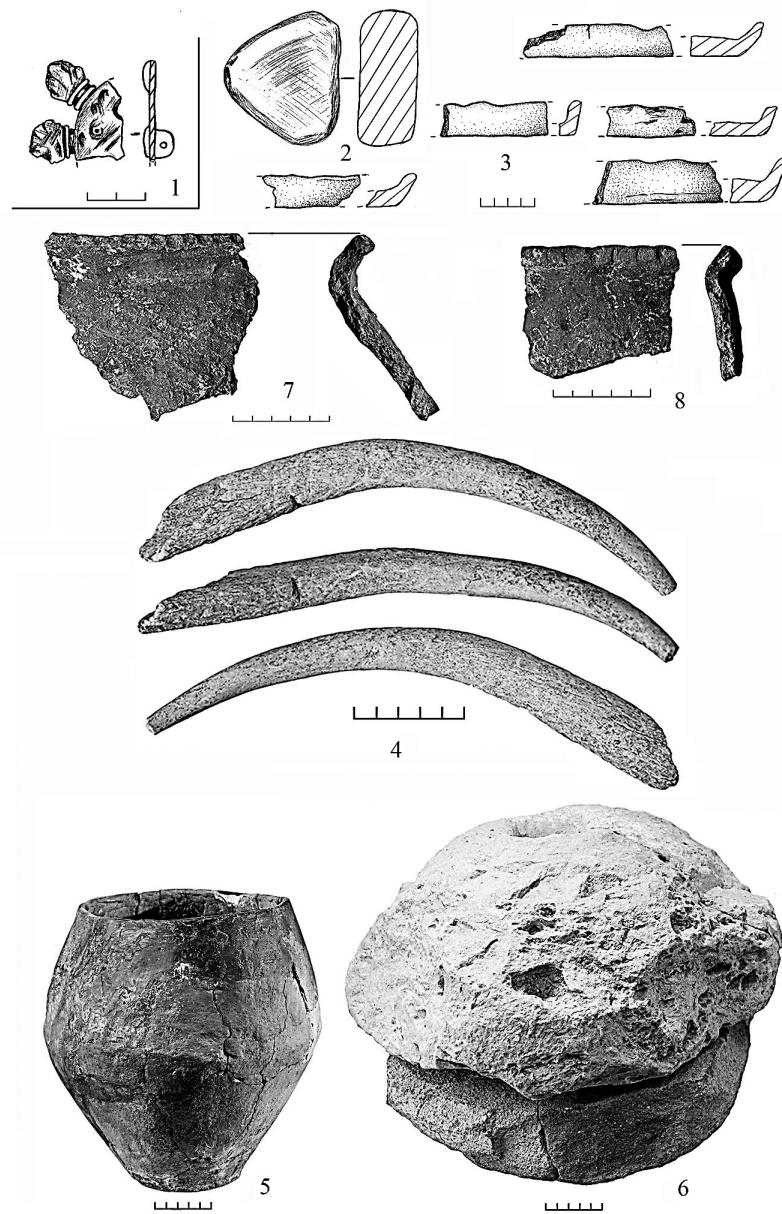

Рис. 64. Селище 3, раскоп № 29. 2005 г. Вещи из помещения 5.
1 — бронза; 2, 6 — камень; 4 — рог; 3, 5, 7-8 — керамика

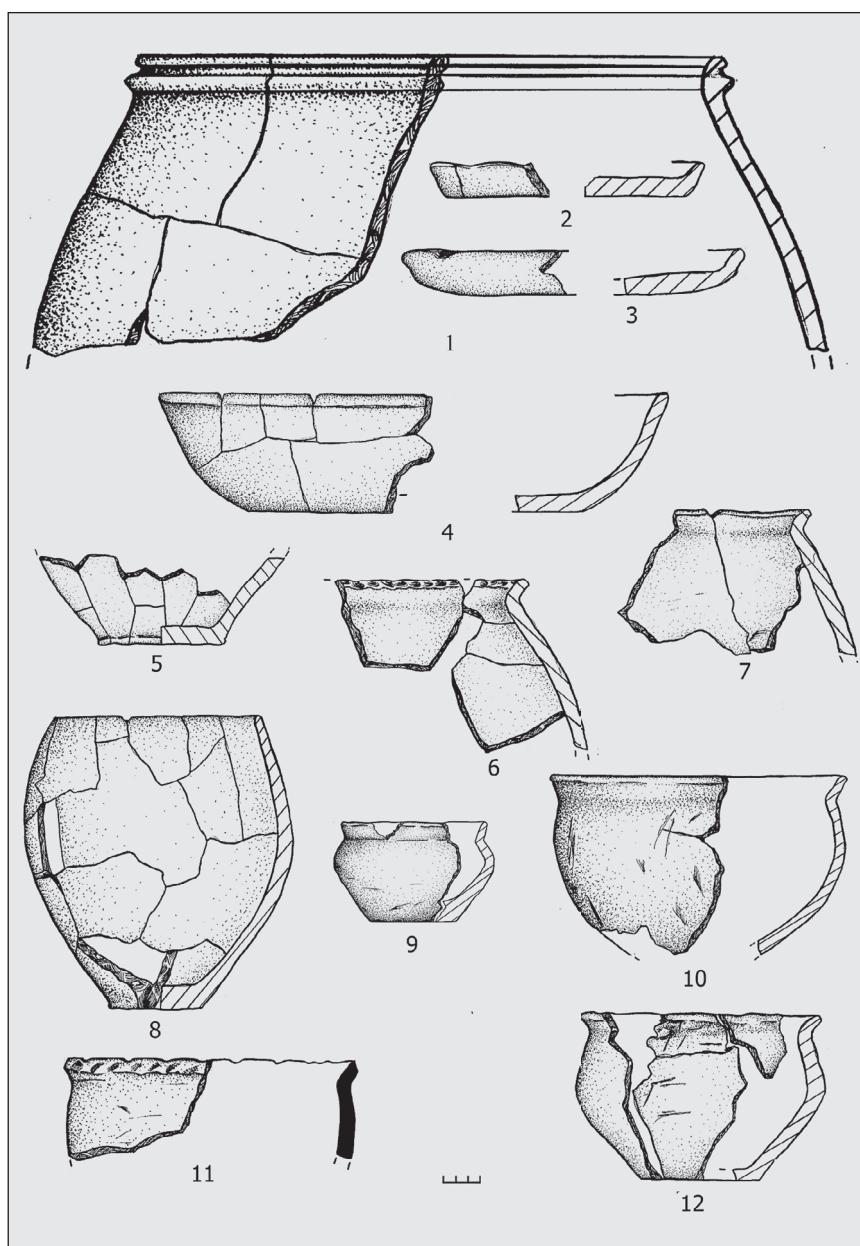

Рис. 65. Селище 3, раскоп № 29. 2005 г. Керамика из помещения 5

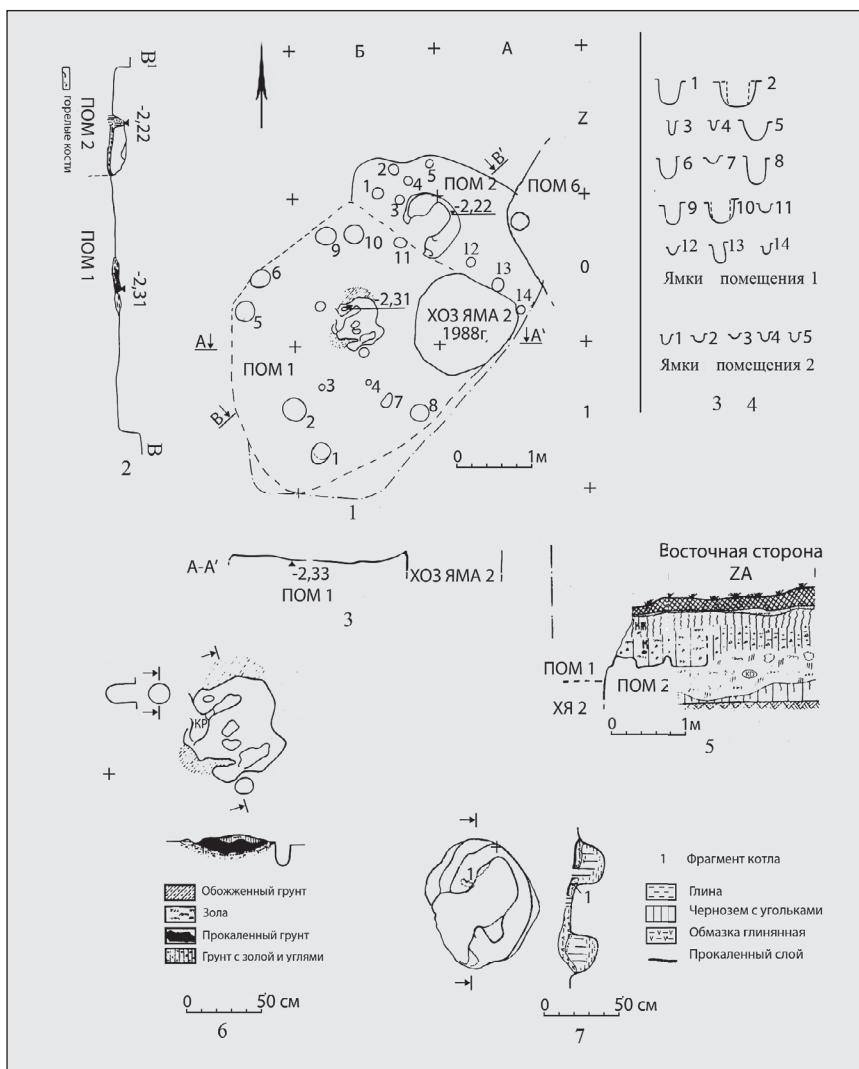

Рис. 66. Селище 3, раскоп № 26. 1990 г. План стратифицированных помещений 1 (1-3, 6) и 2 (1, 5, 7)

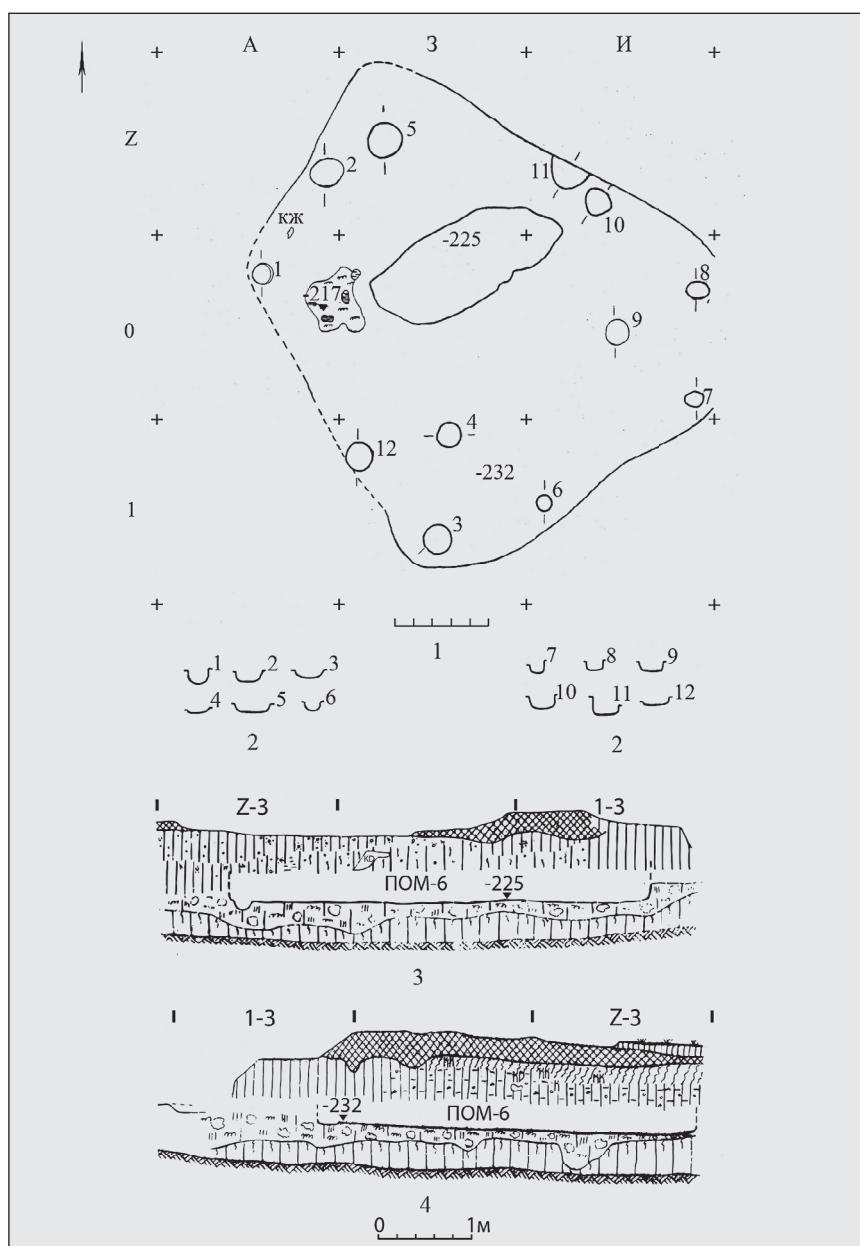

Рис. 67. Селище 3, раскоп № 26. 1990 г. План и разрезы помещения 6

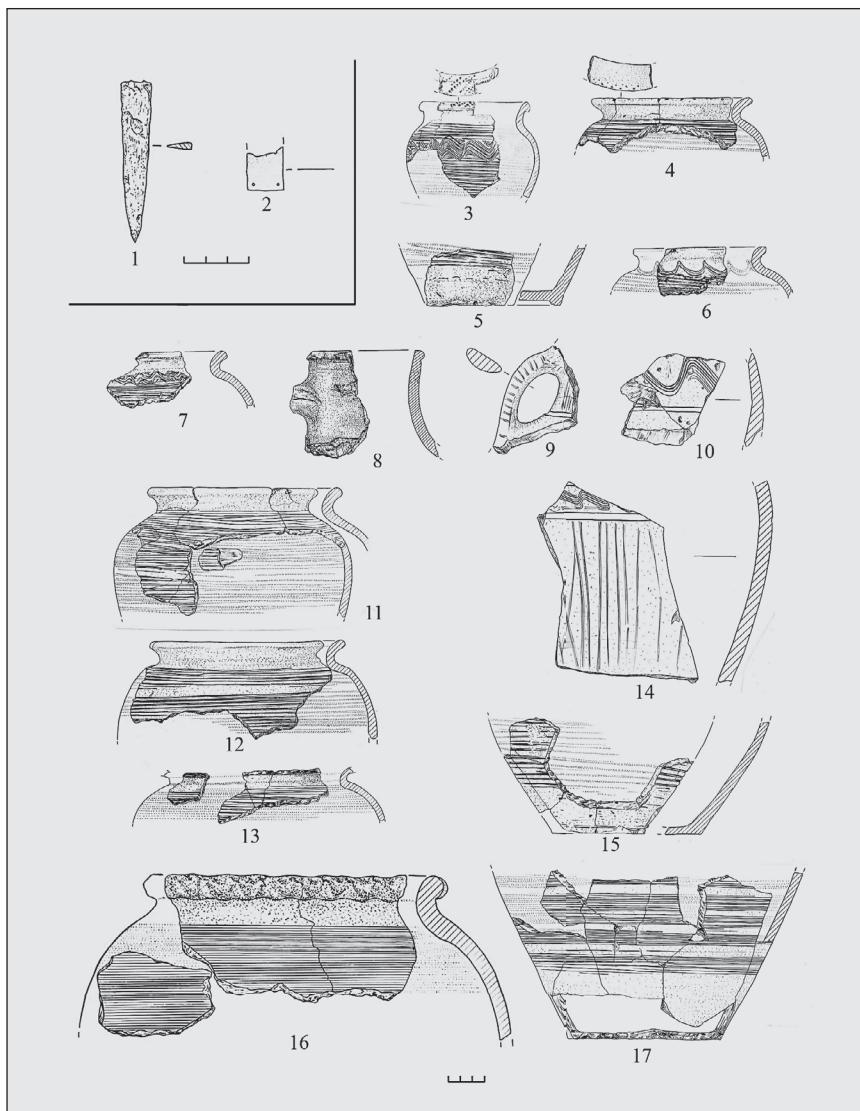

Рис. 68. Селище 3, раскоп № 26. 1990 г. Керамика (3–17) и металлические предметы (1–2) из помещения 1

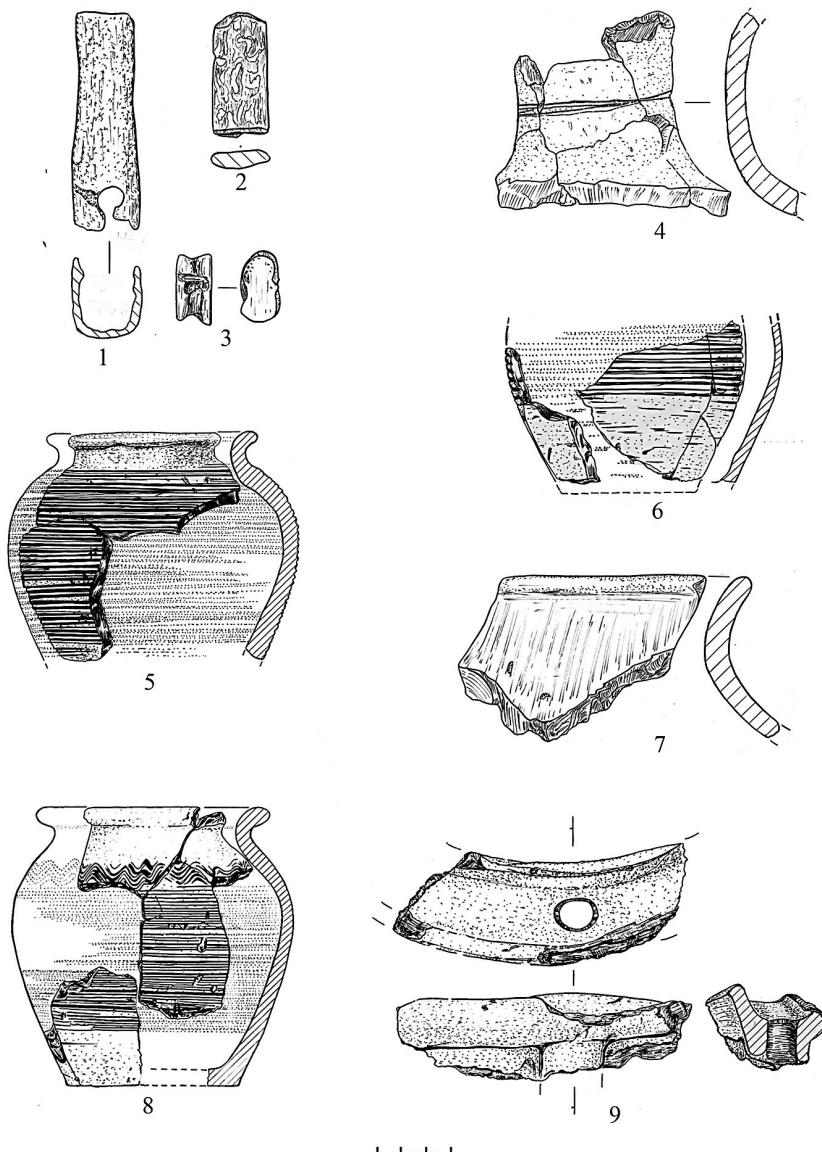

Рис. 69. Селище 3, раскоп № 26. 1990 г. Керамика (4–9), железные (1), изделия из кости (3) и рога (2) из помещений 2 и 6. Помещение 2 (9), помещение 6 (1–8)

1

2

Рис. 70. Селище 3, раскоп № 26. 1990 г. Фото комплексов.
1 — помещения 1–2 и хоз. ямы 2 и 3; помещение 6. Фото 1990 г.

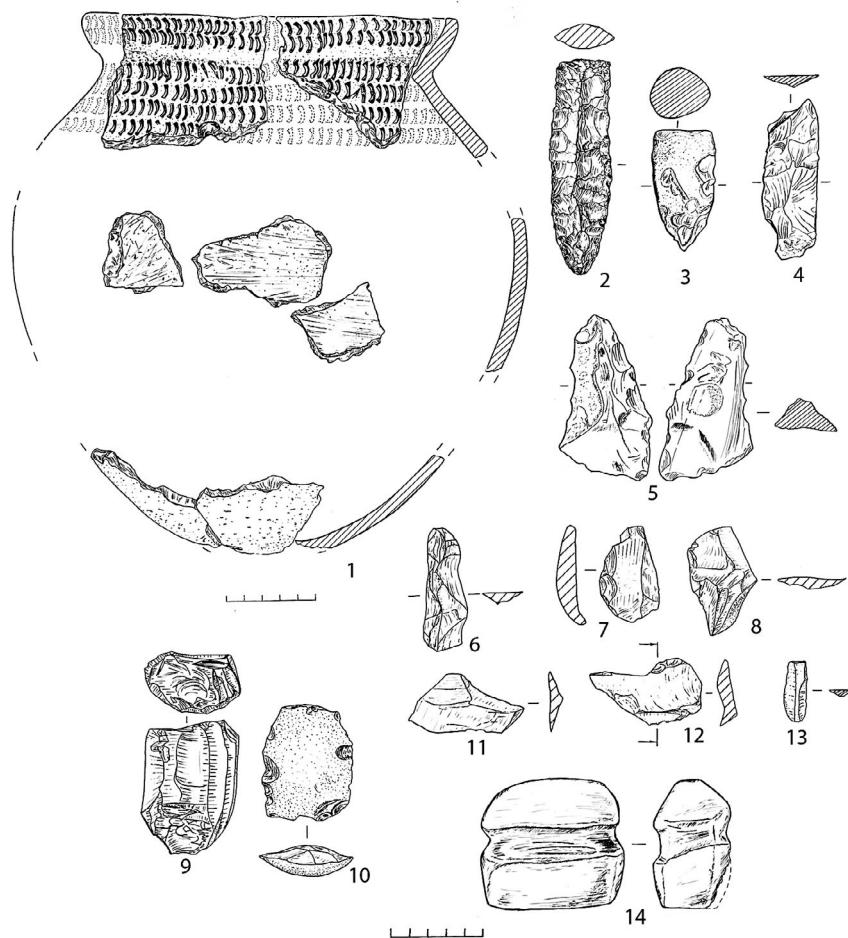

Рис. 71. Селище 3. Предметы из нижних горизонтов раскопов № 26-27.
1 — керамика; 2, 4, 6-13 — кремень; 3, 5 — кварцит; 14 — камень

Рис. 72. Селище 3, раскоп № 29 2005 г. Развал печи-каменки помещения 5

Рис. 73. Селище 3, раскоп № 29. 2005 г. Скелеты в помещении 2

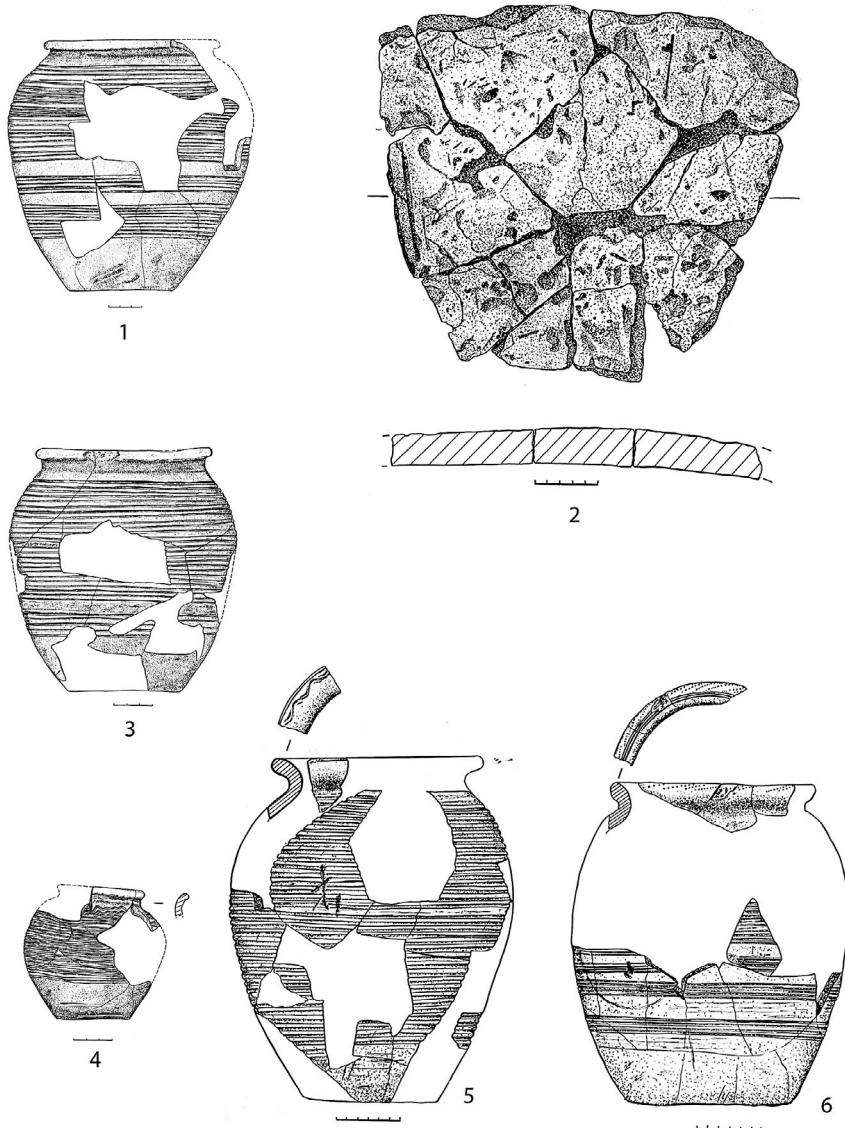

Рис. 74. Селище 3, раскоп № 27. 1991 г. Керамические изделия из заполнения хозяйственных ям салтово-маяцкой культуры

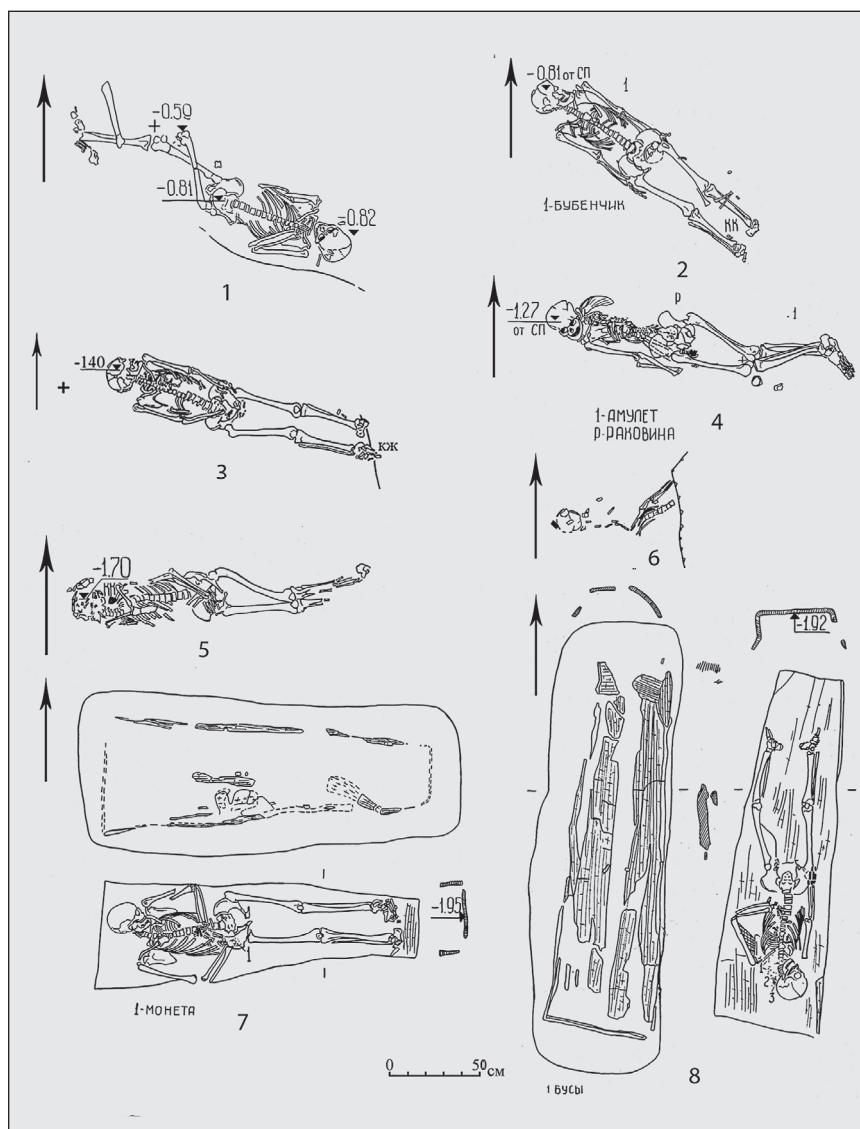

Рис. 75. Селище 3. Погребения раскопа № 27 1991 года. 1 — погр. 5; 2 — погр. 6; 3 — погр. 7; 4 — погр. 8; 5 — погр. 4; 6 — погр. 3; 7 — погр. 2; 8 — погр. 1

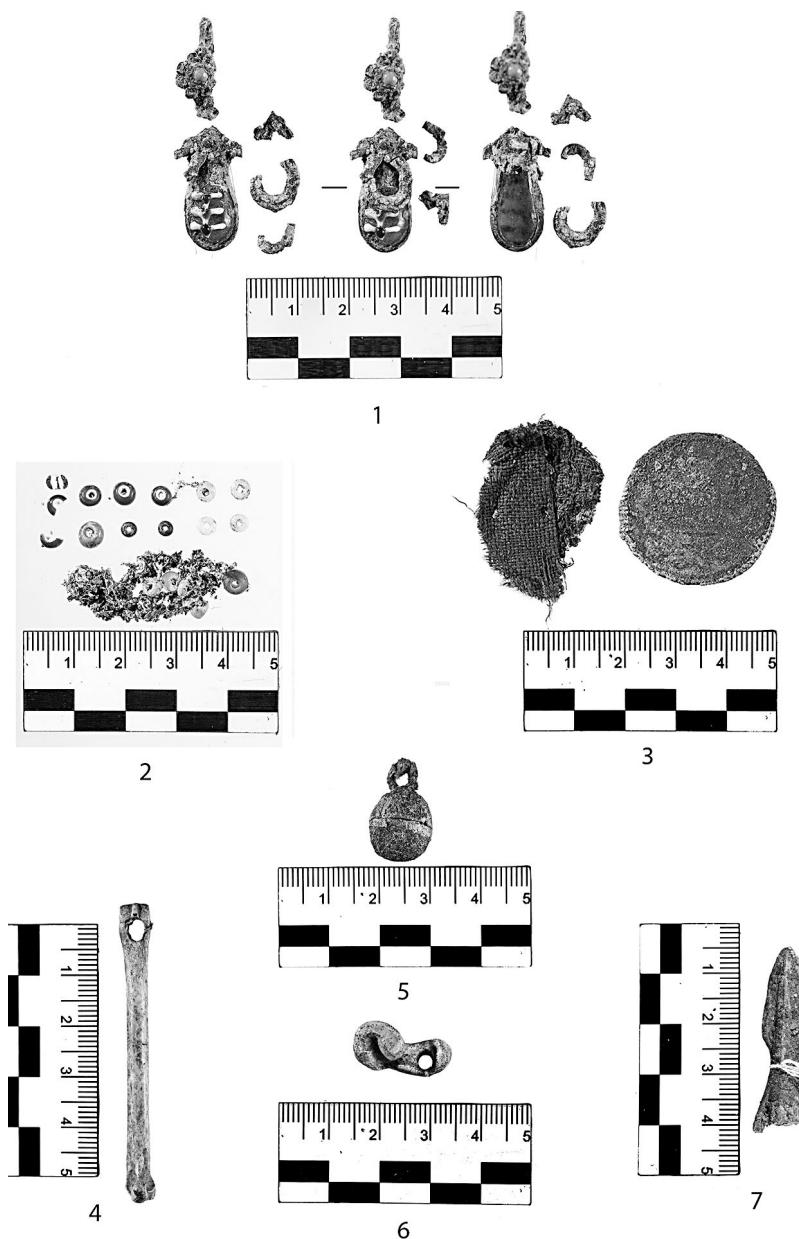

Рис. 76. Селище 3. Вещи из погребений (1-5) и слоя (6-7) раскопа № 27. 1991 г. 1-2 — погр. 1; 3 — погр. 2; 4 — близ погр. 8; 5 — погр. 6

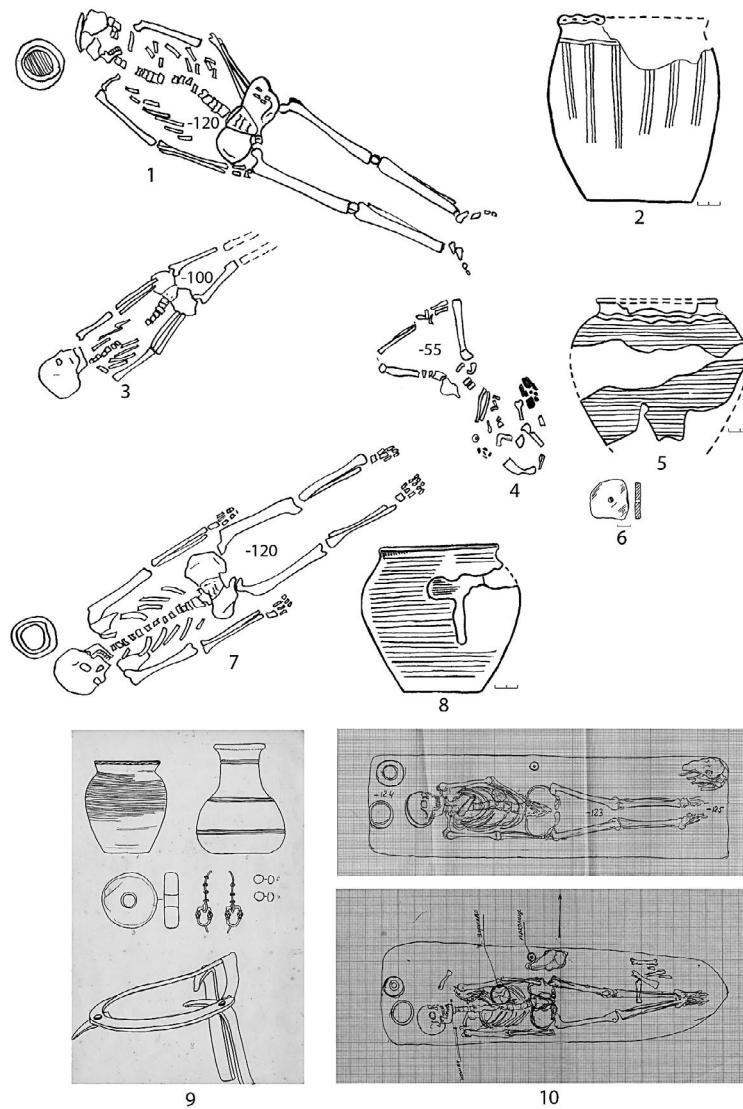

Рис. 77. Селище 3. Погребения могильника 1. 1-2 — погр. 4; 3 — погр. 2; 4-6 — погр. 3; 7-8 — погр. 1; 9 (1-6) и 10 — погр. 5 (7)
подъемный материал с территории городища.
9-10 (по А.И.Привалову, 1976)

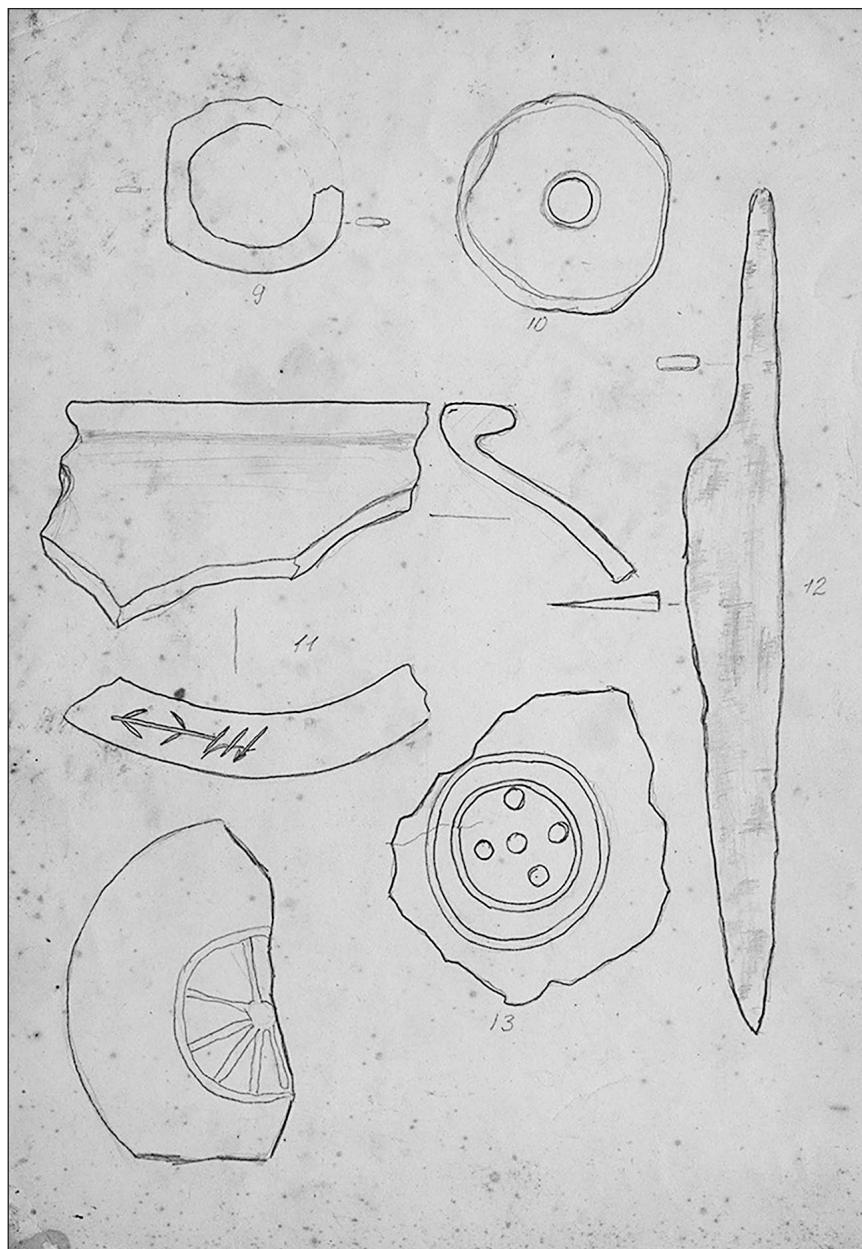

Рис. 78. Подъемный материал с территории городища
(по А.И.Привалову, 1976)

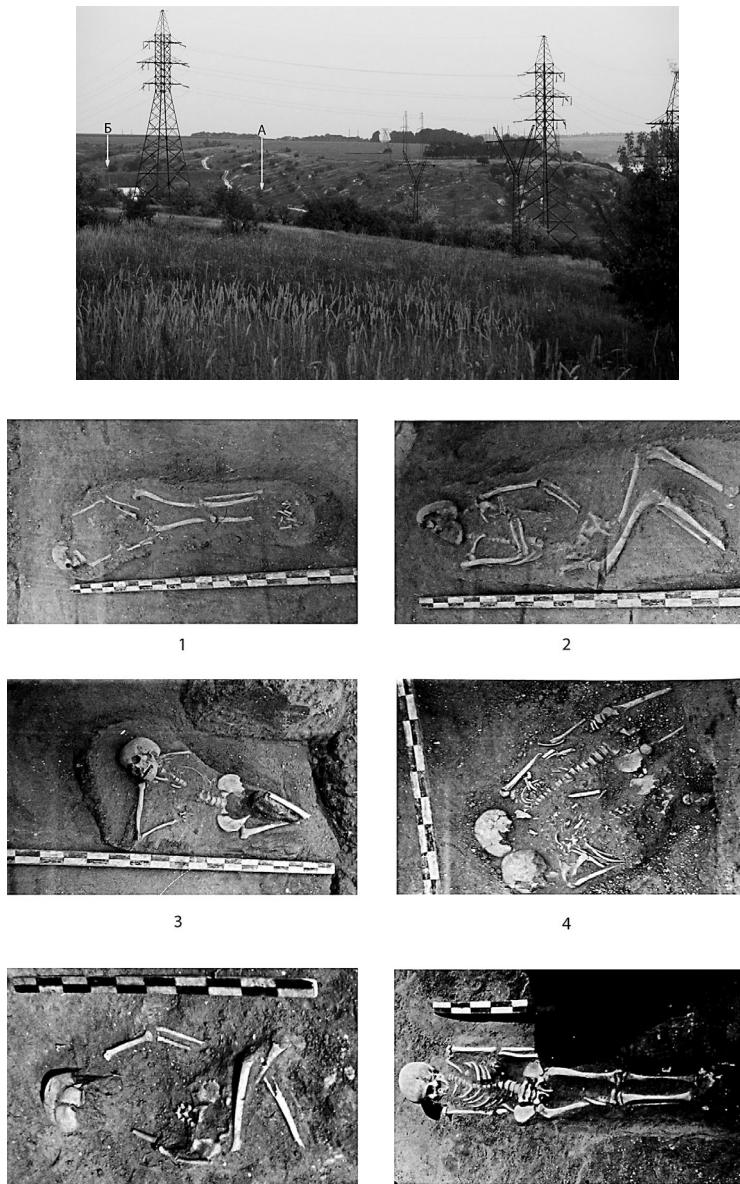
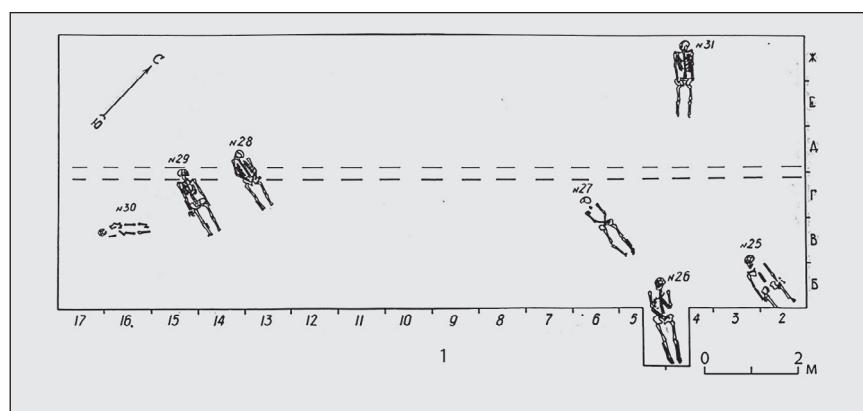

Рис. 79. Фото ситуационного расположения участков «А» и «Б» на могильнике 3. Селище 2. Участок «А», погребения: 1 — погр. 14; 2 — погр. 15; 3 — погр. 17; 4 — погр. 18; 5 — погр. 19; 6 — погр. 22 (по В.К.Михееву, 1965, 1966)

2

3

4

5

6

7

Рис. 80. Селище 2. Могильник № 3. Участок «А».

1 — общий план раскопа № 20. Селище 2.

Могильник № 3. Участок «А». 2 — погр. 26; 3 — погр. 27; 4 — погр. 28;

5 — погр. II раскопа VI; 6 — погр. IV раскопа VI; 7 — погр. 13

(по В.К.Михееву, 1968 а)

Рис. 81. Предметы с Царинского археологического комплекса.
 1 — роговой реликварий; 2 — шиферная иконка с изображением Святого Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских; 3 — серьги из погр. 5 могильника 1; 4 — медный позолоченный медальон с изображением Святого Николая; 5–6 — фрагменты поливной керамики из верхнего слоя, перекрывающего могилы некрополя 5
 (1–2 — по; Матеріальна та духовна культура..., 2017)

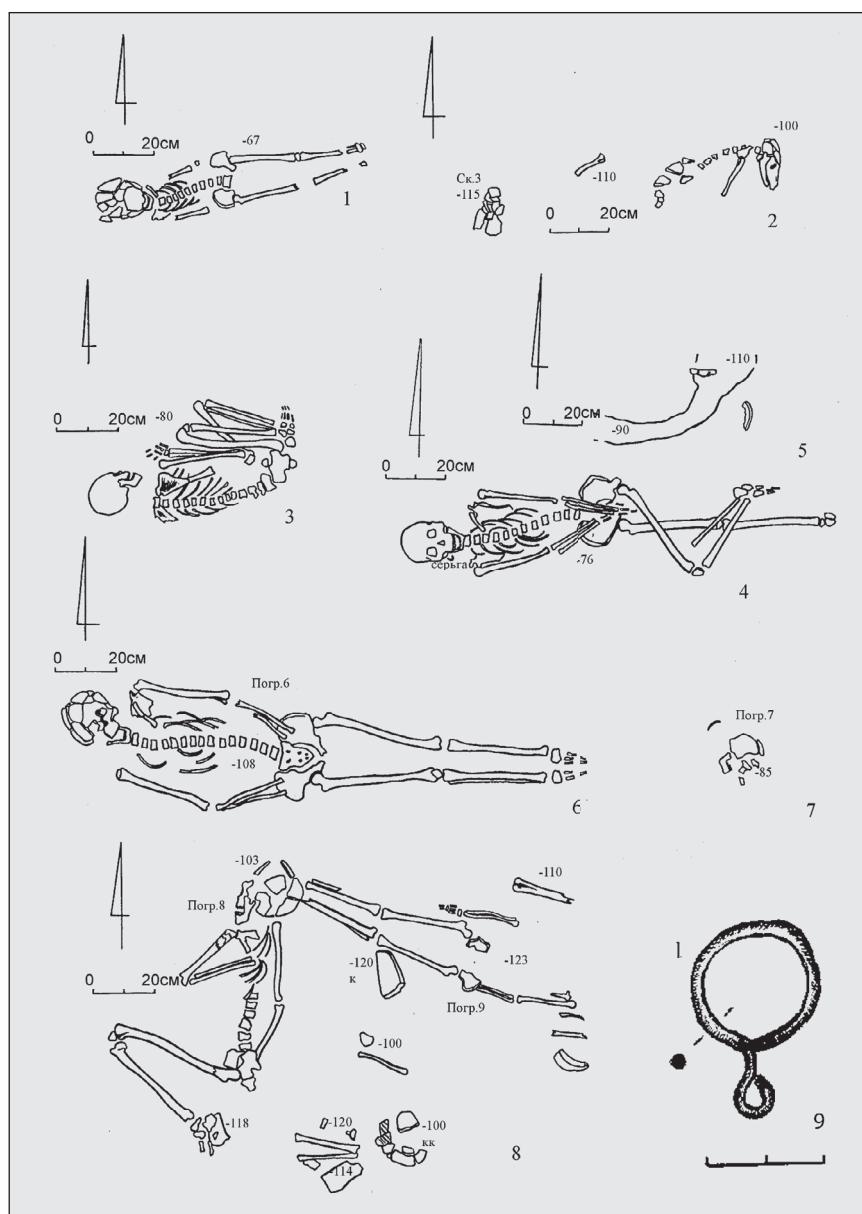

Рис. 82. Селище 3. Раскоп № 29. Могильник 6. Погребения: 1 — погр. 1; 2 — погр. 2; 3 — погр. 3; 4, 9 — погр. 4; 5 — погр. 5; 6 — погр. 6; 7 — погр. 7; 8 — погребения из помещения 2

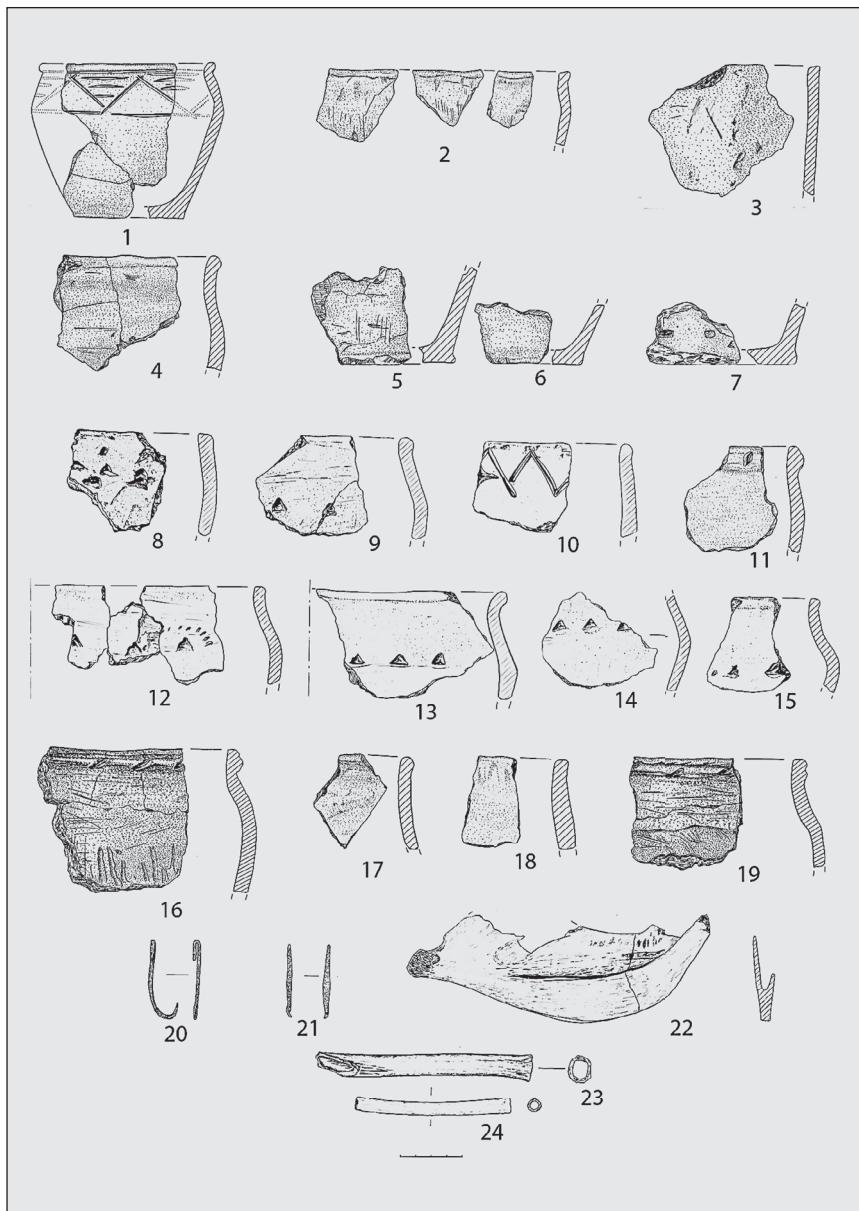

Рис. 83. Селище 3. Раскопы № 26-27. 1990-1991 гг.
Предметы из слоя зольника эпохи бронзы. 1-19 — керамика;
20-21 — бронза; 22-24 — кость

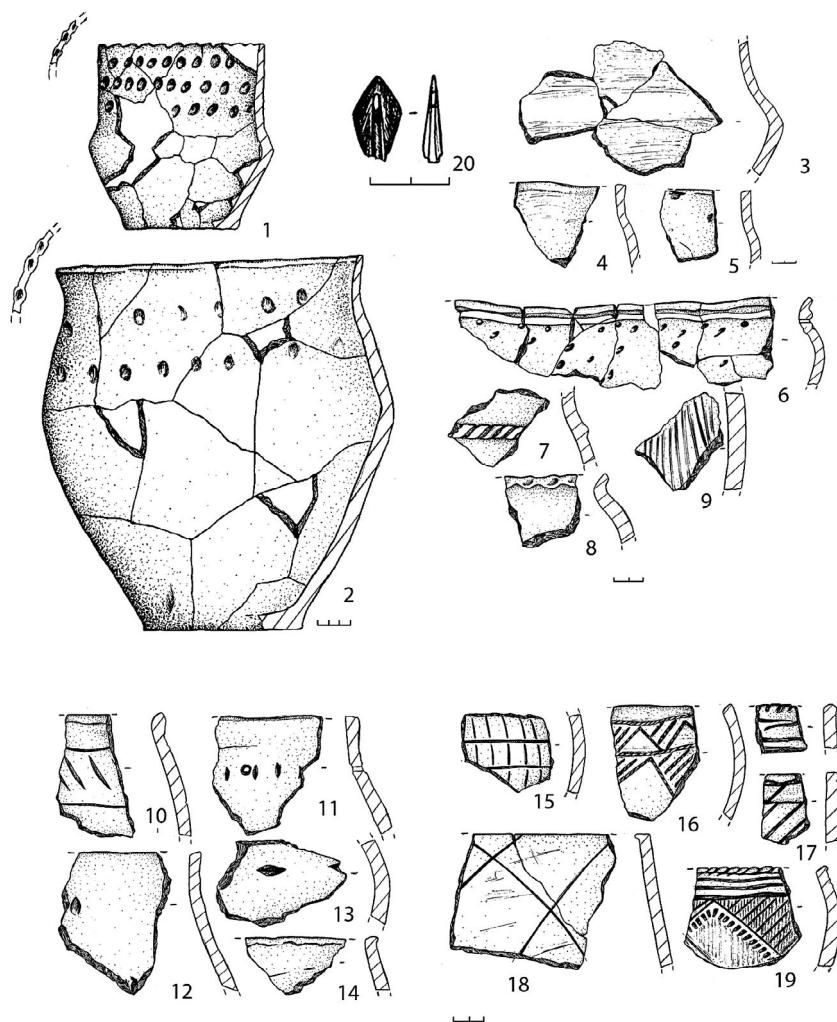

Рис. 84. Селище 3. Раскоп № 29. 2005 г. Предметы из зольника рубежа бронзы и раннего железного века. 1–19 — керамика; 20 — бронза

Рис. 85. Крупные тарные сосуды с территории памятника
(по В.К.Михееву)

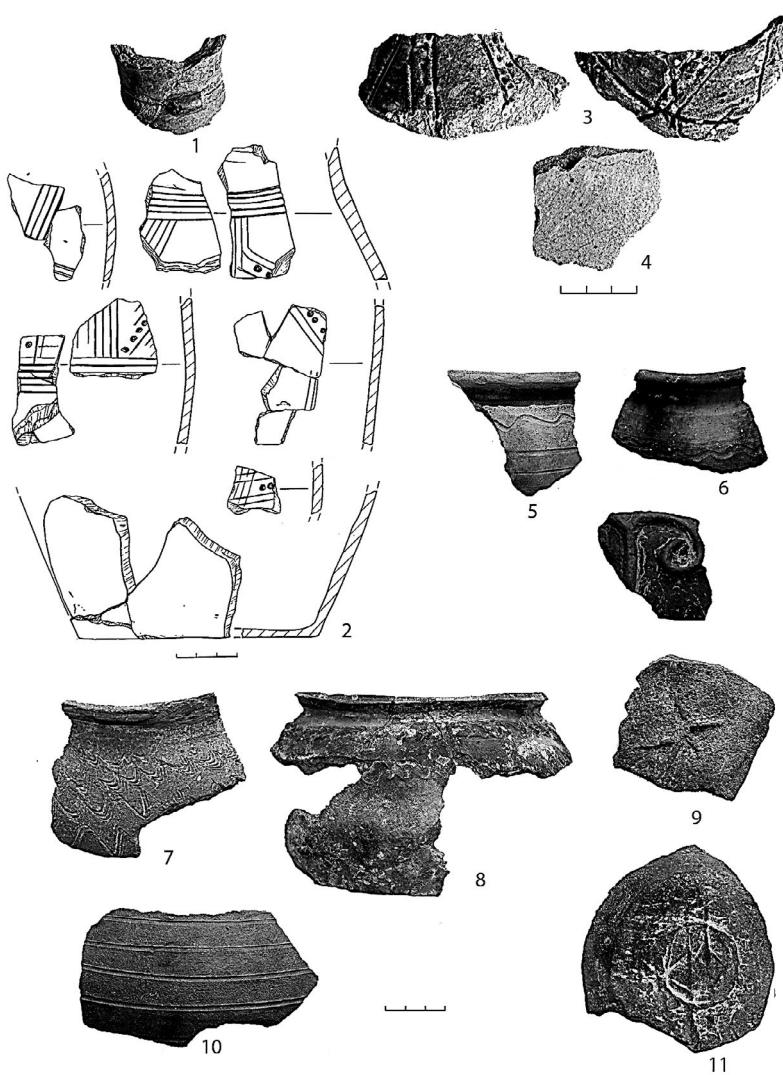

Рис. 86. Селище 3. Керамика с постсалтовского поселения XI–XIII вв.

- 1 — горлышко поливного сосуда из «траншеи 7» Г.Г.Афендика;
- 2 — фрагменты поливного сосуда из помещения 2 раскопа № 28;
- 3 — фрагменты поливного сосуда из помещения 3 раскопа № 29;
- 4 — фрагмент поливного сосуда из раскопа № 27;
- 5–10 — фрагменты горшков из раскопа № 29

Рис. 87. Ситуационная схема расположения раскопов и могильников на территории Царинского археологического комплекса

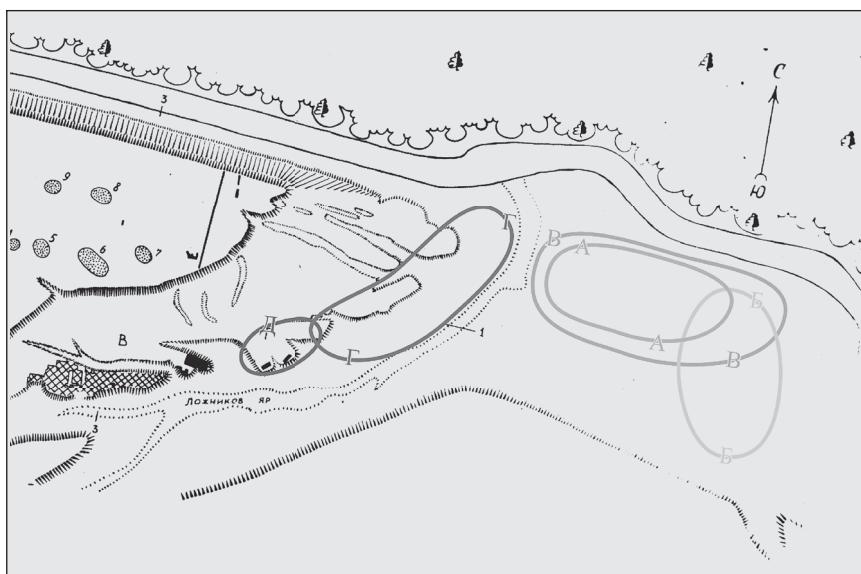

Рис. 88. Схема расположения поселений, существовавших на территории Царинского археологического комплекса. Ранний период

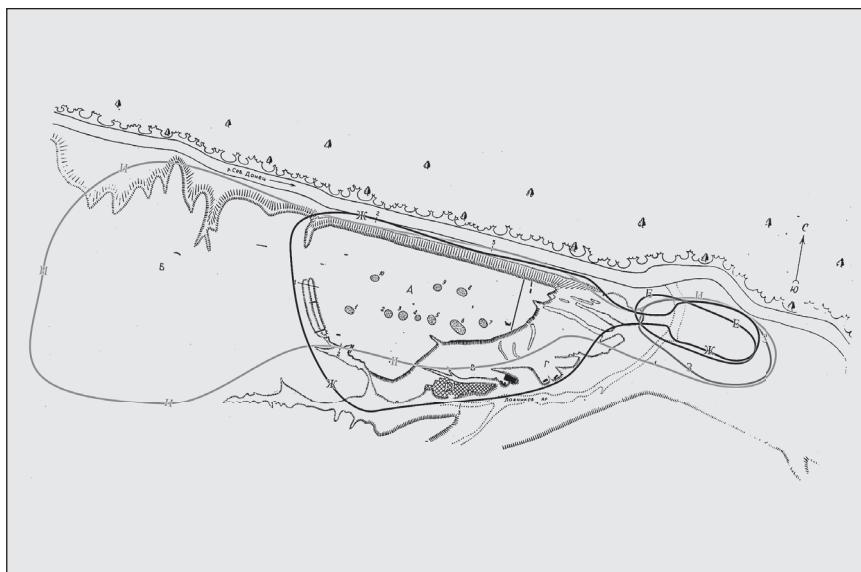

Рис. 89. Схема расположения поселений, существовавших на территории Царинского археологического комплекса. Эпоха Средневековья

СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА
BYZANTINOTaurica — VII

Серия основана в 2022 году

Знак информационной **16+**

Научное издание

Э.Е.Кравченко

ЦАРИНО ГОРОДИЩЕ.
Формирование поселенческой структуры

Ответственный редактор С.Г.Бочаров

«Н.Оріанда»™
ИП Пинчук А.В. 23 №008849391 от 15.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 10.12.2024.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

«Н.Оріанда»™, 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, а/я 13.
Тел.: 8 (800) 505-15-19, 8 (3652) 60-49-19.
E-mail: n-orianda@mail.ru; <https://n-orianda.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма».
295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34, оф. 13.
Тел.: +7 (978) 725-35-78; Formacrimea@gmail.com

ISBN 978-5-6053335-5-5

9 785605 333555